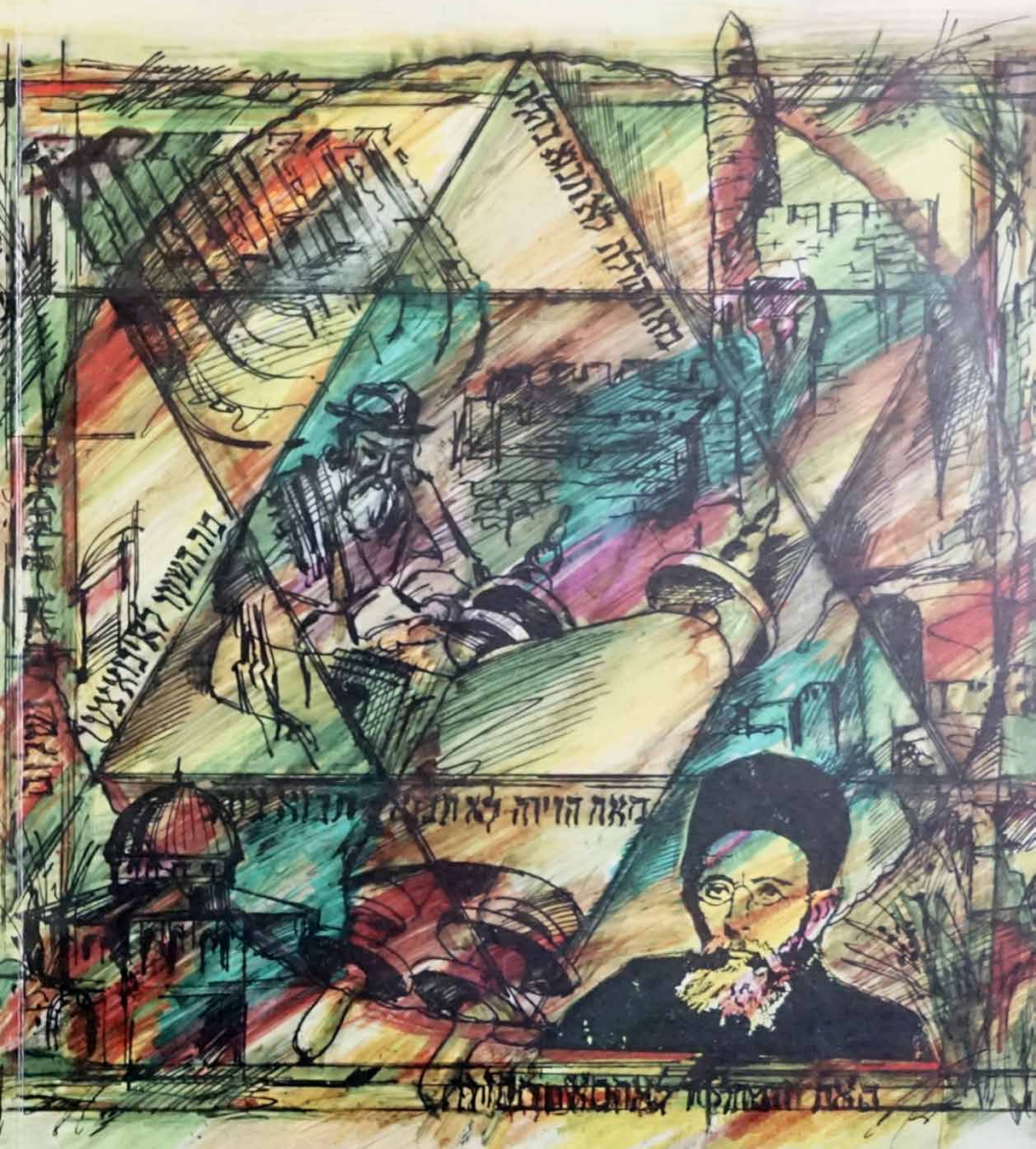

НАША ЗВЕЗДА

АСТАРАЙМУ

НАША ЗВЕЗДА

АСТАРАЙМУ

*литературно-публицистический альманах
Союза писателей-горских евреев в Израиле*

№ 1

Иерусалим, 2001

Издание литературного альманаха, все авторы которого горские евреи — радостное событие не только для представителей этой замечательной общины, но и для всей израильской культуры. Это — первый в Израиле и на сегодняшний день — единственный в мире альманах, объединяющий на своих страницах произведения горско-еврейских прозаиков, драматургов и поэтов, как тех, чьи имена уже вошли в историю горско-еврейской литературы, так и тех, кто только пробует свои силы в литературе. Я не сомневаюсь, что издание такого альманаха послужит делу укрепления и процветания общины, сохранения ее замечательных культурных традиций, успешной интеграции в израильское общество. Альманах, издаваемый на трех языках, познакомит широкие слои израильтян с творчеством литераторов-горских евреев и внесет достойный вклад в создание единого поля израильской культуры — общей для всех граждан страны вне зависимости от страны исхода. Я желаю успеха создателям альманаха — Объединению кавказских евреев, возглавляемого Йонатаном Мишиевым, и Центру поддержки новых репатриантов-деятелей искусства.

Юлий ЭДЕЛЬШТЕЙН,
заместитель министра абсорбции

Выход в свет альманаха писателей-горских евреев — это радостное событие не только для общины выходцев с Кавказа, но и для всего израильского общества. И это еще одно доказательство, что израильское общество с честью выдержало экзамен на удачную абсорбцию работников искусства, на земле праотцев не только живущих образной системой доисторической родины, но и открывших здесь новые возможности самовыражения, без которых они не смогли бы полноценно влиться в наше общество. Об этом свидетельствует и то, что альманах выходит на трех языках — не только на русском и джуури, но и на иврите.

Я уверен, что ивритский раздел альманаха сможет познакомить многих коренных израильтян с ранее неведомым им пластом древней и богатейшей культуры горских евреев, который община сохранила, не отойдя от традиций наших праотцев. Думаю, что этот альманах обогатит как израильскую литературу, так и культуру нашего общества в целом.

Я поздравляю Объединение кавказских евреев в Израиле и Союз писателей-горских евреев с выходом в свет этого альманаха и хочу пожелать всем писателям-выходцам с Кавказа продолжения плодотворной работы на ниве изящной словесности.

Матан ВИЛЬНАИ,
министр науки, культуры и спорта

יציאתו לאור של כתב עת ספרותי של יהודי קווקז היא מאורע משמח לבני קהילה נהדרת זו וכן לכל איש שתרבות ישראל יקרה לו. לראשונה בארץ ובעולם יוצא לאור כתב עת המאגד יצירות של מחזאים, משוררים, סופרים מהרי קווקז הותיקים ומתחילים. סבורני שכתב עת זה יחזק את הקהילה ויוסיף לשגשוגה, לשמירת ערכיה ומסורותיה התרבותיות, לקליטתה המוצלחת בארץ.

כתב העת היוצא בשלוש שפות יביא את אוצר היצירה של סופרי קווקז היהודיים אל כל העם היושב בציון ויתרום את חלקו למפעל היווצרות התרבות הישראלית המשותפת לכל בני הארץ. ברכתי יישר כוח נתונה להתאחדות עולי קווקז בישראל ויו"ר יהונתן מישייב, וכן למרכז עידוד לעולים אומנים, המוציאים לאור של "נאשה זוודזה".

**יולי אדלשטיין,
סגן שר הקליטה**

הופעתו של קובץ יצירות סופרי קווקז היהודיים הינו מאורע משמח לקהילת עולי קווקז וכן לכל העם היושב בציון. החברה הישראלית עמדה במבחן קליטת האומנים בארץ האבות. האומנים אינם מסתפקים במערכת הדימויים של מולדתם הגשמית, אלא מגלים לעצמם אפשרויות חדשות לביטוי עצמי כי בלעדי כן לא היו יכולים להשתלב בחברתנו. אני מוצא עדות לכך בתלת לשוניות של הקובץ, הכתוב רוסית, גיאורית וכן עברית. סבורני שמדור העברי יעזור לבני הארץ הרבים להכיר את התרבות הלא נודעת להם, היא התרבות העשירה ועתיקה של יהודי קווקז. הקהילה שמרה את מסורת אבותיה. לכן יעשיר הקובץ את הספרות הישראלית וכן את התרבות של חברתנו. מברך אני את התאחדות עולי קווקז בישראל ואגודת הסופרים יהודי קווקז לרגל הופעתו של הקובץ ומייחל לכל הסופרים יוצאי קווקז עבודה פורייה בשטח הספרות היפה.

**מתן וילנאי,
שר המדע, תרבות וספורט**

Для меня выход в свет альманаха писателей-горских евреев — на самом деле большая радость. Потому что эту идею я вынашивал несколько лет, с того самого времени, когда был избран председателем Объединения кавказских евреев в Израиле.

Не могу не отметить, что наш альманах — еще одно подтверждение удачной абсорбции наших творческих работников, полноправно влившихся в израильское общество. И теперь богатейший слой нашей словесности, основанной на фольклоре горских евреев, приходит к массовому читателю. «Нашу звезду» по праву можно назвать преемником литературного альманаха «Ватан Советиму», издававшегося на протяжении десятилетий и прекратившего существование в конце 80-х годов.

Я рад, что этот проект мы осуществляли совместно с Союзом писателей-горских евреев. Неоценимую помощь нам оказали министерство абсорбции и его отдел трудоустройства, министерство науки, культуры и спорта. Особо благодарю Центр поддержки новых репатриантов-деятелей искусства в лице Анны Фогорьян, а также председателя Союза художников-выходцев с Кавказа Симху Ашурова за прекрасные иллюстрации к альманаху.

Йонатан МИШИЕВ,

председатель Объединения горских евреев в Израиле

Когда речь идет о напутствии новому изданию — журналу ли, альманаху — легко впасть в патетику или отделаться дежурными фразами. И тем не менее издаваемое собрание текстов — явление незаурядное. К ивриту и русскому мы уже привычны, но тут возникает еще одно измерение, третий язык — джуури, который относят к умирающим (такую же судьбу прочили ивриту и прочат идишу). Но, как нередко бывает с языками, сообщения об их смерти сильно преувеличены.

Собрание текстов на трех языках само по себе явление необычное, объемное, но к этому следует добавить, что авторами текстов являются люди гор, евреи, острее и прямее других ощущающие, что означало стоять у подножья Синая, ожидая, подобно свету дальних звезд, особенно ясному на высотах, откровения свыше. Хорошо помню, как я, уроженец равнины, впервые в юности увидел горы.

От имени Федерации Союзов писателей государства Израиль, в которой Союз писателей-горских евреев занимает законное место, я приветствую выход в свет первого номера литературно-публицистического альманаха горских евреев «Наша звезда» и желаю ему долгого плавания.

Эфраим БАУХ,

председатель Федерации Союзов писателей государства Израиль

הופעתו של קובץ יצירות סופרים – יהודי קווקז גורמת לי שמחה רבה ומרובה. שנים שקדתי לכך, מאז שנבחרתי ליו"ר התאחדות עולי קווקז בארץ. הקובץ שוב מוכיח את קליטתם המוצלחת של יוצרינו המשתלבים כשוויים בחברה הישראלית. עתה, שכבה עשירה של ספרותנו המבוססת על אמונת העם של יהודי קווקז נגישה לחוגים רחבים של קוראים. "כוכבנו" (נשה זבזדה) הינו היורש החוקי של כתב עת ספרותי "ותן סובייטימו" אשר הופיע במשך שנות דור וחדל מלהתקיים בסוף שנות ה-80. מה טוב שהרמנו מפעל זה יחדיו עם אגודת הסופרים עולי קווקז. לא תסולא בפז העזרה שהעניקו לנו משרד הקליטה ומחלקת התעסוקה, וכן משרד המדע, תרבות וספורט. תודתי המיוחדת נתונה למרכז קליטת היוצרים ולאנה פוטוריין העומדת בראשה, וכן ליו"ר אגודת ציירי קווקז בארץ, שמחה אשורוב בגין איוריו הנאים של הקובץ.

יהונתן משייב
יו"ר התאחדות עולי קווקז בישראל

כשמדובר על ברכת הדרך לכתב העת או לאלמנך חדש, קל להיסחב לפתוס או לצאת לידי חובה במילים תורניות, אך בלי ספק האלמנך הזה שיוצא לאור בשלוש שפות, זוהי תופעה יוצאת מהכלל. לעברית ורוסית כבר התרגלנו, אך כאן נכנס מר נוסף – שפת יהודים הרריים – ז'ואורי, שפה שנחשבה כהולכת ונעלמת (בעבר כך חשבו על עברית וכעת כך חושבים על אידיש). אך כמו שקורה לעיתים עם שפות, הודעה על מותם היא מוגזמת. הקובץ של טקסטים בשלוש שפות זוהי באמת תופעה לא רגילה, אך צריכים להוסיף לזה שמחברי הטקסטים הללו הם יהודים הרריים, שיותר עמוק מאחרים מרגישים מה זה לעמוד במרגלות הר סיני (להמתין כאור הכוכבים, שהוא במיוחד חזק וטהור בהרים, את בשורת אל ממרומים. אני זוכר היטב את התרגשות לבי כשבפעם הראשונה בנעורי אני, יליד המישור, ראיתי הרים.

מטעם התאחדות אגודות הסופרים במדינת ישראל, שבמסגרת מקום מכובד לאגודת הסופרים של יהודים הרריים, אני מברך את הוצאה לאור של האלמנך הספרותי הראשון של יהודים הרריים "הכוכב שלנו" ומאחל להם דרך ארוכה.

אפרים באוך,
יו"ר התאחדות אגודות הסופרים במדינת ישראל

СВЕТ «НАШЕЙ ЗВЕЗДЫ»

Уважаемые читатели! Вы держите в руках первый номер литературно-публицистического альманаха горских евреев «Наша звезда», изданный совместно Союзом писателей-горских евреев в Израиле и Объединением кавказских евреев в Израиле.

Почему мы назвали наш альманах именно так — «Наша звезда»? В этой метафоре, как в небесном светящемся теле, много лучей. Но есть и главный смысл — верность шестиконечной звезде Давида. Она в годы рассеяния поддерживала в нас надежду на возвращение в Землю Обетованную. Ведь не зря мы постоянно повторяли: «В следующем году — в Ершолоиме». Теперь мы ощущаем свет этой звезды на нашей земле.

Появление нашего альманаха, как мне кажется, событие исторически важное. Оно возвещает миру, что в современных горских евреях, как и в их знаменитых предках — Шоуле Симанду, Хизгие Эмине и других — живет творческое начало.

Где-то три десятка лет назад скептики говорили, что наш язык умирает, и никому он не будет нужен, поскольку с этим языком в институт не поступишь и на работу не устроишься. Однако жизнь показала правоту известного выражения: «Не хлебом единым жив человек». Язык джуури продолжает жить. У нас есть и слушатели, и читатели — специальный раздел альманаха лишь подтверждение тому.

В свое время в жизнь нашей общины стал интенсивно входить русский язык. И многие наши авторы пользуются именно им, другие пишут на двух языках. Недалеко время, когда иврит станет третьим языком горских евреев — уже появляются произведения на этом языке. Ивритский раздел альманаха пока самый короткий. Надеюсь, он будет пополняться из номера в номер.

Очень приятно было создавать этот первый совместный проект вместе с председателем Объединения кавказских евреев в Израиле Йонатаном Мишиевым. Выражаю благодарность также министерству абсорбции, министерству науки, культуры и спорта, Центру абсорбции новых репатриантов-деятелей искусства, Федерации союзов писателей Израиля.

Да будет с вами всегда свет «Нашей звезды»!

Борис ХАНУКАЕВ,
*председатель Союза писателей-горских евреев
главный редактор альманаха,*

ТОВУШ ГЪЕМИШЕЛУГЪИ

ШИРОГЪО

Яков Ильягуев

24 ноябрь 2001 сал, дуьсал томом бири эз руз муьрдеи еки эз веделуье шогьиргьой халгъ иму Яков (Ешугло) Ильягуев.

Я.Ильягуев хьэсуьл омори э дигъ Муьшкуьр (Нуьгди) э 1916 сал. Э 1932 сал у хундени э педтехникум шегьер Дербенд.

Гье эз у салевоз сер гирде нуьвуьсдени суьфдеи стихигьой хуьшдере, комигьои дофус зере оморенуьт э гозит «Зэхьметкеш» (республиканский гозит э зугьун жугьуриму, дофус зере оморенбугьо э шегьер Дербенд).

Э вэхд Келе довглой Ватани у бири э фронт. Э еки эз бесхунигьо э гьэршуй фашизм, у э е ченд хьэрмэхьгьой хуьшдеревоз офдорени э есири. Оммо гьинор сохде вирихденуьт эз пенжей фашистгьо. Угьо хьофд есиригьо — догъистонигьо гуьрд биренуьт э десдей партизангьой грециаровоз ве те эхир довгло бесхун доренуьт фашизмере. Оммо эжеш небириге э вэхд бесхуни Я. Ильягуев улкей хуьшдере — Догъистуре гье дошди э дуьл. Унегуьре у нуьвуьсди:

Иму хьофд бирим — кукгьой Дагестан

Э вилеет Эллада партизан.

Дуриш биреймге эз туь Ватан

Гьербо гүфдирейм: «Зигьо Дагестан!»

Яков Ильягуев те песини салгьой хуьшде бэхшвегир литературай халгъ иму бири. У нуьвуьсде стихигьо ве поэмэго дофус зере оморет э альманах зугьун дедеиму ве э жейлее сборникгьою. Яков Ильягуев э 1996 сал омори э Израиль ве э хьэшдодимуьн салгьой хуьшде вокурди тозе верэгъ эн торих зиндегунни хуьшдере ве эн творчествой нуьвуьсденгьой хуьшдере. Гьемчун э Израилиш у дофус зери сборник «Стихигьо, поэмагьо ве еровурдигьо». Э зофру эдейм дофус зереним эз дефдер шогьири Яков Ильягуев.

КУЬГЬНЕ ДЕГИНОГЬО ЗИНДЕЮТ

1

Ме глэил гьисди шинирем гофгьо,

Э пири э ер оморет угьо,

Мигуфди дедей гьемише э ме:

«Тефиглэт сох жон, хубе эз зобу».

2

Хъэеменде зен Мизрахъи Кавказ,
Гофгъой туь э дуьл сес сохде чуьн саз,
Э зиндегуни э енде бирет,
Э гъэд дуьл угъо гІэзиз зигъисдет.

3

Домо вокурде гирисде мэхъэл,
Шинирем туьре, гофгъо бируьт тэхъл,
Угъо эеки гъушмелуь бирет,
Э бендгъой мэгни ухшеши зерет.

4

Раче лошун гофгъо, ранде зере,
Бируьт гъемме, эз дорун дуьл вихде,
Бегем шогъир бири, эри хунде?
Гъемиге гирье мисохди асде.

5

Эз ме мигуфдири: «Нобу-нобуден,
Нуьши э межлуьс эн бед, эн надан,
Воре, бурай жон, рэхъ гІовункоре,
Угъо сохденуьт беде коргъоре».

6

ДэгІногъо герек бисдорут гьербо,
Э пири фурмуш не сохд гъич ебо,
Ферзенд гъурбуни эй энугІэрсгъо,
Дедей увэхди, тигъи сохдигъо.

7

Руз орине сер мишушди гьербо,
Гъуьжуьм увэхди тов-тови мидо,
Себэхъ шоботи, гъонун Худои!»
«Эри инсонгъо — руз форигъэти.

8

Гье эз у салгьо ме фикир сохдуым,
Э вэхд жовони э туь гуфдируым:
«Туь зен Мюшкуьри, гофгьо дануьсде»
Мугуи угьо зерекют ранде.

9

Едигор мундет гуфдире гофгьо.
Э зиндегуни зигьисдет угьо,
Е гъэде гьелеш фурумуш не сохдем
Мере э дуьл гьоимлуь дошдем.

Петах-Тиква

1998 сал

ХОРИ СЕ БЕБЕГЬО

Мэхьэлгьо бири шевгьо гъэргъ бирет,
Рузгьо эрме торики зерет,
Э жэш биремге имидлуь бирем
Сере тик гирде мевгIэле бесдем.

Тиро-тефило нэхундемге ме
Э чул-пелесе дошдем э дуьл ме,
Э шори-ники, э гъэд жэгIметгьо
Э ер овурдем-гъэгъэ, ме гьербо.

Э келемерди шор гьисмет бирем
Четинигьош диремге, оморем,
ГIэсо добу э дес ме, уре норум
Э тегьер жовон пой норе гешдуым.

Сес туь Исроил-буьзуьрге Ватан
ГIэсуьллuye нум! Гьэгъ гIуьломе дан,
Э гьемей хори гешди чуьн эвир
Девргьош гирошдетге не бирей вир.

Хори гьуьл зери-зимилерз бире,
Тозе дохьоригьо яратмиш бире,
Эз туьгьуьм хори элов варафде.
Омбаре салгьо шэгIмеле сухде.
Седиггьгьо шев, руз сохдет тошуво,
Поюну гъэгьре, минет э Худо.

Эз гьово дурфу тигьи бирени
 Мэхьсуьл хорире шушде бердени,
 Мугум гьони мечаруь гуьлом
 Эхири вэхди эй ферзенд Одом.

Эгъуьлгьой эн девр имиде бесдет,
 Гьони медиров у ченд ранге шерт,
 Гьэгъэ рэхъм гьисди, гьэгър сокит бире,
 Инсонгьой Хори зу фурмуш сохде.

Гьечи гирошдет дуь гьозор салгьо —
 Торике шевгьо, думонлуье рузгьо,
 Эз гьэрс эрхэгъо, гьубигъо пур бирет,
 Эз ох сине думонгьо бирет.
 Гьэйм туь, Исроил, сабурлуь бирет,
 Э гьэгъ, имиде, шев не руз бесдет.

Эгер туь чуьклелеш гьисдиге,
 Э межлуьс келегъо рач доре,
 Нум туь тэгьрифлуь гирде оmore,
 Ватан гьэдиме, Ватан бебегъо.

Тегерге хуно зере-гирошдуьт,
 Зулмете шевгьо очмиш бисдорут,
 Кукгьой Исроил кеменд Ватануьт,
 Эй гирошде салгьо ер биерут!

Петах-Тиква
июль 1998 сал

СУХУТГУ ШЭГІМГЬОЙ ШОЛУМИ

Ме хундем шире, нуьвуьсдем Десдон
 Эз гьэриш дуьл, эз гьэриш Бустон,
 Ме гешдем вилеетгьо э дуьньегъ,
 Э лодке дирем шаргьоре э дерьегъ.

Гьэймгьо э хори эдет зигьисде,
 Темизе дуьлгьо паравуш сохде,
 Сухутгу шэгімгьо эри шолуми,
 Э парсе дуьлгьо офдону дусди.

Гуьлом чарх зере эхирсуьз гешде,
 Нисди шуморуш эри нуьвуьсде.
 Ховсуьзе инсон дуьлесди сохде,
 Фикиргъо гьербо чуьн эвир гешде.

Очор фикиргьо э дес Туь дери,
Вокуну уре ихдиер кини?!
Эз дорун-дорунгьо оmore у сес —
«Месоx зобуни, туь, инсон, эй кес!»

Э гъэргъи гъуьлом дери пеймуне,
Шев, руз гъеммере эдей пеймунде,
Е инсон гъеле уре не дири,
Оммо гъемме эзу гиросде.

Э минжи эн шев хэбер биренуьм,
Э гъэриш асму Менге диренуьм,
Товуш дорени гъеммей Кинерет,
Белки э Каспиш бирени гъисмет.

Э ерме омо широгъой Довид,
Хундигъо э догъ Гуьлбоа имид,
Э дуьл не дошди, жовон, дуьшмени,
Хъуьрметлуь сохди гъоим бу дусди.

О! Офирегор, э дес Туь дери,
Гъемме хубигъо, дервозей дусди,
Гъэлем кеширей эз гъэриш асму,
Очугъ мэглъуьми у хэт э иму.

Ватан поисди э минжи гъуьлом,
У мэглъуьм гъисди эз девргъой Одом,
Чуьклеш гъисдиге оммо одлуьни,
Мэглдон хубигъо, мэглдон шолуми.

Э гьерло шэглмгъоре дегесунде,
Эри хубе кор, берим гerdунде,
Мегердо у руз — гъэлет бу е кес,
Гъэймгъо домунут э тенге нефес.

Эгъулгъой гъуьлом курают гъемме,
Эдет нуьвуьсде гъоиме Наме,
Угъоют сутун эн зиндегуни,
Эри инсонгъо, имид э Хори.

Петax-Тиква
1998 сaл

ДУЪ ЖИРЕ ВОРУШГЪО

1

Э Изберг бирим иму ивэхди
Шелегъо бесде мисохдим тэгИди,
Поиз сес мисохд — мэхьэл ворущгъо
Каспире шинре эз келе шаргъо.

Эз гъово дэгъ-дэгъ эдембу шенде
Ворущ ивэхди оmore хосде,
Э гъэриш асму булутгъо кура
Чуьн дохьоригъо поисдет гъемме.

Меш хъэрекетуьм э хъэет
Дуьлме ивэхди нуьвуьсде хосде,
Э гъэриш хъэет эй чине офде
Дуь-се паруьсдек жив зере гешде.

Громгъо бисдо, биренгъинеш жесд
Шивлегъой тегъенг лерзире мижесд,
Ворущлегъо оmoreнуьт кем-кем
Хушегъой онгур тар биренуьт кем.

Э гъэриш асму кесегъгой булут
Эз гьерло угъо кура бисдорут,
Э сер эн Изберг хъозур поисдет
Мугуи эдет сохде меслэхъэт.
Нерме ворущле оmore поисд
Булутгъо чаруьсдуьт э тараф Дербенд.

2

Хэбер бисдорум эз сес гром-громгъо
Эдембируьт жесде биренгъинегъо,
Мугуи инжо булутгъо куьндуьт
Э сер Вилеет гъони минуьшуьт.
Дэгъ-дэгъ гирошд бирден гъеебо
Ворущ нэгI, е сайлов омо!..

Эз ме гуфдируьт: «Гъечини инжо
Хосиет жиге...» — Э ерме омо,
Э Тиро хундем — чолегъо сохдет
Говгъой воруще унжиге дошдет...

Э гьеммей поиз воруш оmore
Э тегьер сайлов, громгьо бире!

Воруш поисде руз очмиш бире
Гъэриш эн асму тов-тови доре,
Ченд ранге комуне э тегьер куърпи
Э гъирогъ асму веде бирени.
Сур эн у коре нибу дануьсде
Сэхьиб эн гъуьлом энжэгъ дануьсде.

Э салгьой пири э дуь вилеет
Дуьруьм ворущгьо чуьтам оmoreт,
Хосиет ишу ухшеш не зерет
Эри инсонгьо бешгъэи бирет.

Эгер у инсон нихундге Тиро
Эзи бэхш хори хэбер нибисдо.

Петах-Тиква
1998 сал

Яшар Мошияхов

Вэгідосуьзе уьлуьм жейле сохд эз иму еки эз верзуьшлуье шогьиргьой хэлгь имуре — Яшар Мошияхове.

Яшар хьэсуьл омори э 1938 сал э шегьер Гьуьбе республикей Азербайджан.

Раче савзегеигьо ве гуьллуье богьгьой Гьуьбе, верфлуье Шогь догь, э вэхдь ю бугьо шэх-шэхее никерей Гудьял, уре руьхленмиш сохде, у сер гирдени эри раче широгьо ве мэгІнигьой хуьшдере нуьвуьде.

Гьелбетки, омбаре хундегоргьо шинохденуьт Яшаре.

Нуьвуьде широгьо ве мэгІнигьой энү дарафдет э омбаре журналгьой «Ватан Советиму».

Широгьой энү: «Гирошде салгьой гІэили», "Дербенд", "Туьре диренге", "Духдер", "Гирошди рафди", "Мепуьрс", "Балладе э товун чинар" ве угьойгеш гьемишелугь деруьт э лэгІэй хэлгь иму ве куьнд сохдет эз хуьшде омбаре композиторгьоре ве хонендегьоймуре.

Гунжо оворде оморет омбаре касетгьо ве дискгьой мэгІнигьой энү.

Нуьвуьсдеигьой Яшар ширин ве мэгІэнолуьнуьт.

Нум Яшар Мошияхов гьемишелугь мидомуну э дуьл дусдгьо, хьовиргьо ве юре шинохденбируьтгьо одомигьо.

Петр Агарунов

ТУЬШ ДАНУЬСДЕНИ

Э хьисоб не гуьрде гирошди рафди,
 Ме эз туь лап дурум, туьш дануьсдени.
 Э мижей чумгьойтуь ченди-чендигьо,
 Екимуьн ме бируьм, туьш дануьсдени.

Мепуьрс, эзу рузгьо, ченд рузгьо гирошд,
 Васалгьо гьэд бисдо, томузгьо гирошд.
 Эзу рузки руйтуь э руйме докошд,
 Ме э боло деруьм, туьш дануьсдени.

Э и гґилом е руз дерд, е руз кейф бире,
Е руз ворущ бире, е руз верф бире.
Эгер дерд гґисдиге ди дерд туь мере,
Ме сэхде сур дорум, туьш дануьсдени.

Бие зимисдуйме, гґеминон ме туь,
Сенгэ шен эз дуьл туь, э жейрон ме туь.
Худойме туь, Тиройме туь, жунме туь,
Туьсуьз хуьшге дорум, туьш дануьсдени.

Эвир раче гуьлгьо э муйтуь вери,
Шейгьой гґуьзуьргуьлгьо э руйтуь вери.
Зу бие, э Яшар гґеле жун дери,
Небуге мимуьруьм, туьш дануьсдени.

Боку 1972 с.

ГИРОШДЕ РУЗГЬОЙ ГґЭИЛИ

Э салгьой гґэили, э рузгьой гґэили,
Эз серме луьнг шенде чуь зу гиросдит.
Эзу телхэ рузгьо, ширине рузгьо,
Эрме чендгэддер еровурд гґишдит.

Э доггьой Гґуьбе, э боггьой Гґуьбе,
Эришму руз-бе руз дуьлме гирисде.
Э сер луьгей палуд, эн велгьой велес,
Мере ворущ бире рихде воисде.

Кулегьой бэгэлуьи, эжит ишму?
Жигей телуьгьошму э десгьой ме ве.
Э хинике билогг, э верфлуье догг,
Гґеле серинишму э гґэд дуьл ме де.

Дуь дигле гґэрс рихде у духдер гґишд рафд.
Э никерей Гґуьбе, туь шоггод бири.
Егґин у гґэрсгьоре гґемишелуьги,
Белки э мирвори чарундебири?

Мием, сад бо мием, гґозорбо мием,
Ой Гґуьбе, гґич мэхьэл нишенуьм туьре,
Эз сер кулегьо, эз гґэриш боггьо,
Мием эри гешде гґэилимере.

ШЕВ ГЪУЪДУЪШИ ЭНУ ДУХДЕР

Эри гъисмет иму дие нисд гумон,
Биевгъо рузгъоре месох шуморуш.
Е шев гъеминони туь эз асмуйме,
Хъэсрот тигъи сохдей э тегъер воруш.

У шев биренгъине жесд эз чумгъойме,
Эзу шев ме фэгъир бисдорум, гуълме.
Рэхъгъо жилгъэгъоре элег вегирди,
Эритуь вой зере етима дуълме.

И хъэсрот мигуьруь асмугъой мере,
Гумон нисд э кучеш э мэ расд мией.
Рэхъ мере имбуруз ворущгъо-верфгъо,
Инсофсуьз имбоши э ховмеш нией.

Яшар и дердгъоре кешире четин,
Екимуьн хосейме туь бире-бире.
Э е гъуш чаруьсе пар зере мурай,
Туь гІэруьс имбоши ме дире-дире.

ТУЪРЕ — ТУЪРЕ ДИРЕНГЕ

Зуьм-зуьм сохде билогъгъо,
Туьре-туьре диренки.
Думон вир сохде догъгъо,
Туьре-туьре диренки.

Шэх никере лос бире,
Э гъэд велггъо сес бире,
Гъемме э хъэвес бире,
Туьре-туьре диренки.

Эвир гІилом рач бире,
Туьре-туьре диренки.
Рач рачгъош бирач бире,
Гъербой туьре диренки.

И гІилом гъемме эн туь,
Туьре хэбер нисд эз туь,
Ки ошугъ нибу э туь?
Туьре-туьре диренки.

Герек нисд дердлуь бире,
 Яшар хосдени туьре,
 Е гьемсоле ди мере,
 Туьре-туьре диренки.

Боку 1972 с.

РУЗГЬОШМУ Э ХЭЙРБУ НИКЕРЕЙ ГЪУЬБЕ

Рузгьошму э хэйрбу, никерей догъи!
 Хэненуйме дуллу бугьо у дор гъобогъи.
 Меневлуье доргьо, шейгьой себэхьи,
 Гуьлгьой гъуьзуьргуьли, чиноргьой рэхьи.
 Эз "Шогъ догъ" оморе темизе шогъвор,
 Яравуш вишегьо, ченд палуде дор.
 Гурунде тегергьо, жилиде верфгьо,
 Э дуьл гъилиме домунде хъьйфгьо.
 Чуьшмегьой себэхьи думонгьой шеви
 Эз расдиш экишмунуьм, небуге хови?
 Эз ворущгьо бэгъде черхэ ковнегьо.
 Нуьгърее гъэсмугьо, биренгъинегьо!
 Эз ишму вегирдем хосиет мере.
 Дуьлме э гьер коргьо хомуш нес бире.
 Савзе мейдузигьо, рузгьошму э хэйр
 Гьер экишму бире, гъимсдуьм бэхдевер.
 Никерей "Гудьял" ненуй-ненемме,
 Э жэш бисдорумгеш дери э дуьлме.
 — Гофгьой у духдере у шев шинири,
 Сипре десгьой энэ десме дери,
 Доре гофгьоймуре эже нуьвуьсди?
 Эз у шев бэгъдете дуьлме гирисди.
 — Э "Беневшее билогъ", серине билогъ,
 Эри сур гуфдире килите билогъ,
 Е войгере хуно туь э дуьлме де.
 Палаши у чумгьо, э овгьойтуь де.
 Месуьз тэхьно мунде хуней бебейме,
 Месуьз етим мунде пире дедейме!
 Э рэхъ денишири, эз рэхъ вомунди,
 И чуь гъисмет бисдо туь тэхьно мунди?..
 Гъулумгьо-гъуншигьо ишму жунменит,
 Эжегьош гъисдуьмге ишму энменит.
 У рузки эз ишму ме дур бисдорум,
 Дуьлмере экишму э гиров норум.

1984 с.

Александр Семендуев

Александр Семендуев хъэсуыл омери 9 май э 1916 сал э шегьер Дербенд э кифлет эн жофокеш-бондур.

Гьеле э хьофдуьмуьн класс школе хундеки у хунде варасди шешме-гьине курсгой учителяре э 1932 сал ве те эхир 1934 сал кор сохди учитил эн суьфдеи классго э 7 школе э нум М. Горький, э Дербенд. Гье э у салго нуьвуьсде широгьой (стихигьой) эн у дофус зере оморенуьт э гозит «Зэхьметкеш», ве гьемчуьн дешенде оморенуьт э суьфдеи антологие, комиреки хьозур сохдебу Ехьиил Мататов. У бири бэхшвегир эн суьфдеи съезд нуьвуьсдегоргой Догъисту.

Э 1936 сал Александр хуьшдению дарафдини эри хунде э Тамбовски артиллерийски-ярагълуье технически училище (ТАОТУ), комиреки варасдени э екимуьн разрядовоз э 1939 сал.

Гье эз гьевели рузгой Келе довглой Ватани А. Семендуев бири гьовхобер э гьэршуй фашизм ве э гьэлханд Ватан поисди те песини рузгой бесхуни. У чуьн офицер э салдати мунди те 1960 сал.

Э жеш небириге А. Семендуев, у чуьн шогьир эз нуьвуьсдеигьой хуьшде пес непоисди. У гьемише бири бэхшвегир эн альманах жугьурун догъи ве дофус зери жейлее сборникгош. Гьемчун э Израилиш у кеме широгьой не нуьвуьсди.

ВАТАНМЕ, ШИНОВ СЕСМЕРЕ

Пар зе, туь широйме, лап э дур,
Пар зе, дуьлгьоре дегесун.
Женг берим эй дузи, эй обур,
Э довго дусдгьоре вэхизун.

Ватанме, шинов туь сесмере.
Эз гьэриш, чуьн воруш гьургьушун.
Гуш вени сесмере — куктуьре,
Эз инжо, эз мейдуй туф-туфон.

Фашистго вэхуьшдет э сер туь,
Нисд сохут тумгьоре гуфдире.
Чуьн пулат поисдейм кумек туь,
Гьэлеме деш муьхькем сэхд гирде.

Хориму поймиши мебугу
Эй энү дуьпой хьэйвугьо.
Гурунди имбуруз хьол иму,
Руз-беруз омбаруьт жобордгьо.

Зиед сох тупгьоре, баруте,
Эй окоп, эй блиндаж довг'ои.
Лешгергьой гьирмизи э женг де —
Тор нибу астарай бесгьуни.

Гоф дорейм э е сес, э е дуьл:
«Гьич мэхьэл иму гьул нибошим.
Хориму гьегене мибу гуьл,
Пушово девроне миберим!»

1942 сал

ГЪЭДИМИЕ ХОРИ

Эз дуригьо хосдегортуй оморем,
Торихлуье, гъэдимие хок иму.
Э коргьойтуь, сохдегьойтуь бенд бирем,
Варавунде нике чешмей хэлгь иму.

Ме имогьой э чумгьой ме винируьм
Инсонтуьре, хоритуьре, руйтуьре.
Воисдени гьеммей туьре гъэл гируьм,
Эз жуниме хогьум ники хэлгь туьре.

Эз г'ов, г'этош, сенгъэ еснев giroшдей,
Гурундигьо, хижолети дануьсдей,
Эз хокистер э десдей гуьл чаруьсдей,
Эз гьер тараф инсонтуьре овурдей.

Жовонгьойтуь сэхд поисдет э гъэлхэнд
Эй шолуми бэхдевере хоритуь.
Келе-чуькле одомитуь — г'эсуьлменд
Хьэрекетуьт эй мозоллуь бирей туь.

Гене худо кумек мибу эритуь,
Омбар мибу хоюгьо, хьуьрмет — лап звер.
Мегердо гьич десгьо дураз э сер туь,
Зигьош, мунош диеш гьоим тевесер.

МИГИД АЗАДИ

*Нуввуьсде омори э глүьзет
50 сали бендсуьзи Исроил*

Омбаракбу мигид ишму желде хэлгъ,
Сэхьиб хубе метлебгьонит гьемешму.
Сохдегьошму вогордунди келе гъэгъ,
Божерени, жогьил бире хэлгъ ишму.

Сив дуь минут герек бири эй хунде
Когъоз азад биреире эз голут (1887 с.)
Гъисмет ишму тевесери эй мунде,
Сохдегьоре овлодгьошму мидорут!

Фурмуш нибу нумгьой сигъде кукгьошму
Овурдетгьо эй вилеет азади.
Пуч бирегьо эзу вэгъдо те изму
Эй шолуми, эй хилоси, эй расди.

Пенжогъ сали эдейт сохде игиди
Эри були, бэхдевери улкешму.
Товуш бугу астарашму эй дусди,
Эз дегъ рачи — сэхьиб нуьги, Хоришму.

Эй вилеет пенжогъ сале омбар нисд,
Дануьсденит буьверигьош мибошит!
Эй бесгъуни войгегьошму имид гъисд,
Эри кесгьо гъич серкуши нибошит.

Луьвэхъ ишму эз пенж гьозор зиеди -
Сигъде хэлгъгьош гировундет девргьоре...
Торихлuye жигегьошму шогъоди,
Нефес девргьо деш рач сохдет сенгъгьоре.

Сес шиошму пар мизенуь э гьер ло,
Буьлуьнд мибу нишонешму эй дире.
Хэбер мибу гереклuye ниетгьо -
Зиндегуни деш вегирлуь эй бире.

Дегъсалигьо нис гъишденуьт гъуншигьо
Секонесуьз динжи дире гъич е вэхд.
Э гъэрешму шолумигьо офдоно,
Еклуьишму гъэлхэнд гердо эй серхьэд.

Хосдегоргьо никишмуре э дури,
Э руз мигИид шор мибошут эз жуни.
Зенг мизенуът пейлегьошу эз дуьли,
Эй вохурде биевгьо сал э еки.

АСТАРАЙМЕ

Астарайме шеви-рузиш товуши,
Э гІэрейму лап омбаре рэхь дери...
Рачи юре гъэдер нисди, евоши,
Эз буьвергьо сечмиш сохде мидани.

Кура бире догъгьой думон нис гьиште,
Дуре дусде кими мэхьэл винире,
Очугъэ шев э энтигъэ чарусде,
Е карасдиш герек нисди эй дире.

Жовогъиле шэгІм асмуре гъемише
Черх товуши эз гьеммело гъэл гирди.
Эзу звер нисд э гІуьлом томоше,
Гуйге гІэруьс тозе партал вокурди.

МуьгІуьжужузи рачи инсон э дуьньегъ,
Ни домуну эз астарай гьовой.
Дуьл муьгъбетме фирегъуни чуьн дерьегъ,
Хунширини, назуьшменди, гьенои.

Куьнде дусдме гьемме лезет дорени:
Э вэхд васал — тозе гуьлгьой догъини,
Гьеминонгьо — ширинигьой дорини,
Э поизи — шороб, дуьшов богъини.

Гоф сохдеки — хъэменди, назлуьни,
Э ловгьою, гуйге гІэсел гье вери,
Е кемсуьги эз ю офде нидани,
Гъилигъгьою эз хубе гоф звери.

Рач хорини гІэсуьлменде хъуьриме,
Дирегоргьо э ю севгил биренуът,
Имидмени, келе бэхди эри ме,
Хубигьою э сер зугъун гье веруът.

Гъич эзуні сараф, темиз де нибу,
Пар-пелпелуь — мижегьо ю жегъисде.
Ужире дусд гъемишелуьг бие бу —
Ковре чумгьо — гузгигьой жун, эй дире.

Ме вихдемгьо эз гуьзелгьо гуьзели,
Гьисмет юни, э у е гоф невери,
Эри дусдме у лап келе мозоли —
Гьердуь бэхшгьо селт эри ю овори.

ШэгІм гьовои не муьгьбетме екинуьт,
Бугьолуьни хосденуьмгьо дениле.
ГІэтош онор — пейлегьоре декинит,
Зенггьо зенит рачи гьисди гуфдире.

Веровунит шоригьоре эз дуьли,
Енебуге э дуьлести мичаруьт...
Дуьл мундеи — тиже хурей эн жуни,
Гуьмуьр кеми, салгьой инсон мипаруьт.

Астарагьой ковре асму омбаруьт,
Екишуреш хэбер нисди эз хори,
Денилегьой эн хориму лап рачуьт,
Севгилиме эз раче гоф звери.

Астарагьой пире дуьньегь гье бирет,
Инсонгьоре мэхьтел сохдет гьемише,
Энтигье денилегьош зигьисдет...
Межнун сохдет, бендлуь сохдет э хуьшде.

СОЛДАТГЬОЙ БУЬЗУЬРГЕ ДОВГІОЙ ВАТАНИ

Э мейдугьой шегьергьойму поисдет
Буьруьнжие сигьде кукгьой девр иму.
Огь, омбарут едигоргьой вилеет,
Гуйге зинде дениширет э иму.

Не сегьмуьсде солдат иму вэхуьшди,
Э гьэриш женг, э суй гІэтош дарафди,
Вихде рэхь лап те эхир гиросди,
Э песо ю, кура мозол, гье гешди.

Яралуьгьо эз гьэриш женг не рафдет,
Гьурбу сохдет эй Бесгьуни хуьшдере,
Чумгьошуре те сэхд сохде гуфдирет:
«Гьовхо берит, гьирмиш сохит дуьшмене».

Офдорегор сэхд хорире гээл гирди,
Те нефес ю, те иллож ю гэисдигьо.
Астарагьо ранг хунгьоре вегирди
Тор биренге рузгьой жерге игидгьо.

Хори довгlo лэгlэ-пара гье сохди,
Кими мэхьэл гьозоргьоре фуберди,
Хьэйф э екиш гэизгьин гlэтош не берди,
Екиш унжо гэисмет кесе не вихди.

Э ченд жиге гьоврей солдат мэгlлумыи,
Кошде доргьош э гэзевул поисдет.
Угьо гьемме еровурди инсони,
Эз хун, эрэгь, хокгьой довгlo гуьрд бирет.

Э сер рэхьгьо, э вишегьо омбаруьт
Гьуьндуьригьо — мундегоргьо э довгlo.
Инсонгьойму екиш нисе хосденуьт
Дуьшменире, довгloгьоре эй хэлгьгьо.

Кимигьоре, э мейдуй женг мундере,
Хокгьой хори э «гээл» хуьшде дешенди...
Ворундеиш хуб дегирди кулгьоре,
Гуйге гьечу эз руй гьуьлом суьперди.

Гlэмел ниев эй нуме норе угьоре,
Вир бирегьо, мэгlлумысуьзгьой довгloи.
Эй Бесгьуни офдет гlэжел хуьшдере —
Боворингьо э доретгьо шовгloи.

Екиш эз чум ние шенуь гьоврере,
Фурмуш ние соху бивэхд муьрдере,
Хокгьой довгlo депучунде жунгьоре,
Игидгьоре — хилос сохгьой гьеммере.

Деде, хэгьер, муьгьбетлугьо тешнеют,
Эри дире рафдегоргьой хуьшдере.
Дуьлпесоют, эз гlэрс чумгьо хасдеют,
Салгьош эдет бурра бугьоз вэхдгьоре...

Шевиш-рузиш чумерэхьгьо гуьм зере,
Эри э руз не расире жовонгьо,
Эри гьуьмуьр э жогьили пуч бире,
Эз гэзриш женг не вогошде гlэзизгьо.

Те гьеймогьой эдет рузгьо шуморде,
Дениширет, мивогордут экишу...
Миесд бире у муьгьуьжуьз эхирде,
Кузгьо мигирд, хос мибисдо ярашу.

Гьелем гьемме не гуфдирейм гофгьоре,
Заруьнжие мэгьнигьоре не хундейм,
Не бирмундейм вегирлуье коргьоре
Эй гьозоргьо — пуч бирегьо эй Ватан.

ДРАМАТУРГИЯ

Юно Семенов гьисд еки эз ведилуе ве талантлуе нуувуьсдегор-
гьой жугурун догъи, бине норегор драматургиеймуре.

Э книг энү, ведешенде омориго э 1964 сал, дешенде оморот вихде
оморе нуувуьсдеигьой энү: «Зенбебе», «Хогъин», «Тигъу», «Зигил»,
«Пешмуни нехундеи», «Абаси», «Ошнегьой раби Хъэсдил» ве угъони-
геш.

Ю. Семенов пушоте бири фэхъле-наборщик э типография. Гье э у
салгьо у сер гирди эри нуувуьсде пьесегьой хуьшдере. Оморе-оморе у
э гIэрей хэлгъ мэгIлуьм бири чуьн талантлуе драматург. Юно омбаре
фегъм, гъувот хуьшдере дори эри театр. У эри театр неки пьесегьо
нуувуьсди, у гъемиге режиссер эн театриш бири.

Эз пьесегьо ве ихдилотгьо бэгъэй Ю.Семенов нуувуьсди широ-
гош (стихигъош).

Юно Семенов еки эз лап хуб дануьсдегоргьой зугъун литературай-
му бу, унегуьре нуувуьсдегьой энү лошуйнлуь ве асанти эри хунде.

Ю.Семенов муьрди э 1961 сал, э шастдуймуьн сал гIуьмуьр хуьш-
де.

Юно Семенов

ПЕШМУНИ НЕХУНДЕИ **(е перделуе комедия)**

ВОЗИ СОХДЕГОРГЬО

ДОВИД — 60 сале, колхозчи.

ШИФРО — 50 сале, зен ю.

ДИНОР — 20 сале, дүхдер ишү, бригадир колхоз.

РАФОИЛ — 25 сале, бригадир колхоз «Дружба».

МИХАИЛИШВИЛИ САРА — 25 сале, корреспондент газет.

Гъозие giroшдени э еки эз дигъобонгьо. Шохъонгуми. Буруни хуней гIошире
колхозчи. Эз тараф расд дер э доруни хуне. Эз тараф чеп — дер э хъет. Э минжи
дуь пенжере, стол ве стулгьо. Э зверер сер стол — сирот Ленин. Э куьнж — кинле,
э минжи шулхон ве дешенде нимдер. Э рафгьо гъобгьой чини. Э диворгьо —
гъобгьой муьси. Шифро нуьшди э пушой кинле эдей гъэйле кешире. Довид эз
доруни хуне ведироморе, гъул чухоре дезере, воисдени вадарав э куче.

ШИФРО. Э мерд, гене туь э сер рэхь вери?.. Лилову вирсохде керге хуно домун-
дей рафде э кучегьо. Шохьонгуми...

ДОВИД. Туьки, духдер, лилову вир несохдей? Нуьшдей э жигей туь керг гъуьр-
тире хуно... Ме зу могордум.

ШИФРО. По-е! Туь сер гофе гуфдири, песою мунд рафд.

ДОВИД. Э серме эгъуьл дегъишдей бегем?.. (Нуьшдени).

ШИФРО. Эгъуьл туьре ме бердем? Эгъул туьре алапаленг берди!..

ДОВИД. Эз туьш зиедте алапаленг бире?.. 16 лете поже, гьелем э хьож нерафде-
ки 6 метро мендил бесдей... Е метройге гъэйлереш э бугъоз шиширей... Эз туьхь-
мекгьой Герей унгъэдер дуре нисе ведироморенбу эз дуь финж вини туь ведиро-
моренигьо...

ШИФРО. Эл-ле, вессио!.. Ме чуй гуьнохькор бисдорум?.. Чуй гуфдируьм бегем?..
Туь нисе дануьсде бегем, ме мендил небесдуьмге, мере серегижи гирде гуфдире?
И гъэйлереш кеширенуьмгьо — алзе дондугъойме михэнети, дондунедерди гир-
де мере.

ДОВИД. Песк гъечини? Хок эсер духдиргьо не дермугъошу. Рафде э шегьер, э
больница э гъуллугъ непои?.. ме эритуй е дуразе гъобош мосдонум, минуьвуьсим
э газет: тозе хьоким омори, середерди ве дондунедерде э мендил ве гъэйлерево-
з хос сохде гуфдире... Увэхди мереш зиедие хьуьрмет мибу (бигъгьоре бурмиш
сохде) шуьвер келе духдир — пирафисур товаришу Шифро зен Довид...

ШИФРО. Гье у гофлегьо весси туьре!.. Э мендил ве э гъэйлейме чуй кори туьре?..

ДОВИД. Дануьсдени чуйниге, духдер?.. Сер егиле туь гъэйлере пур сохде, е сен-
гъле семе э гъэйлей туь миденориге, дануьсдебош э орине-ю е 20 кило хъэк ми-
схунди, хэржи томбокугъой туь медиромо...

ШИФРО. Ме кеширенуьмгьо томбокугьо эз муьзд жофой туь нисди. Ме хуьшде-
ни ме кошдем, гъуллугъиш сохдем.

ДОВИД. Гъечуни? Омбар хуб. Гъечуниге духдер, худо туьре е 50 салигеш плуьмуьр
до. Эз у 50 сал: 12 сал дондунедерд giroш, 13 сал гушедерд — и 25 сал. 12 сал
середерди ве 13 салиге — шуьгъэмедерди. Эгер мунде вадарафдиге дуз 100 сала
мибоши. Меш э хотур туь е десятин томбоку микорум, е 200-300 сажен сенгъиш
миерум тигъи мисохум... Визор-гизор овурди имуреки э и гъэйлей туьревоз!.. (во-
исдени бурав).

ШИФРО (*норени гъэйлере*). Э руьхшенди муно ме дануьсдегоргъой туь... Эже
рафде? Хуб-гьо, ебо виним, чуй гуфдиге сэхьибгьой Рафоил?

ДОВИД. Рафоил юш оморебу. Е гъэйбкеше куки. Чуйтариш бисдоге очугъ гуф-
ди... Мере мугу духдер ишмуре хосде воисде. Эри ме мугу гъеми бебе бошит,
гъемиге хуьсуьр. Эз коргьо веде биреники, ишу э еки гоф сохдет.

ШИФРО. Бошгу дие. Меш пуьрсирем, дануьсдем. Пучкинендее кук нисди. Бебе-
шуш фэгъир — саламете одоми бу.

ДОВИД. У дузи-гьо. Оммо э и земоне, духдере войгесуьз имуре э министриш
эри доре ихдиер нисди. Дореш нидим.

ШИФРО. Меш мугум чуй буге! Ме туьре шинохдеш ние шинохденбуьруьмки... Э
жигей хуьшде динж гердо, дедей огол э мере... Меш 13 бегьем биребуьруьм э 14
луйнг доноребуьруьм. Эдебирим гъинд-гъинчу возире... туьре мугу, э шуьвер до-
рейм... Гъич ме ранг туьреш диребуьруьм?

ДОВИД. Эри-гьо, мивинириге рази нибисдори, чуйнки чуйнтуьни э куьллуь Ис-
фогъониш офд ниемо... Э мендил туь ошугъ биребуьруьм...

ШИФРО. Ошугъ не сэгъэ э гъирогъ мунугу. Гъери гу виним, чух сохде воисде? ДОВИД. Гъечигъо, огъферин духдер гъэбиле! Имугъой гуйге эгъуъл омори э сер туь!

ШИФРО. Весси-гъо! Ишмуре хуно гъемме эгъуълменд нибуки!..

ДОВИД. Гуш вени, даравгу э бегин туь. Динор диртегъо миев. Мугуи, духдерме, эри туь илчигъо дери. Рафоил бригадир колхоз «Дружба». Чух жугъоб доре? Эз гъовогъо мидани.

ШИФРО. Эл-ле, туь чух гуфдире. Содугълей ме шор биево. Лап разиш мибу. Рази небире чух ихдиери уре!

ДОВИД. Э гов хъэмейдигъ! Ме гуфдирере шинов. Мугуи, юш — Рафоилиш диртегъо э хунейму оморенини. Мивини — эгенер ловхэнде сохд, данки разини. Песде меш мием кутэхъ мисохим, марасим.

ШИФРО. Эри, эри, бошгу. Гъэл дедей дарово э герден Содугълейме. Гъемме бегъем мибу. *(Довид вадарафдени)*. Шовуне ховгъойме мие бу... Шову э хов дарафде диренуьм, еки мере эдей гъидуьш доре... Эле, туь вадарафдей?.. *(норени гъэзэй гушде, тэхде-тевер, буьск не помидоргъо)*. И тегъериш земоне мибу? Духдер, худо мебуро 20 сала эдей бире... Те имугъой тойгъой энуре 5-6 гъизил небу? Э хуней дедейхолу неевт!.. Еки инжо, екиге унжо, дуьсеиге э хъэет видов-видов несохут?.. Эл-ле гъэдой холуй энугъоре вегиром ме. *(Дироморени Динор, гешдени столе)*.

ДИНОР. Э дей! Ме инжо когъозгъо веноребуьруьм-о?

ШИФРО. Гене чух когъозгъо? Вэхд когъоз чи нисди. Нуьш екем семе нун ху.

ДИНОР. Дефдереш не офдум. Себэхъ бригадаре аванс доренини...

ШИФРО. Ме, духдерме, овонис нисе дануьсденуьм. Дефдериш недирем. Нуьш, мере гофи э туьревоз.

ДИНОР *(хэндуьсдени)*. Чух гофи туьре э меревоз, жон дедей?

ШИФРО. Содугълей туь шор биево, мере гофи. Нуьш ебо. Туь балайме, холуй туь муно, чухкеле нисди. Тойгъой туьре худо мебуро, пенж-шеш гъизили. Эри туь хэйли вэхд илчигъо дери. Пошней дер имуре эдет векенде... Чух жугъоб доре?

ДИНОР. Пошней дере, жон дедей, гъуьч мисохим. Эхи кини угъо?

ШИФРО. Ки мибу?! Е божерене хэлеф суьрхи!..

ДИНОР. Суьрхини небуге глов-суьрхи доре? Нум невери?

ШИФРО. Эл-ле, дуьргердо эри чух неве?.. Рафоил, бригадир колхоз «Дружба». Е саламете кук.

ДИНОР. Гъери. Песде?

ШИФРО. Песде чухтар? Гуьле мигирим э десде.

ДИНОР *(жугъоб нисе доре, э когъозгъоре гешдеки хундени)*.

Э гьер тараф десде-десде,

Хунчей гуьлгъо десде-бесде.

Пушуш мэхбер, гуьлтуь тефде,

Эз кор, дуьлшор, гъемме хэнде.

Хунит мэгъини э е овоз,

Э и шори, эн и колхоз.

ШИФРО. Ме эз туь эдем гоф хэбер вегирде, туь эдей мэгъингъо хунде. Худо гъишдге, э гъэруьси туь ошугъгъо миерим, хубе мэгъингъош мухунут...

ДИНОР. Туьш мухуни дедей? (хундени)

*Жофой колхоз — бегьер суьрхи,
Софой колхоз — гьемме тухи.
Гъувот жэгмет, гьемме екжет.
Дусди, хъуьрмет — кориш шербет.
Хунит мэгИни э е эвоз,
Э и шори, эн и колхоз.*

ШИФРО. Ме той туь буьруьмгьо, духдерме, чор гІзил бу э эйлонмей ме... Ме чуь сохум, земоней. Гьери жугьоб ди дедее. Пире вэхд имуни. Дуьл имуре шор сох!..
ДИНОР (хундени).

*Пури суьмбуьл, бегьер тэхуьл.
Артмиш бири гьэдер мэхьсуьл.
Зури, тигьгьэт, э вэхд вечи.
Меди дониш пучи-гьичи.
Хунит мэгИни э е эвоз,
Э и шори, эн и колхоз.*

Гьери песде, жон дедей?

ШИФРО. Песде гуфдируьмки. Холуй туь муно, у Рафоил, е менем гуфдиренигьо угълени. Хуби юре гьэдериш нисди. Чуь гуюм, меху, мехис!..

ДИНОР. Туьш, дедей унгьэдер тэгриф медио! Уш мере хуно заочно хунде э агро-номи... Ишму чуь жугьоб дорейт?

ШИФРО. Ме, духдер ме, дочни-мочни нисе дануьсденуьм. Юш э бебешмуревоз гоф сохди. Бебешму жугьоб дорики иму, бебе-деде разиним. Оммо эз духдериш хэбер вегирим. Усоле жовон мибисдоге, бебешму гьечу жугьоб нидо.

ДИНОР. Усол ки гуфди? Хубе корсохи...

ШИФРО. Эри, юш оморенини э хунейму... имугьой мие биев э туьревоз э тегьер уруси эри гоф сохде.

ДИНОР. Жон дедей, тегьер уруси чуьтар бире?

ШИФРО. Меш туьре хуно хундегор мибисдорумге, мидануьсдуьм... Эгь, чуьтар бире? Боглов-боглов... меш мозоллу мибисдорумге э гьэншер бебешму гьисмет нибисдорум. Гоф бебешмуре мегирдуьм?... Наз туьре михуьруьруьм?..

ДИНОР. Хуб, э гоф туьревоз, жон дедей, чуь мие бу имугьой?

ШИФРО. Чуь мие бу? Гьозор чи. Мере ихдиер нисдики э хуне эри гоф сохде. Гьелуьсди бебешму лэгІэй мере зерени... Ой туь гьечини, дуразруй муьрдегоргь-ойме гов хьэмейдигьини... Дие чуь гоф мунди эри гуфдире?

ДИНОР. Жон дедей, туьре гьэгьр меевгу. Ишму зенгьо, эз овилхунегьо рафде, гьоврегьоре сула-сула сохде гьэйри гьичиш нисе дануьсденит. Гьечу вердиш бирейт. Оммо э и земоне, э девр совети угьо буше ихдилотгьои. Эз овомишмуни, эз нехундеишму..

ШИФРО. Эри-о, еки туьни эгъуьлменд, екиге бебешму, дананмендгьой гІуьлом. Нисе диренуьм, гьеммере бэгІэ-бэгІэ сохдейт рафде.

ДИНОР (хэндуйсде). Уни, хьозуре бэгІэ эдес туь дерики... Туь, дедей, симовор вени, ме зу миём... эз у миробогьош ведировун.

ШИФРО. Бошгу, бошгу бирорлей туь шор биево. Гьечи-гьо! Ебо дуьл дедее шор

сох!.. Вэхди балайме, холуй туь муно, вэхди!

ДИНОР. Весси-о! Мивиним... *(э вадарафдеки)*. Эри, инжо е духдер гуьржи оморенини, те ме оmore э гоф ги уре, ме зу могордум...

ШИФРО. Песг, Рафоил оmore?

ДИНОР. Бошгу, бошгу. Э пушошу чой ни, меш мием *(вадарафдени)*.

ШИФРО. Соки игьо хундегоргьои. Меш мугум чуй буге... ГІэйбиш буге, духдерлей меш разини, эз дуэлиле юни... Э хьисобевоз угьо буррат, бесдет э тегьер уруси... зинде хьэйфгьои... Эй и муьгуьжуьзгьоре дире мундейм... Мердиш вадарафдрафд. Ебо бошореи мидорум уре... Мидарафд эз гьомбор шоробиш медировунд *(сес дер)*. Кини? Киниге ди-ро-бие *(вокурдени дере. Дироморени Сарра)*.

САРРА. Можно зайти? Здравствуйте!

ШИФРО. Эл-ле, и мотишке кини?

САРРА. Динара здесь живет?

ШИФРО. Динорлейме?... Эри, утур бу сэгІэт гелир *(э бел гьоборевоз покурдени сер стуле)*. Утур гьэдоволим!

САРРА. Спасибо, матушка! *(нуьшдени)*

ШИФРО. Мотишке вече мотишке юни... Дуьшменун ме хочперес нисдики!?. Хок э сер эн и.

САРРА. Динара скоро придет? Мне говорили, что она пошла домой...

ШИФРО. Эле-вой сохом эри туь... пошул сего мугую... Дуьшменун Динорлейме пошул юхту. Э гьэншерме хубе одоми расд миев?... *(Нуьшдени, гьэйлере сукхундени.)*

САРРА. Она мне срочно нужна, я должна сегодня же выехать обратно, как мне ее найти?

ШИФРО. Мое чанти-пант билмез. Хуние серме зугьун эн ире ээже данусде?... Мердиш вадарафдрафд.

САРРА *(фегьм сохдени э сер стол веригьо журналгьоре)*. Да, она заочница, конспекты...

ШИФРО. Ме ире чуьтар э гоф гуьруьм те Динорлейме оmore?

САРРА. Да, она знатная бригадирша... Горянка, добилаь больших успехов. *(Эз Шифро)* Твоя Динара поедет в Москву, на сельхозвыставку.

ШИФРО. Мое бильмез! И гьирмизи зере ловгьо папрусиш кеширени... Ме эзинигьоре э шегьер омбар дирем... *(вэхуьшде нуьшдени э сер стул)*. Эй мотишке, мое гІэселе, зерде томобоку вор *(кеширени гьэйлере, дурере руе Сарра)*.

САРРА. Вы, что, трубку курите? Да, еще многие горянки курят по-старому обычаю. Это нехорошо, матушка!

ШИФРО. Э-ле, хок э сер туь, гене дуьшменун мере мотишке гуфди.

САРРА *(сугьруьсдени)*. Ой, какой едкий дым...

ШИФРО. Э-ле, вой эри эн и назкие хонум, дурей эни гІэселе томбокуреш нисе вегуьрде. Эшег небилер зегьфоронин гьэдуьри. Игьо вердуьш бирет э дуразе папрусьо. Ширине дурей, бебей туь муно. Гь-о, дур-ре!

САРРА. Что? Дура? Я дура?

ШИФРО. Эри, эри дур-ре!

САРРА. Как вы смеее меня называть душой? Что я вам плохого сделала?

ШИФРО. Гьери, гьери. Эжеб, дуррей!

САРРА. Что за женщина! Языка нибильмез, а называет меня душой *(чарусдени э ен)*.

ШИФРО. Эл-ле, мотишкелей ме гъзгыри бири. Гиснеи э хысобевоz... Те Динорлейме оmore, екем лухълухъхуэ декуьнуьм э руригъой эн и... (*вэхуьшдени, буйске вегирде помодургъореш норени э гъирогъ*). Твое эз чул оmore, гисне, бусэгIэт холуй туь муно, кобоб не екеле поморду...

САРРА. Что? По морде?

ШИФРО. Эри, эри е келе гъирмизине помордиш.

САРРА. Не пойму, дурой назвали, еще хотите мне по морде дать! Вот гостеприимство!

ШИФРО. Эри, эри бебей туь муно. (бурмундени муьшде). Ини е келе поморди...

САРРА. Вот странно!

ШИФРО. Эл-леб и хуние мотишке лап делуьники.

САРРА (*вэхуьшдени*). Баба, больше ничего. Баба!

ШИФРО. Бобо? Гьо, хуние зугъуниш нисе дануьсденуьмгеш, гене варасируьм. Бобо, ошней эн и бире-бебей? Бобо, кенте юхту... хок э сер эн и чепел!..

САРРА. Невоспитанная.

ШИФРО (*нуьшдени*). Нуьш, ултур Боболей туь муно.

САРРА. Не пойму, куда я попала!.. Наверно не дождусь я Динара.

ШИФРО. Динорлейме? БусэгIэт, Боболей туь муно! (*нуьшдени эри буйск вокурде*).

САРРА. Как с ней говорить? Я по ихнему не знаю, а она по-русски не знает... может по-грузински что-нибудь поймет. — Слушайте, мамаша, Садоури хар!

ШИФРО. Чуь, чуь? Кини хэр?

САРРА. Генацвали, садоури хар?

ШИФРО. Эл-ле, вой эри эн и. Кини хэр?

САРРА. Вы, вы садоури хар?

ШИФРО. Бур сес туьре, дуьшменун ме хэри? Утанмиш, хьэл-ов нисе бире? Ме эз туь чендгъэдер келейуьм, мере хэр гуфдире? Мотишкеи дие, мотишке, хок э сер эни.

САРРА. Я Вас спрашиваю: откуда Вы? А по нашему — садоури хар.

ШИФРО. Гене гуфди, ебош нэгI, садбо хэр.

САРРА. Да, да.

ШИФРО. Эле, вой сохом эри туь. Мое Динор гелди, ме туьре хэриш мигьилуьм сохде, лап унигеюш..

САРРА. Генацвале! Почему обижаетесь? Шени чириме!

ШИФРО. Чуь, чуь? Жирмишиш мисохи? Хуьшдере хэр гуфдирейгьо вес нисди, жирмишиш сохденини туь мере? Говунгъойме зиеди э пушой худо... Ебо эз пушой чумгъой ме гъойде! Гъойде (*буйск э дес дери ниш сохде ведекуьрдени*) гъойде, Бобо пошул, ошне — бобо!

САРРА. Что за люди? Не пойму, честное слово. Хорошо, хорошо, ухожу (*вадарафдени*).

ШИФРО. Ме 36 сал эдем хуне-хунди сохде, мере, дуьшменун мере, хэр гуфдире-гор небири. Уьстелуьге жирмишиш мисохум мугу туьре. (*Эз хуьшде вадарафде*) Ме у хьэсуьзе э и буйсгевоз сула-сула мисохдум... Эжеи бу?.. (*сес попой. Вогошдени песово, серсоно хуно*) Эй хьэрой! Омо! Вогошд, вогошд омо... гьейсэгIэт жирмиш мисоху мере!.. (*офдорени*) Куьшд мерегьо!..

ДОВИД (*дироморени*). Чуьни? Чуь бири, духдер?

ШИФРО. Туьни?.. Эл-ле, дуьлмере берд!.. Зубош, е гъздегь глов ди, муьрдуьм... ДОВИД. Чуь бириге негуи?

ШИФРО. Мепуърс!.. Куышдебу мере... Эденбу тике-тике жирмиш сохде... Глов дит!.. Муърдуым... ой сурулгьо!..

ДОВИД (*дорени глов*). Кибу эхи? Негуи?

ШИФРО (*хурдени*). Е мо-тиш-ке...

ДОВИД. Коми мотишке! Туь чух хунде? Небуге кефсуьз бирей (*десе вонорени э пушони Шифро*). ГІэтош невери... Дие вор эри чух хунде?

ШИФРО. Чух? ГІэтош? ГІэтош дараво э руригьой эн у... Вор хунденуым? Екемиге э хэл нибисдорумге егъин митасунд мере... Худой сэхьиб гІуьлом басарат энун мотишкере бесд... гене дуьл мере берд (*глов декуьрдени э сифет хуьшде*) егъин жирмиш мисохд...

ДОВИД. Кибу эхи?.. Зугъун туь бурра омори бегем? Инсоне хуно нуьш, гу, винуьм.

ШИФРО. Эл-ле, е мотишке диromo, е элли-киршонлуь, чух гуьом: э туьхьмекгьо хьэк невомундебу, унгъэдер совусдебу э сифет хуьшде, е бор хэри жогълуни куьмуьр совусдебу э гъошгьой хуьшде, эл-ле, хок э сер эн у, э тукуй Раглови гъирми-зи невелишди, гьеммере совусди э ловгьой хуьшде...

ДОВИД. Гъери песде, кутэхь гу бура!

ШИФРО. Кутэхь чухтар? Мереш, ой худо, туьре э ме езугъ омо!.. Кормереш мотишке эдембу кутэхь сохде...

ДОВИД. Серме эз туь нисе вадарафде. Нечогъиге туь, дара э у хуне дураз бош. ИгІэре одоми оморенини... Угъонигере песде себэхь мугуи...

ШИФРО. Ой худо! Э гъэвлме и шуьвермеш не расиренге, кесе чух гІэйби?.. Пой, нуьш гуьом: Диромо е мотишке, «ме ошней Бобоюм мугу... Туь хэри мугу, садбош хэри мугу»... Песде хун-ю э келле-ю варафденге... «ме туьре мие жирмиш-жирмиш сохум мугу»... гъей вой!..

ДОВИД. Эжеи имугьой у мотишке? Рэхьмет гердо бебе-дедей эн уре, егъин уш дануьсди бегъеме хэр бирей туьре... жирмиш мисохдге, сер имуш динж мибисдо эз туь... Вэхиз, дара, узан бош, согъил-богъил мэхун... одоми оморенини... ГІэилгьо мие диrowт... Э сер шори, эдей кор гъундермиш сохде... гов хьэмейдигь!..

ШИФРО (*вэхуьшдени, ручкей дере глов зерени*). Гъери дени десгьой туьреш... Туь диrowморгенге, ме гъечи дануьсденуьм у мотишке вогошди оморе эри тасунде мере.

ДОВИД. Ги, ги (*донорени десе э гъэдегъ глов*). Воисдениге пойгьой мереш зенуьм, токи бур нолей туьре... Овом!.. Хов дирейге, гу хов дирем. Эриме нэгъуьлтирони мэхун. (*Сес пое-пой*) Ини ГІэилгьош оморут.

ШИФРО. Коми ГІэилгьо?

ДОВИД. Коми? Домор не духдер туь... Угьо буррат-бесдет, имугьой дануьсдет разименди имуреш... Рафоил мугу: «Шороб хьозур сох, лелей Довид».

ШИФРО. Э худо шуькуьр гердо... Дара, дара шороб ведировун, бугълемеш дери, те кобоб бире симовориш венуьм...

ДОВИД. ГІэтош туь giroшд, назуй хьофджуни?.. (*вадарафдени*).

ШИФРО (*э хэл хоригьоре руфде*). Чух сохум, э гъэвлме расирегор екиш нисди... Шовуне хов мени... Дарафденуьм, э хов диренуьм ме э милколей холей Ифродевоз э сер битэхъзимгьоюм эри шеире тари сохде... бирден, е кафтара сег, лэгІэре вокурде, омо э серме, гуьрд эз пойме... е журай эз ме ведиромо. Хэбер бире диренуьм... Мерд ме пой мере шишири хьэл сохде... е сэгІэт э хуьшде э гужевоz диrowморе... имугьой, и мотишке эз чухжо оморе ведиремогеш недануьсдуьм... Нисди э гъэвлме расирегор... Дуьлме гъейсэгІэтиш мугуиге дуьнг есиеве хуно эдей

тэнгь-тунгъ сохде...

РАФОИЛ (*сес дер, дираморени*). ГІэмел миев, холей Шифро? Шохьонгум ишму эхэйр бу!

ШИФРО. Диро, диро, гъэдоволим! Эгъуьбет туьш эхэйр! Гьемише оморемун туь!

РАФОИЛ. Лелей Довид эжеи?

ШИФРО. ГьейсэгІэт мидиров, гирор нуьш. Хьол-руз ишму чуйтари, хэлефме?

РАФОИЛ. Хуби, дугІо хосденим эришму!

ДОВИД (*дираморени, чорек шороб э дес дер. Рафоил вэхуьшдени*). Огъ, Рафоил! Динор эжеи? Нуьш эжигей туь.

РАФОИЛ. Э рэхъ, э иму корреспондент газет расд омо, э Диноревоз э гоф по-исд... Туь дара э хуне мугу, меш гьейсэгІэт мидиром. (*Довид нуьшдени э хори. Рафоил нуьшдени э сер стул*).

ДОВИД. Кини у корреспондент?

РАФОИЛ. Е зени, гуьржини. Э районный газет кор сохде.

ШИФРО. Духдери? Е гьирмизи зере ловгъо! Гье у небу-о?

РАФОИЛ. Эри, эри. Е хубе, эгъуьлменде хундегоре дениле.

ШИФРО. Гьелем у хундегор ишмуни? Дуразруй муьрдегоргьойме, хуьшдере хэр хундебугъо?..

РАФОИЛ. Кей? Бегем ишму, холей Шифро, уре шинохденит?

ШИФРО. Э игІэре диреморе, эхълей энуре худо бери!.. Мере хъэлегигер несохди бегем у?

РАФОИЛ. Серме нисе вадарафде, лелей Довид? Динор текелиф сохд э зен, кешит дараим мугу э хуне. Оммо эгерде нисе вегуьрденбу.

ШИФРО. Ом-мон-гъо! НэгІо! Худо мегуе, у э хунейму дилов... Луьнг эн у хъэсуьзе хуьрд мие сохум... Е инжимиш сохум туьре, эз Динор гу у зене э хуне недировуну.

Рафоиле воисд вехизуь.

ДОВИД. Нуьш э жигей туь, э мерд! Кидан чуй хов дириге...

ШИФРО. Хов эри чуй?.. ме е сэгІэт овосуне хундебуьруьм эри туь?

ДИНОР (*эз буру*). Заходите, генацвале! Чего вы стесняетесь?

ШИФРО. Кидан диловундениге? Ме сифет молохгьемовуте винумгу, сифет эн у билгІоме зене нэгІ... (*дарафдени э у хунейге*).

ДОВИД. Вирэхъ дори?.. Сермеш ние вадарафде... (*Диреморенуьт Динор ве Сарра*).

САРРА. Добрый вечер (*фегьм сохдени иловлере*). Мне не удобно, какое-то недоразумение получилось...

ДОВИД. Добрый вечер! Садитесь!

САРРА. Рафо! Мы Вас наверно долго задержали.

РАФОИЛ. Ничего, товариш Михаилишвили. Присаживайтесь!..

ДИНОР. Мой папа, познакомьтесь!

САРРА (*гуьрдени дес Довиде*). Михаилишвили Сарра.

ДИНОР. Дедей эжеи? И чуй биебурне коргъои? Э дей, дедей!..

ДОВИД. Чуйни бегем?.. Э духдер! Ведиро эз песой хьижле виним (*вэхуьшдени дарафдени э у хунейге*).

ДИНОР. Вы объясните толком, как она могла вас назвать дурой, когда она абсолютно ни слова по-русски не может говорить.

САРРА. Мне неудобно. Все-таки попросите ее. (*Эз доруни хуне сес гоф-гоф. Динориш дарафдени*).

ДИНОР (*э дарафдеки*). Простите, я сейчас.

РАФОИЛ. Она жалуетса на вас, как будто вы ее оскорбили. Сам не пойму. Сейчас Динара ее попросит.

САРРА (*хэндүсде*). Вот странно. (*Дироморенуът Довид, Шифро ве Динор*).

ШИФРО. Хэнде-жэхьреш эдей сохде...

ДИНОР. Хэлгэз нифри месох.

ДОВИД. Нуыш, нуыш гьери.

ШИФРО (*вегуьрде гээйлере нуышдени э хори*). Ме 36 сал эдем хуне-хунди сохде, э ме е охмури зерегор небири... И мотишкой туь мере хэриш гуфди... Чендбо, ченд-бо!.. Эхирде жирмиш мисохум туьре мугу.

ДОВИД. Валла, эз Рафоил глэйбиш гьисди... Ме е нуне мухурдум е нунигере содогэз мидо, е эзуни кор сохдегор мибисдоге...

ШИФРО. Эл-ле, vessigьo! Гье эзуни гофлегьo бисдоге туьре vessи. Келе мердиш бирей, хосиет хуышдере вир ние сохде.

ДОВИД. Эз хосиет ме е зарали нисди, туь гыилигь туьре вир сохдиге.

ДИНОР. А ну, дорогая, генацвале, расскажите, как она вас обозвала? (*Хэндүсдени*).

САРРА. Я зашла, поздоровалась. Твоя мамаша курила и присела около меня... почему-то обозвала (*хэндүсдени*) дурой!..

ДОВИД. Э духдер! Туь и глэруьсе нифри сохдей!

ШИФРО. Глэруьсе? Хьупо мевино у гьечуниге эз дургуни эн у гоф. Ме алза зугьун данүсденуьм, уреш эри нифри сохде?

ДИНОР. Пой, жон бебе! Э дей! И глэруьс диреморенге, туь мугу гээйлере вегуьрде оmore нуышдебири э кин эн у.

ШИФРО. Нуышдуьм, нуышдуьм балайме. И мотишкой туь суьгьруьсденге эз дурей гээйле, ме взхуышдуьм нуышд э и глэреле. Вешенд-фушенд хуышдере, гээгьри бисдо, вечи тара немерире хуно. Бошгу дие, невотовусди дурере, гээгьри эри чуй?

ДИНОР. Мамаша курила?

САРРА. Да, да, курила, пустила дым (*хэндүсдени*), обозвала дурой.

РАФОИЛ. Неварасирейт бегем? Холей Шифро э хьисобевоз гьечи дануьсди эз дурей гээйле суьгьруьсди гуфдире.

ШИФРО. Эри, эри, гьэдоволим! Мугум эз дуре эдей суьгьруьсде. Пуьрсиреш пуьрсуьруьм.

РАФОИЛ. Чуьтар пуьрсирит, холей Шифро?

ШИФРО. Чуьтар? Мугум эз дуре? Дуре?

САРРА. Вот, вот (*хэндүсде*) правда, мамаша? (*Довид, Динор ве Рафоил хэндүсденуьт*).

ШИФРО. Чуьни бегем? Эри чуй хэндүсденит?

ДИНОР. Сарра-жан! Ой, действительно недоразумение. Правда, что мамаша сказала «дура»? Дуре — это по-нашему дым.

САРРА. Как? Дура по-вашему дым? Простите, я не поняла. Простите, мамаша!

ДИНОР (*эз Шифро*). Дура, э зугьун уруси, овоме хэре одомире, эгьуьлсуьзе мугу.

ШИФРО. Эл-ле, хок вараво э сер эн и зугьун гьечу буге. Эз дуреш овом, эгьуьл-

суыз бирени? Песде ме чуй гиногькоруым мотишкой туь зугьун нисе дануьсде гуфдире?

ДИНОР. Хуб-гьо, песде мугу туь муьшд вегуьрдебири мугу э сер духдер?

ШИФРО. Ме? Эл-ле хок вараво гьечуьниге э сер эн у муьшд вегуьрдегор. Гьери хэбер вегирит!

ДИНОР (*хэндуьсде*). А как с «помордой»?

САРРА. Мамаша взяла шомпол. Вот так держала кулак и сказала: «Я вам по морде дам».

ШИФРО. Эл-ле, э жигей никиме... Ме мугум кидан мотишкой туь гиснеиге. Мугум: е буьск кебоп буржунум, е келе гьирмизине помодордиш...

ДИНОР. Чуй, чуй жон дедей? (*гьелме хэндуьсденуьт*).

ШИФРО. Чуй чуьтар? Э ме дуразруй рури не гьишдитки ишму. Ишму эз суд хондивониш залум бисдоритки эриме. Эденбуьруым шишлем помордини декуьрде э руригьой эн мотишкой туь, гьей-вой!..

РАФОИЛ. Поморди нигую, холей Шифро. Помидор, помидор мугуют.

ДОВИД. Гови дие, гов хьэмейдигьи.

ШИФРО. Эл-ле, vessи туьш-гьо! Туьш хундегор ведиреморей эриме. Ме дануьсдей мере хуно гуфдирем. Меш мугум чуй буге?

ДИНОР. Не поняли? Ой, комедия! Мамаша хотела вас угостить шашличком с помидорой, вот величиной с кулак (бурмундени «помидора»). (*Хэндуьсденуьт*).

РАФОИЛ. Ой, холей Шифро! Поморди э зугьун уруси, эз сифет муьшд зерере мугую...

ШИФРО. Эл-ле, хок вараво э сер эн и зугьун. Эз гьирмизине помордиш у тегьер гоф бирени?

ДОВИД. Э сер зугьунгьо хок варафди рафде, туь бегьеме зугьун нисе дануьсде гуфдире, эй о-вом-м!

ШИФРО. Хуб-гьо, гуюм овомуьм, нехундегорум. Песде и хундегоре мотишкой туь, дуьшменун мере хэр эри чуй гуфдиребу? Мугуинге е нуьг-дегь сал э меревоз хэгьергилии сохди...

ДОВИД. Нуьг-дегь сал гьерек нисди... мендил туь муно эри холе.

ШИФРО. Вессии! Ебош негуфдио, е сад-бо. Эзунбэгьдойге туьре гьелем жирмишиш мисохум мугу. Гьери уреш пуьрсит дие!

ДИНОР. Генацвале, Сарра! Мамаша, домашним судом оправдана. Имеется кон-тржалаба, мамаша жалуется, якобы вы ее тоже обозвали, оскорбили.

САРРА. Я? Боже упаси! Никогда не позволю. Что вы!

РАФОИЛ. Минуточку. (*Эз Шифро*). Чуьтар нифри сохдебу ишмуре, жон холей Шифро?

ШИФРО. Эз ме мугу, дуьшменун ме...

ДОВИД. Эз дуьшменун туь эри чуй? Лап эз хуьшдени туь...

ШИФРО. Весси-о! Иш хундегор ведиромори эриме.

ДИНОР. Гу гьери, жон дедей.

ШИФРО. Гьишдени мере бебешму? Эз ме мугу, «твое хар!» Сад-бо хар. Устелуьге, жирмиш мисохум туьре, мугу.

ДОВИД. Э чуй зугьун гуфди эхи?

ШИФРО. Чуьтар э чуй зугьун? Лап э зугьун жугьури. Эз меш хуб, эз туьш зиед.

ДИНОР. У зугьун жугьури нисе дануьсде эхи! (*Эз Сарра*) Вы, что по-нашему понимаете?

САРРА. Я? Абсолютно нет. Ни слова.

ДИНОР. Мамаша утверждает, якобы вы говорили по-нашему, что она хар. По нашему хар — это осел.

САРРА. Неужели? Да, я сейчас помню... я ее спросила по грузински, думаю она хоть по-нашему, что-нибудь понимает... я спросила по грузински: садоури хар? Жени чириме!

РАФОИЛ. Ой, ой!.. Я понимаю кое-что по-вашему. Это значит — вы откуда, дорогая моя! Так что ли?

САРРА. Да, да. Что здесь плохого? А мамаша взяла шомпол и выгнала меня из комнаты. (*Хэндуюсденуът*).

ДИНОР. Ой дедей. Духдер эз туь хэбер вегирди, ишму чужоинит? Э зугун эн угьо гьисди — садоури хар.

ШИФРО. Эл-ле, хок э сер эн у зугуниш. Муьгуьжуьзгьой худоини.

ДОВИД. Эз туьш зиедте муьгуьжуьз бире?

ШИФРО. Весси-о! Иш дануьсдегор ведиромори. Эз хэр зиедте гоф гъэгьет гердо эри энигьо.

ДОВИД. Гъэгьет бисдоге екиллей офд миев эри дерму эз хунейму... Гов хъэмей-дигьи!

ШИФРО. Чуж гуюм ме э туьревоз.

ДИНОР. Песде, хэбер вегирди: Генацвали, жени чириме? ЕгІни, гъэдоволим, соки, гІэзизе, дусд ме.

ШИФРО. Чуж гуюм. Эгенер эз жирмиш сохде гІэзиз не гъэдоволим бирениге, мере герек нисди. Эришму мунугу у жирмиши. Худо офири-офири шенде и негьогьие зугунгьоре.

ДОВИД. Рэхьмет лап э менил туь. Е зугун туь хуби. Эй овом!

ШИФРО. Чуж сохум. Овомум дие, нехундем туьре хуно турой урусире.

РАФОИЛ. Вы наверно не поняли? По нашему хар — это ишак. Вы ее оскорбили, назвав ишачкой, кроме того, грозитесь разорвать ее (*хэндуюсденуът*).

САРРА. Вот, действительно, комедия! Мамаша, простите меня. Мы друг друга не поняли. Извините!

ШИФРО. Эз вини эричуь? Чужни бегем вини дуьшменун ме?

ДОВИД. Эй гьогь! Вини не лэгІэ негуфди-о. Михьилло сох, мугу.

ШИФРО. Ишму мугу нэгІ. Эл-ле, хок вараво э сер эн и зугунгьо. Эзвиниш михьиллои бирени? Мугуьжуьзгьои, гъэдоволим... Дузи овомуьм, нехундем...

ДОВИД. Гьо, гьечигьо. Ебо семе эгерде веги. Имугьой эгъуьлменде зен, биер суьфре деше.

Шифро ве Динор дешенденуът суьфрере.

САРРА. Если я долго буду работать в вашем районе, то обязательно должна научиться по-вашему говорить.

РАФОИЛ. Да, не мешает. А то получилось недоразумение.

САРРА (*эз Довид*). Как, папаша, много трудней заработали?

ДОВИД. Пока 375 имею. Завтра выдают аванс — по 10 рублей деньгами...

САРРА. Да, я знаю. Я присутствовала на заседании правления. Ваша дочь Динара и этот молодой человек Рафо, попали в списки кандидатов на сельхозвыставку.

РАФОИЛ. Наверно в этом месяце поедem в Москву.

ДОВИД (*дорени чорек шоробе э Рафоил*). Деки пейлегьоре, Рафоил. Песде эз Масков эри холей Шифро е пенж метрои мендил миерит.

ШИФРО. Весси-о! Э руьхшенди муно хэгьергьой туь.

ДОВИД. Вегирит пейлегьошмуре. Ме эдем гьенжире э гьэриш эн и пейле дери-гьоре э шоришму. Шолумигьо биево э г'уьлом. За ваше перемире с мамашей!

САРРА. Подождите папаша! (*Хэндуьсде*) Да, действительно перемирия! И я, мамаша, поднимаю бокал за мир во всем мире!

ШИФРО. Мир? Эричуь гене дургердо? Э сер шориники мир эри чуь?

ДИНОР. Ой дедей! Мир э зугьун уруси, шолумире, боришмишире мугуют.

ШИФРО. Эл-ле! Эз хуние муьрдегьош шолуми не боришмиши бирени? Зугьун-гьои дие! Зинде хьэйфгьо!.. Дузи балагьой ме, не хундегор овом мубу. Кур не кар хьисоби. Ме балагьойме э пешмуни нехундеи расире нидануьм. Кидан мере хуно чендигьойгеш дериге э и зал?

ДОВИД. Не дери, не дери. Тек туь мундебири эри дерму. Веги пейлей туьре, духдер гьэбиле...

РАФОИЛ. Имуреш (*вэхуьшдени э пой*) е гофи. Имуреш (*нушу дорени Диноре*) воисдени э разимендишмуревоз себэхь э ЗАГС бурайм, регистрация бошим.

ДОВИД (*э пой вэхуьшде, пейле э десдери*). Вэхиз, духдер гьэбиле! Веги пейлей туьре. Домор туь э туьревози. Мозоллуь гердошит!

ШИФРО (*векенде мендиле шендени, гьэйлереш хуьрд сохде шендени*). Вир, сур гердо куьгьне г'эдотгьо! Мозоллуь толихьлуь гердошит! Э пой-порун ишмуревоз шолумигьо биево э г'уьлом! (*гьэл гирдени Диноре. Песде гьэл гирдени Сарраре*) Моеш, твоеш михьило! Салиге невере э гьужогь вегирдени гердойм! Лэхьэим!

Перде.

ОВОСУНЕГЪО

ГІЭСИЛ

Эз хэзиней эн е падшоґь е келе дуьзд хэйли суьрхґьо, эршефигьой энуре дуьздиребу берде. Падшоґь лап эдембу гъэґьр кешире, хэзиней юре дуьзд берди гуфдире. Е руз огол зе у везирґьо, векилґьо, еннуьшигьой хуьшдере, эдивонхоней хуьшде сер гирд эз уґьо эри меслэхьэт вегирде: чуьтам куьшде герекиге у дуьзде, эгенер у гирде омоге.

Везир мэхизуь, сер мизенуь э падшоґь, мугую:

— Оґьойме падшоґь, туь соґь гердош, эгенер у дуьзд гирде омоге, уре зинде-зинде жизлей юре бурра, э буьскґьо дезере гереки. Песде у буьскґьоре веноре э сер эн гІэтош, буй дурей энун лов бу э ґьеммей шеґьер, ґьемме дануь и гушд эн кини кобоб сохде оморениґьо. Э ґьечиревоз иму терс, лерз менгеним э жун ґьемме, умоґьойле е дуьздиш, ченґгэдер у гІэмелдан, нетерс бисдогеш дие жуьргІэт нисоху э сер хэзинейтуь эри дес кешире.

Падшоґь десе мижимуну э лой везир, еґІни, нуьш эжигейтуь, мугую:

— ГІэсил!

Песде падшоґь руй мибу э ки векил, мугую:

— Туь чуь меслэхьэт норе?

Уш везире хуно, мэхизуь сер мизенуь, э падшоґь, песде мугую:

— Оґьойме падшоґь, эрме оморениґьо, у хэзинейтуьре дуьздириґьо одоми гирде омоге, егиле дес-пой энуре бесде, э кордеревоз бугьоз энуре бурра гереки, песде пусд энуре, кенде, э ґьэноре веноре гереки. Эзумбэґьдойге, тевере вегирде, леш энуре тике-тике бурра, э пушой сегґьо шенде гереки.

Падшоґь гене десе мижумуну, мугую:

— ГІэсил!

Эз векил бэґьдо мэхизуь, сер мизенуь э падшоґь ґьози, мугую:

— Оґьойме падшоґь, туь соґь гердош, у дуьзд гирде омоге, ґьечи сохде гереки: е туьнде гІэсбе бесде э гІэребе, дуь пой дуьзде бесде э ґьолинде расеревоз. Сер энун расере бесде э дуьм гІэребе. ГІэсбе сэхд ґьей сохде э ґьирможевоз. Э ґьечиревоз шумоле кешире у дуьзде эз сер сенґььо, дохьоригьой, дереигьой, те ґьеммей жендек энун хэхэ, хуни-хэмири бире, остґьуґьой ю совесов бире, немируь.

И десиш падшоґь десе мижумуну, мугую:

— ГІэсил!

Падшоґь мэхизуь мурав э хьэрем хуьшде, оммо везирґьо, векилґьо мимунут э жигешу, сер мигируьт дуь э екиревоз эри меслэхьэт сохде, дануьсде: чуь мэгІэно дериге э и гоф падшоґь, эйчуь эхи эз товун эн ґьер теклифи эн везир, эн векил, эн ґьози у гуфдирени ґье е гоф: «ГІэсил».

Сэбэхьимунь падшоґь э дивонхоней хуьшде оморенге, еннуьшигьой падшоґь, ґьемме миофтонуйт э пой энун, тэвзгэ мисохут сур эни гофе очмиш соху гуфдире эри энугуо.

Падшоґ мугую:

— Э и кор е келе сур недери. Везир гуфди: гушд дуьзде жизле-жизле сохде, э буьск вокурде, э сер гІэтош буржунде гереки. У ґьечи гуфди, чуьнки бебей энугу кобобчи бу. У эз гІэсуьл хуьшде, эз пишей бебешу эдее гоф сохденбу. Векил мугу: дуьзде бугуоз юре э кордеревоз бурра, пуст юре кенде, леш юре э ґэзноре веноре, песеде уре тике-тике сохде э теверевоз, э пушой сегуо дешенде гереки. Бебей энугуо ґэзсобчи бу, унегуьре у ґьечу эдее гуфдиренбу. Ғуози мугу: дуьзд гирде омоге, уре эз дуь пой э дуьм гІэребе бесде, шумоле эз чулгуо-дерегуо кешире гереки те жун ю ведерафде... Бебей энугуо гІэребечи бу. Уш эдее эз гІэсуьл хуьшде гуфдиренбу. Ини сур эни гоф.

*Овосуне нуьвуьсде омори э 1955 э шегьер Дербенд
эз гофгуой Сенем духдер Исроил Хьисибо.
Нуьвуьсди невей энугу Михаил Гаврилов*

ТЭМЭХЬКОРЕ ВЕЗИР

Э девр Шихали-хон э Дербенд е косибе мерд Юсуф гуфдиренигуо зигьисденбу. Кифлет энуре не бегьем эри хурде нун бу, не эри вокурде партал. Оммо Юсуф, неденишире э косибигІонии хуьшде дуьлшоре, дуьлфирегуе одоми бу. У ґьемише э ґэзд хэлгъ, э пушой кервонсуре, э базар хон Дербенде тэґриф доренбу. Омбаргуо и тэґрифи энуре и товун хон шиновусденге омбар мэхьтел мунденбируьт. Шихали-хон эз де хонгуойге хубте небу. Уш де хонгуойгере хуно сурул бу, хэлгъэ, рэґиете омбар инжимиш сохденбу, гІэзиет доренбу.

Тэґриф дореигуой эни косиб раси э Шихали-хон. Хон огол зе везир хуьшдере, гуфди э у, Юсуфе дир несохде э ки ю биеру русуну гуфдире.

Юсуф оморенге э ки хон, хон эзу мипуьрсуь:

— Туьни мере э кучегуо, базаргуо, э ґэзд хэлгъ тэґриф доре гешденигуо?

— Эри, огуойме хон, — жуьгоб мидуь Юсуф.

— Чуьни эхи себеб эни туь мере ґьечи тэґриф дорен? — мипуьрсуь эзу хон. — Ме эри туь е ники, е хуби не сохдем. Туь е косиб, гІоние одомини. Парталгуой-туь ґьечи жундури, э сертуь е тэґэз эрзуь декуьрдиге, е доне э хори тиги нибу. Белки туьре эз ме е бэхш, е чи воисде?

— НэґІ, огуойме хон, мере, хуьшденимере эз туь ґьичиш нисе воисде, — мугу Юсуф. — Ме туьре тэґриф доренуьм э дуьлтуь рэхьм биев гуфдире эри чуьмуни косибгуо: угуоре э бигор неберуьт, эзиму, небирегоре, косибгуо-кусубгуо, одомигуойтуь хэрж невегируьт, ихдир ди чуьймуни косибгуоре э вишегуойтуь эри беш-хуьзуьм бурра, куьмуьр сухунде.

Хоне хэнде мигируь э гофгуой эни косиб. Песеде у мегируь ґэзлеме, минивуьсуь е коґуоз, мидуь э Юсуф, мугуи и коґуозе у эз ґэзлечей энугу ведарафдеки дуь гуфдире э еки эз еннуьшигуою.

Э и коґуоз хон фермон нуьвуьсдебу: и коґуозе дорегоре одомире, э хэзине дебердени, килэхь юре суьрх пур сохдени, песеде рэхьзо дорени.

Э и килэхь суьрхэвоз Юсуф дуз оморени э базар, э пушой кервонсуре, верафдени э сер е келе сенгь, гуфдирени эз хэлгь:

— Эй хэлгь-жэгмет! Кире гуш вериге шиновит! Хон е пура килэхь эн суьрх дори мере эз хэзиней хуьшде, ме косиб-кусубе бэхш сохум дуьм гуфдире. Денишит винишит, чуь рэхьмедуьлиге хон иму? Худо гьишдге, десиге у имуре эзи омбартеш мидуь.

Юсуф гье инжиге гьемме юре доре суьрхэ бэхш мисоху мидуь э иловлей ю кура бире косиб-бичорере.

Хэбер эни кориш мирасуь э Шихали-хон. Шихали-хон эри хуьшде теслих мисоху и мерде эри еки эз еннуьшигьой хуьшде сохде. Мифуьрсуь гене везире, бурав огол зенуь биеру гуфдире Юсуф-косибе э ки энү.

Везир эн хон лап бэхиле, темэхькоре одоми бу. Уре нисе воисденбу и жундур-Говдол той ишу бу, э мэГрекешу дебу, еннуьши эн хон бу. Песде хон уре эри эз хэзиней хуьшде е пура килэхь суьрх дореиш, дуьл энү дорд доренбу.

Те ебо Юсуфе э ки хон деберде, везир овурд уре э хуней хуьшде гуьногьлугьи сохд, до уре гьингьэр э сир-суьркеревоз. Пушой э ки хон дерафде, везир мугу эзу:

— Небу э хоневоз гоф сохдеки э ен буз энү пои. Хоне омбар гьэгьр оmore эз одоми буй сир оморенге. Туь э уревоз э гоф сохдеки, десе э лэгГэйтуй вени, руй-туьре э улойге чарун.

Юсуф э везиревоз мидировт э ки хон. Юсуф сер мизенуь э хон. Хон гьетте уре дире, э десевоз теклиф мисоху биев э ки ю нуьшуь гуфдире.

— Мере воисдени туьре э киме еннуьши вегируьм. Эдее диренуьм, туь хубе одомини, туьре э гьэд хэлгь хубе хьуьрмети, — мугую эзу хон.

Косиб десе э лэгГэ веноре, сифете э улойге чарунде, мугую:

— Омбар согь боши, огьойме хон.

Хон э и кор эн косиб омбар мэхьтел мимуну. Сер ебо у е гоф пуьрсире, Юсуф десе э лэгГэ веноре, сифет хуьшдере эз нефес хон э улойге чарунде, жогьоб мидо уре. Хон эз жигей жуьшде вэхуьшде, э куьнж утогь огол мизенуь э ки хуьшде везире, евошлей, Юсуф нешиновусде, мипуьрсуь эз у и чуь кориге. Везир мугую эз у:

— Огьойме хон, туь и Говдоле суьфдеи гиле огол зеренге э ки туь, у эз гьэлейчитуь э ведарафдеки эз ме мугу: «Эз лэгГэи хон беде буй оmore, э ен нефес энү ме нисе дануьсденуьм поисде».

Хоне эзи «гофгьой» эн косиб омбар гьэгьр миев оммо хуьшдере э шек нивенуь. Хон гене мегируь гьэleme, минивуьсуь когьоз, сэхд мисоху, э сер ю муьгьуьр менуь. Э и когьоз у минивуьсуь: «И когьозе дорегоре одомире дир несохде, дес-пой юре э менжар бесде, миберит э мейдуй шегьер э дор дуьллу мисохит».

Хон мидуь когьозе э Юсуф, мугую эзу:

— Эри мере келе тэгГрифигьо дореи э пушой хэлгь омбар согьбоши. Ги и когьозе, у десинере хуно пушой эз дервозейме э ведарафдеки, ди уре э еки эз еннуьшигьойме.

Везир гьечу дануьсд, хон гене нуьвуьсди: и косибе эз хэзине е пура килэхь суьрх дит э рэхь декинит.

Гьетте Юсуф эз утогь падшогь ведироморе, темэхькоре везир микешуь медешенуь и когьозе эз дес энү. У видов-видов миев мидуь и когьозе э лэгГэи гьопу поисдебугьо еннуьши хон. Везир дуьвойне эдембу шори сохде: у имбуруз э сер

хуышде лап келе дуразе килэхь хуышдере венори — суьрх омбар мидарав.

Оммо гьетте э лэгIэй гьопу поисдебугьо еннуыши хон хунде когъозе, э буй-ругий энуревоз жоллодгьой хон гье усэгIэт бесдуьт дес-пой везире, дир несохде бердуьт уре э мейдуй шегьер э дор дулла сохдуьт.

Косибе Юсуф согъ-саламат ведиромо эз гъэлечей хон. Оммо дие у эзу эйлере-воз хоне тэгIриф нисе доренбу, энжэгъ нифри сохденбу э везиргьо-векилгьоюре-воз э еки.

ПАДШОГЪ НЕ ЗЕН ЕННУЫШИЮ

Падшогъ эн е келе вилеет е гиле шиновусд, ки э вилеет ю, э е шегьер е омбар гъэдерсуьз раче зен зигъисде. Падшогъе воисди ю хуышдению эри дире у зене. Эри эни метлеб у э парталгьой девруыши геймиш бире, омо э и шегьер, офд хуней энуре. Падшогъ сер гирд эри денишире, гъэреули сохде кей зен э хъэет, э буру медировге. Е ченд сэгIэт гиросде бэгъдо, зен эйчуь кориге медиров э буру. Падшогъ мивинуь: эз расдиш лап раче зени. Э и рачи эни зен э хъэрем ю зен недери. Сифет ю менге хуно эдее товуш доре, буй-балай ю гириге э тэгIриф дореревоз гуфдире верасдени нисди. Чум падшогъ лап мидомуну э и зен. У э шегьер хуышде, э дервозей хуышде вогошденге, сер мигируь эри фикир сохде, чуьтам и зене дур, рэгIд сохуге эз шуьвер ю, ве эз хуышде куьнд сохуге.

Хэйли фикир сохде бэгъдо, падшогъ норени шуьвер зене э е гъурлугъ э шегьер хуышде. Песде уре э дервозе гъурлугъ доре, диеш звер сохд, еннуыши хуышде сохд, э гIэрей эн векилгьо, везиргьой хуышде дешенд. Гуфдире гереки, ки зен неки рач бу, гъемиге лап згуьлменд хъэеменд, номуслуь бу. У эри хуышде вераси, ки гъемме «никигъо», «гъэйгъугъо», хъэрекетигьой эн падшогъ э товун юни, падшогъе воисдени куьнд бире э юревоз, юре эз сер ведешенде, э шуьвер хуышде хогъин ведировунде.

Е гиле падшогъ шуьвер эн зене э гъемме еннуышигьо, векилгьо везиргьой хуышдеревоз э гъуногълугъи огол зеренки, шуьвер энуре гъишдени зен хуышдереш эри овурде э хуышдеревоз. Падшогъ э гъирогъ огол зере зене, нуьшдени э уревоз э суьгъбетб сер гирдени эри дешновунде э у юре эзу чуь воисдеге. Зен э жигей уре жогъоб доре, хосдени эз падшогъ, юре ихдиер дуь эри энуре е чуькле ихдилот гую, комиреки у шиновусди эз келедешу. Падшогъ рази мибу. Зен мугую:

— Гуш вени, падшогъ, е руз аслан — падшогъ хъэйвугъо медерав э чул э ов. Вэхд зимисду бу, э хори верф дечиребу, гъовош лап хиник бу. Аслан лап гисне бу, эз гиснеи эдембу дуьл юре берде. Гъечи у э ов хуышде е чи неофде, оморе ведироморени э куьнди эн е дигъ. Аслан мивинуь э куьнди эн дигъ е келе чогъэ гусбенди, ченд е дасдар чогъэ дуьмбе вери юре. Аслан лекет зере, менгенуь э хори гусбенде. Уре воисд е гиле эз лап лезетлуье жигей эн гусбенд — эз дуьмбей ю сер гируь уре эри хурде. У гусбенде чарунденге эз дуьмбей ю эри хурде, мивинуь э эн дуьм энуре е жиге гIэнж вери. Аслан мугую эзу:

— Эй, гусбенд, эзи жигей эн дуьмбейтуь ки гIэнж зери?

Гусбенд мугую:

— Огъойме падшогъ, эзи е сал пушо ме э гъирогъ нуькере э гIов хурдеки е чогъол омо эз нэхэбереки гIэнж гуьрд дуьмбеймере, векенд эзунжо е тике дуьмбе. И дэгъме-жиге гIэнж энунни.

Аслан шиновусдки и гофгьоре эз гусбенд, неденишире э гиснеи хуьшде, э не-гиреиревоз чаруьсд песово. У лап гисне бугеш, эри хуьшде хуьрди, элчэгъи хьисоб сохд чогъол гІэнж гирде гусбенде эри хурде.

Падшогъ вераси э и ихдилот зен деригъо эйгъоме. У е кем э хуьшде домунде, мугу эзу:

— Бура э хунейтуь согъ-саламат, кифлеттуьре э рэхъ бер. Ме эз падшогъ хъэивугъой чули усол нисдуьм...

МЕТЕЛЕГЬО ВЕ МЕСЕЛЕГЬОЙ ЗУГЬУН ДЕДЕИМУ

Бебе шори, писер э базар.
Килэхьме э хуне дери, сефгиме э базар.
Килэхэ эри герми — хиники нисе воноре.
Сэхэ эз сопу келе бири.
Гофе гу, эз сер бурав.
Глэтулуре эз пеере хэбер нибу, суроире эз гисне.
Гьер шол дегируйгьо — зен нисд.
Чи эн туьниге, чинедун-ки эн мени.
Гиснеи э дору дери, бирэхьнеи э буру.
Гьер мерд эри хуьште падшоги.
Эз дуре хагьер, бирор, куьнде гьунши хуби.
Эз сес арх, сес шахшаха э гушме не дери.
Гурунде шеле вегируйгьо э ниме рэхэ мимуну.
Э тирохе пой ю нисе рафде, чекмее пой эри ю нисе дироморе.
Эз видовусде энжэгэ тирох дурра.
Хубе гьунши бисдоге, кура духдериш э шуьвер миров.
Гьингэздер чэхэ совугьо мунде, соггьо хуьрд биреники.
Нехир не вогордуь гуфдире, бегем шохьонгум нисе бире?
Буьзе дерд жун гирди, гьэсобе дерд пигь.
Гьетте гелере гуьрг гирде, чубуре варре гирде.
Тепегьо не вачаруьсде, чолегьо пур нисе бире.
Не гирисуьгьо глэиле, деде нене нисе доре.
Мол эз мол мидануь звер бире, жун эз жун нэгл.
Эри кес чол векенуьгьо, ю э чол офдоре.
Те чире восдоре, егиле уре фурух песде восдо.
Зугьун лоле, деде мидануь.
Сикею суьмуьргьги, хуьшдению епологэ.
Сие хар эз зере сипи нибу.
Эз дер дору деригьо эн туьни, эз дер буру гьисдигьо эн кес.
Кура, шэглм эри чуьни?

Кура сохди Михаил Гаврилов

ИМБУРУЗИНЕ МИНОРЕГЪО

Антон Агарунов

МУНО НУМ ИШУ

Ватанмере игидгьою амбари,
Дуьлгьо эдей лап пар зере эз шори,
Рахьбер энү мерд инсонгьо Телмани,
Жугьургьойму э коргьойю гьейрони.

Гьем алими, гьем мисво сохдегор,
Халгь хуьшдере эз дуьл, эз жун хосдегор.
Кура бирет э Москoвиш кукгьойму,
Гьер вахд шино хуб хабаргьо гушьойму.

Эри еки доягь бошит, догь бошит,
Бил гьемише муьхькем бошит, согь бошит.
Худой Миши кумек гердо эй ишму,
Э и дуьньегь гьер вахд муно нум ишму.

ЭДЕМ ГИРИСДЕНУЪМ

Ватан гІэилире э ёр овурде,
Эдем гирисденуьм, эдем гиристе.
Гирошде рузгьоре э ёр овурде,
Эдем гирисденуьм, эдем гиристе.

Ченд ширин хэелме мунди унжиге,
Жигей эн пойгьойме гьисд э гьер жиге,
Гьерден эри бебе, дедейме нуьшде,
Эдем гирисденуьм, эдем гиристе.

Э рахь дешендеки гьогьумгьо мере,
Гьешданки буррурут бердуьт дуьлмере.
Имугьой овурде э ёр угьоре,
Эдем гирисденуьм, эдем гиристе.

Эри богьгьой Гьубе, эри Шогьдогьу,
Эри вишегьою, эри ейлогьу,
Эри у жилиде Гловгьой билогьу
Эдем гирисденуьм, эдем гиристе.

ИМИШЕВ ШЕВ ШОРИНИ

Шев шорини, шев мигИди имишев,
Зере хунде, гешде гьисди имишев.
Э дуьлгьо е дерд, гьам нисди имишев.
Меш э шори э гуьлевоз оморем,
Э эшгэвоз, э дуьлевоз оморем.

Рахьат нуьшде, вахуьшденим инжиге,
Эдей хурде гье гешденим инжиге,
Гьуьл-чичеки, гье женети гьер жиге.
Меш э шори э гуьлевоз оморем,
Э эшгэвоз, э дуьлевоз оморем.

Шоир Антон, мигИдгьоре жон гьурбу,
Эз бебегьо мунди эриму.
Кош гьемише шолуми бу, шори бу,
Меш э шори э гуьлевоз оморем,
Э эшгэвоз, э дуьлевоз оморем.

ХОТУР ТУЬРЕ ХОСДЕНУЬМ

Ой духдер, чуь рачи туь,
Чумме домунди этуь.
Хотур туьре хосденуьм,
Туьсуьз гешде наسدануьм.

Инжимиш месох мере,
Дерд,гьам меди мере.
Бие десе э дес дим,
Дуь екире хьэвес дим.

Гье гу э негьогь жиге,
Ошугь бирем этуь ме.
Э аташ эшгь сухдумгеш,
Огь нигуюм е бирейгеш.

Гуж доре, гьувот доре,
Сие чумгьойтуь мере.
Антон первоней туьни,
Делуь-дивоней туьни.

ЭЙЧУЬ МУНДЕЙ ТАХЬНО

Дедей, эдей гузет сохде рахь мере,
Э хьасрети деруым эри руйю ме.
Э ёрме оморе гирошде рузме,
Э ёр овурденуым дедей мере ме.

Бебе эрime офтори э сирогъ,
Эри ме гуъл кошди, рафдеки чуьнуым.
Э хунейму гьер вахд амбар де гъуногъ,
Э хьасрети бебе гъемише деруым.

Хагьергьоре месуыз нисди руз ишу,
Мереш гьисд дуьлме бурам экишу.
Хагьергьо чумгьошу мунди э рахьгьо,
Ченд гъэде хьасретуым эри энугьо.

Бирорме э дуьл ю ниет ю дери,
Ме бурам экишу, соху е шори.
Данит, э гІэрейму е серхьад дери,
Э дуьлмеш у хьэсрет гъемише дери.

Михаил Гаврилов

ДИЛЕГ ЭН ДУЪЛ

Эз у дедегьо вегирим хэбер,
 Бала вир сохде мундетгьо сер гъуз.
 Гуюгу хори у савзе мэхбер,
 Фурмуш мибуге у гирошде руз.
 Вегирим хэбер эз у вишегьо,
 Легьбетлуть сухде бирет хокисдер.
 Вегирим хэбер эз догъгьой Карпат,
 Э ченд довглогьо биретгьо зир пой.
 Вегирим хэбер гье эз у солдат,
 Гъэлхэнд инсонет поисди э пой.
 Вегирим хэбер эз у улкегьош,
 Э хори хуышде довгло не дирет.
 Гуюгу эз дуъли гьер рачи хори,
 Герекиге женг э глэрей хэлгъгьо?
 Гьемме эки: НЭГ! НЭГ! Мугуют,
 — Мебугу у женг герек нисдигьо.
 Гьемме эки шовгло мисохут,
 Мебугу зир пой кешире жофо.
 Бигьил дор више, гье у нимесухд,
 Гую гьемише: «Герек нисд довгло!»
 Гъич э е улкеш, э руй эн хори,
 Рачи эн дивзг! дегиш мегердо.
 Имидлуьнуьм ме, сохденуьм шовгло,
 Мугуют гьемме: «Мегердо довгло!»
 Башар! Садам! Мубарак! Арафат!
 Биейт эки берим бирори,
 Бэхьсеш гирим эй були-бэхдевери.
 Биерим мозол, дусди, шолуми,
 Улкегьош бугу раче богъ гуъли.
 Бигьил инсонгьо зигъуьт э динжи,
 Имуш эки хуним эй дусди.
 Бигьил темиз бу гьемише гьово,
 Гьеме инсонгьош гьечу эз дуъли,
 Фуьрсоре ригаз чуьшмере хуно,
 Е зугъун офде гуют эки:
 — Шолуми! Жофо! Мозол! Бирори!
 Азад! Тен бире! Тевесер зигьо!

ЗУ БИЕ

*Э глузет э у гьевелине Ватан мундигъо куьнде одомигъойме,
дусдгъо ве хьовиргъойме нуьвувьсдем и ризгъоре.*

Поизгъо гъэд бисдорут, зимисдугъо хуьрд,
Рачи гуьлгъош суьпенж зере, васалгъош муьрд.
Е ченд гиле чуьшмей гьомиш гъизгъин бири,
Оммо туьки, бирор гьелеш не омери.

Чумерэхуьм, эдем рузгъоре шуморде,
Нуьгбегьоргъош кем бире эдет варасде.
Чуьшмей гьомиш гъизгъин бугъо серии бири,
Оммо туьки, бирор измуш не омери.

Лос бугъо дерьегъ иму шаргъо вешенди,
Э емишдоргъо бегьоргъош варасди.
Чендбо доргъош хазон бирет э поизи.
Оммо туь гьелеш не омери, гъезизи.

Салгъо глуьмуьргъоре эдет кутэхъ сохде,
Дире воисде туьре, те дуьл поисде.
Мере э себэхъи не мунди бовори,
Зу бие, те э чумгъойме товуш дери.

* * *

Воре мее туь фурмунде,
Э мол-девлет не гюшири.
Угъо э мироси мунде,
Эз туь бэгъдо э и хори.

Бисдогеш туьре гюшири,
Бэхштуй энжэгъ пенж гез огъи.
Эз у омбаре бирен,
Гьемме уре мибери.

ВЕСИЕТ

Ме гиросдем эз и глуьмуьр,
Оммо, туь мие гирори!..
Сайлов, гуьрверевоз,
Э зуьгъе ве туьфоневоз.

Эз мейдузи э догъ,
 Эз зулмети гешде чирогъ,
 Бирден, миофдони,
 Сэхд расире — дорд дорени...
 Вэхи!.. Варас гьони,
 ГІэсби — гІуьмуьр зиндегуни.
 Сэхд бесд егьер юре,
 Муьхькем гирде вожей юре,
 Те руз бире кутэхъ,
 Мие офи эй туь е рэхъ.
 Э у бесде имид,
 Гьей сох гІэсбе, тегьер игид.
 Офде войгей юре,
 Веги э дес ихдиере.
 Мерже, эжэгъ жоборд берде,
 Зиндегуниш мерде вихде.
 Ме гиросдем эз и гІуьмуьр,
 Туь, мие гирори!..

БЭХШ

Эз чул ме бэхшгьо овурдем,
 Эри зен, гІэруьс, духдер.
 Оммо э фикир демундем,
 Кире дуьмге эн гьевел.

Угьо, гьерсе чум деноре,
 Дениширет э ме ишу.
 Оммо эриме оmore,
 Сугьбутеш сохдет ишу.

Сохдем фикир меш, эриме,
 Мидуьм гьевел гІэруьс мере.
 У эз «кес» омори эйме,
 Куьнд дануьгу хуьсуьре.

Песде мидуьм духдер мере —
 Мозол хуней «кесе» эз ме.
 У омбар хосде бебере,
 Нибу бикейф гьич эз ме.

Эн песи мидуьм зен мере,
 У гьич гІэйб нисоху мере.
 Дорун дуьле варасире,
 Зен, чум мизенуь мере.

ОФ РЭХЬ ТУЬРЕ

«Шинов ноши гоф усдоре,
Заргер эн гоф гьисди шогьир».
Гов-суьрх меди неданире,
Соф миебу гьер гоф шогьир.

Варафдейгеш э гьюьндуьри,
У гьенжэгъ гьисди тепеле.
Ухшеш зере э дохьори,
Мегерд дере эз сер тепе.

Тоегъэ э дес вегирде,
Эдей гээлем хунде уре.
Палашгьоре лихъэ сохде,
Пучундени туь сергьоре.

Вегирдигеш э дес сазе,
Егьин мие куьке дани.
Мизроб зериге куьксуьзе,
Уш гьисд егьин эз недани.

Гьер инсоне гьисди е рэхъ,
Офдге уре, у гьисд мозол.
Мебесд э кишд ярэгъ, хьэрмэхъ,
Эз туь нибу Рустами-Зол.

Гьинорменд бош, оф рэхъ туьре,
Хайр миери туь эй хуьшде.
Буш харж месох жофойтуьре,
Екиреш негируь ханде.

МЕРЕ ГЬИСД БОВОРИНИ

Мидануьсдуймге пар зере,
Тегьер суьмуьргъ гъэнет зере,
Мипаруьсдуйм э сер догъгьо,
Нум ишу Догьисду гьисдгьо.

Егилейгеш эз гьюьндуьри,
Миденишуьруьм эз дури,
Гъэдимие шегьер мере,
Хуьшдени Нарын-Гъэлере.

Пар мизеруым э сер богъгъой,
Эн кегъребое онгургъо.
Эжеки хьофд гъинормендгъо,
Игидишуре бирмундетгъо.

Пар мизеруым эри дирe,
У фабрикгъо, заводгъоре,
Эжеки дирем желдире,
Эн жофокеше халгъмере.

Егилейгеш мохурдум ме,
Гъе деруьтгъо э фикирме,
Чискин буьлуьнде легуьргъой,
Ковре гловгъой каспиейме.

Гъэнет зере пар мизеруым,
Э сер сенгъ бебе, деде,
Сахд гъэл гирде мигируьсдуьм,
Михъилоимереш михосдуьм,
Ишуре эй шенде рафде.

Э гъэд эн дуьл эри дошде,
У торихлуье Дербенде,
Дуьлмере серт унжо гъишде,
Ме э ватанме могошдуьм.

Мере гъисди боворини,
Мигирору гъэроллугъи,
Исроилеш э дуьл гирде,
Михоюм ме, тегъер деде.

* * *

*Эри жовонгъо, гъем несегIэт,
Гъемиге весиет нуьвуьсдем и ризгъоре*

Эз ме эйшму несигIэт едигор,
Воре эз кес эйшму гердит бирор.
Нисд э гIуьлом чуьн бирор хосдегор,
Нибу дануьсде, песини рузе э дуьньегъ.

Воре э мол-девлет кес чум денит,
Э косибиш воре руьхшенд сохит.
Ръхьмедуьлиреш эз дуьл мешенит,
Нибу дануьсде, песини рузе э дуьньегъ.

Месохит фурмуш giroшдегьоре,
Белкем вогошд, гьич ниданит уре.
Уьткем мегердит зиеле дире,
Нибу дануьсде, песини рузе э дуьньегь.

Келе мозоли хьуьрмет дануьгьо,
Юш мивуьнуь уре эз чуьклегьо.
Бедбэхдини зобуни сохугьо,
Нибу дануьсде песини рузе э дуьньегь.

Лугьэй нунеш бурра дит гIонире,
Эз гьони гирде мехогьит гьэрде.
Мебошит сурул, мезенит зеде,
Нибу дануьсде песини рузе э дуьньегь.

Гофгьой шогьир гьисдуьт эдеб-дэгьно,
Э гьер келме, гьелбет де мэгIэно.
Варасиритге нимунит тэхьно,
Нибу дануьсде песини рузе э дуьньегь.

Зоя Семендуева

МИГИИД АЗАДИ

Омборекбу мигИид ишму,
Божордлуь хэлгъ еуди.
Диеш гъувотлуь мибоши,
Шоре улкей эн азади.

Хэлгъгьой туь лап эшгълуьнуьт,
Туьре гІээиз дошденуьтгъо.
Дуь эй еки чуьн бироруьт,
Екире дусд хосденуьтгъо.

Угъо гъемме гъовхоберуьт,
Эри дошде еклуьире,
Ве гъем гъэлхэнд шолуминуьт,
Пури унжо гъинорменди.

Бигъил зирпой бугу дуьшмен,
Туьре ки нис хосдениге,
Ве шолуми эн гІуьломе,
Гъоим ки нис дошдениге.

Сохде туьре деш вегирлуь,
Э гуьллуь богъ мичаруним,
Гъисдим хьозур э гъуллугъ туь,
Туьре гІээиз деш мидорим.

Тозе гІилмгъо иму хунде,
Коргьоймуре гъувот доре,
Эшгълуь жофо кеширеним,
Э гІээизе Ватан хуьшде.

Пенжогъ сали гІуьмуьр туь,
Омбар келеи гъинор туь,
Гене муьхъкем гердош зиедте,
Сад-салиреш эй вохурде.

ГЪОВХОБЕР

Э глүзет Ицхак Рабин.

Лов э хэнде, э дуыл шори,
Эз нокуми туь офдори,
И чуь пешму хэлгъэ сохди,
ГӀэзизе кук эн хэлгъ бири.
Бегем эри Ватан жун дуьгьо,
Гьечу лоигъи эри рафде,
Эз дес нэхъэш ве неварас,
Комики гьисди эн хуьшде.
Э гъовхогьо жоборд бири,
Гьеле динжи не вегирдей,
Э туь екиш борж неберди,
Гьэлхэнд эри хэлгътуь бирей.
Хьэрекет туь бу шолуми,
Небу гуфдире дуьшмени,
Бошут гьемме чуьн бирори,
Сохут э еки бовори.
Генеш эз у рэхъ хэлгъ мирав,
Комики туь рафденбири,
Гъовхобер эри азади,
Жоборде кук эн Исроил.
Гирошдгеш омбаре салгьо,
Эз ер эн хэлгъ Ицхак нирав,
Гьем глүзетлуь ве гьем игид,
Нум ю э торих мидавав.

НИС ВОИСДЕ МЕРЕ ДИЕ

Нис воисде мере дие,
Товуше руз думонлуь бу,
Дедегьоре гьэмлуь дире,
Ве э глүьлом жевгъ офдону.

Нис воисде мере дие,
Хори, асму гӀэтош гуьруь,
Муьгьбетлуьгьо журу бире,
Бошут угьо дердлуь, гьэмлуь.

Нис воисде мере дие,
ГӀзиллего езугъ бошут,
Гуьрде вэґдо нум бебегьоре,
Хьэсрот бире, ох вокошут.

Нис воисде мере дие,
Жовонгьойму фурмуш сохут:
Энжэгъ дусди, еклуьгире
Беде дуьшмеш хуьрд несоху.

Э ГӀУЬЗЕТ 50-САЛИ ИСРОИЛ

Пенжогъ сал пушоте хэлгьгьой Исроил,
Эри руз азади дарафдет э гьовхо
Имогьой у бири сэхьиб муьлк ве богьгьо,
Динжире винирет хэлгьгьой туь, Исроил.

Четине рузгьоре шушде берд тегьер сайл,
Богьгьойму геймишуьт чуьн васал,
Генедеш кумеки эри хэлгъ до Ватан,
Хушбэхд бу гуфдире хэлгьгьой туь, Исроил.

Э гьовхо мибердуьт ферзендгьой имуре,
У вэхди хьэрекет сохдут дир небире,
Овурдет азади э и рэхъ жун норе,
ТэгӀрифи игидгьой Исроил.

Бигьил бу сал-бесал улкейму деш жовон,
Эз богьгьо-богьчегьо биевгу буй рейгьон,
Угьоют гьеммешу ярашуьгъ эн инсон,
Э тегьер гуьллую богъ мибоши, Исроил.

ДУХДЕР ЖУГЬУРГЬОЙ ДОГЬИ

Э гӀуьзет Н.И.

1

Е руз духдер куьнд бирени,
Э кин деде чуьн мигьорову,
Гуфдирени ширин зугьу:
Гуюм эф туь тозе хэбер.

Воисдени мере рафде,
Дур гьисдигеш у рэхь мени,
Эз келетегьо шиновусдем,
Ершолем хоримунни.

Э рэхь эдем ведарафде,
Небу боши, дедей, гъэргри,
Бие офум рэхь эй хуьшде,
Вэхд рафдейме изму бири.

Туь инжо мундени тэхьно,
Э ме и кор нисди гуьнжо.
Оммо воисдени рафде,
Бэхшлемиш сох э ме, деде.

Дуьл эн деде гьелбет могьбул,
Гьетте шинре мибу суьфде,
Песде мибу у шоре дуьл,
Балай духдере рач фегьем сохде.

— Фурмуш месох хок хорире,
Э коминжо келе бирей.
Ве гьемчуьн у инсонгьоре,
Эз ки, жун ме, эшгь вегирдей.

Э чуь жигеш бисдориге,
Дан ки туь одомини.
Коми рэхьэ туь рафдиге,
Инсоньети хуьрмет туьни.

2

Назуьшменде духдер догьи,
Лап эшлугьлу бу эри кори,
Эз гIэили жофо кеши,
Эз.четинигьо не терсири.

Зиндегуни тозе хори,
Бу келе метлеб жовони,
Божергени ве сабуьри,
Э войгею расундени.

Тегьер эн мелхьэм, эри дуьл,
Эри хори, гьисд гьуьзуьлгуьл.
Тегьер эн чуьшме товуши,
Гуйге э дуьл дегесунди.

Э оморей шор бире.
Бэхд мозоле у офдени.
Кифлет ю зиед бире,
Э шоре руз зигьисдени.

Эз у руз тейте имбуруз,
Гофгьой деде э гуш дери,
Чуьн мегьрибон духдер бири,
Эри Ватан верзирени.

Чуьн эзуни Ватан хогье,
Гьемише хэлгъэ гереки.
Дире уре шор мибоши,
Дусди юре сэхд мидори.

Борис Ханукаев

БИГЪИСМЕТЕ ЧИ

Шохьонгум Бирор,
Омоки эз кор,
Рафд нуьшд э хуне.
Десе э чуне.

Мугу зен энуг:
— Уни норем ну.
Пиез, патрушке,
Хое, картушке.

Гпарму не онгур,
Хиер, помодур,
Япрагъи, дулма,
Ягъни, гъовурма,

Шашлыкгъой могъи,
Хиледис гови,
Гъогъол кишмиши.
Гъемчуьн хошхоши.

Пое зе Бирор,
Мугу: — Эй бигIор,
Духдер эн назу,
Арагъи ди зу.

Жогъоб до фагъир:
— Нисди арагъи.
Э тукуш рафдем.
Эз десгъош гешдем.

— Элле и чуь дерд! —
Хъир-хъире зе мерд. —
Э тукуш рафдем,
Эз десгъош гешдем.

Туьре гъеймогъой
Дуз эзир эн пой
Ме мидешенуьм,
Куьшде мишенуьм.

Гене зен мугу:
— Рафдем э туку.
Гешдем эз десгъош,
Нисди, туь мунош.

— Дениш, месох дир:
Арагъире ди
Тейте вехуьшде,
Хуб ахшор сохде.

— Нуьш э ен суьфре.
Бири дуьшпере,
Гъерки чогъ бе чогъ,
Жунтуь гердо согъ.

Бирор сохд хъарой.
Вехуьшде э пой,
Чумгъоре чарунд.
Суьфрере вачарунд.

Э и ло дулма,
Ягъни, гъовурма.
Э у ло мой,
Хиледис гови.

Э дивор онгур.
Э дер помодур.
Шарп эз пенжере
Бушгъоб дуьшпере.

Хиере у зе
Эз мазалей зен.
Хъарой сохде у,
Вирихд э буру.

— Луьнгтуь хуьрд, эслогъ,
Нией э и ло —
Гуфди «сигъде» мерд.
Зене рач вешмерд.

Дагъдагъэ багъдо
О! Омо Евдо!
Мугу: — Э Бирор!
Гаизизе бирор!

Дирей? Оморем,
Ичкуш овурдем.
Закуске биер.
Вешеним, бирор.

Бирор эз шори
Офдо э хори:
— И чуь хуб бисдо,
Хъармахъме Евдо!

Пой е дагъдагъэ,
Мибу закуске.
Гешд э чорченги.
Чигъоре вечи.

Се-чор дуьшпере
Эз зир пенжере.

Дуь чахе хое
Эз далдей хуне.

Эз зир пилете
Могъи вегуьрде,
Нефес вечире,
Но э сер суьфре.

— Закуске хъозур,
Гъери бие зу,
Бие, жон хъармахъ,
Туьре сохум махъ!

Э гъал эн хъармахъ
Уре сохд е махъ.
И взхд чуь бисдо?!
Бовор сохит-огъ!

Эз дес эн Евдо
Битулке офдо,
Тегъер туп довгъо
У лов-тум бисдо!

Симах Шейда

ГИРИСДЕНУЪМ

Жунме сад жофо дири эдере гирисденуъм,
Чумгъойме гІэрс пур бири эдере гирисденуъм.

Филгъо нисе кешире ме кешире дердгъоре,
Бэхдме емон хисири эдере гирисденуъм.

Гене офдо э ерме ю назлу ер, ю Пери
Егъин нисди хэбери эдере гирисденуъм.

Бибофон и дуьнегъ, ки ниасдеге пой дану,
Омбари дерди-сери эдере гирисденуъм.

Дусд винирем дусдовоз дуьшмен бири эхирде,
Нун-муьнуьке шишири эдере гирисденуъм.

Симах, дердсуьз-кедерсуьз инсон нисди э гІуьлом,
Дуьлме гуьссе винири эдере гирисденуъм.

Э ИСРОИЛ БИЕ ТУЪ

Земоне дегиш бири,
Кире нисди хэбери,
Ой Менешир, ой Пери,
Мепой унжо дие туъ,
Э Исроил бие туъ.

Эдере огол зере,
Раче Ватан, хэлгъ мере.
Нибу омбар дир бире,
Непой унжо дие туъ,
Э Исроил бие туъ.

Е гІэруьси Беер-Шева,
Рач Ашкелон, Яффо
Гьешданки гуьли Хайфа,
Не пой унжо дие туъ,
Э Исроил бие туъ.

Шолум фирсоренуым ме
Эри Боку, Генджейме.
Дуьлшори инжо гьемме,
Мепой унжо дие туь,
Э Исроил бие туь.

Ой Симах, женет бири,
Бебегьоре хори.
Имой худо офири,
Не пой унжо дие туь,
Э Исроил бие туь.

ОМОРЕЙ

Ой ер, эри руйтуь хьэсрот бируьм ме,
Имишев э ховме хэлвет оморея.
Гьешданки офтове, менге дуьруьм ме,
Туь дорей хуьшдере зэхмет оморея.

Гу виним теимой эже мундей туь?
Эз сер эгьуьлмере берде эдей туь,
Дерд доре, микиши мере текей туь?
Норей эри шогьир хуььрмет оморея.

Э лов туь ханде гьисд, у чуь хандейи?
Бие некуьш мере туь эз хосдеи.
Дануьсденуьм омбар эгьулмендеи,
Э дуьл туь севги, эшгь муьгьбет оморея.

Оморея э рэхьтуь, куьрпи имбошум,
Эри ковре чумтуь гьурбу имбошум,
Ой гуьл, чуь хосдиге туь гу имбошум,
Дуьлтуь воисдики гьелбет оморея.

Сох эри гьер дердме бие чоре туь,
Не бурр и дуьлмере пара-пара, туь,
Дие бендейтуьре шенде нара туь,
Зерей гьушо хуно гьэнет оморея.

Нэфестуь гьуьзуьргуьл, рейхьони гуйге,
Нуьшде-вехуьшдейтуь жейрони гуйге,
Симах э сифеттуь хьэйрони гуйге,
Мере эри сохде хушбэхт оморея.

ДУХДЕР ШИРВОНИ

Эдей дуь-екире диреним гьер руз,
Гирошде рафдени эз кучейму дуз,
Оморей эз Гекчай, белкеш эз Огъуз,
Дуьлме шевиш-рузиш э туь хьэйрони,
Ой духдер Ширвони, духдер Ширвони.

Гуьл-чичек вокунде туь хандуьсдеки,
Руйтуь е офтои, гъоштуь е менги.
Дураза муйвойтуь рачи, гешенги
Эз чуьмме туь э дур мара омони,
Ойдухдер Ширвони, духдер Ширвони.

Лейли бисдориге Межнунтуь менуьм,
Эгер Эслиниге, дердлуь Керемуьм,
Эри гьер гъуьссейтуь, гъэмтуь мелхьэмуьм
Чуьнки туь жигерме, гъемиш жунмени
Ой духдер Ширвони, духдер Ширвони.

Е руз туьре вини э рэхь дедейме,
У парчоге дедейме, у шогь дедейме
Гуфди: Г'эруьс гердош кош э хунейме,
Е десде гуьли туь, лали, мержони
Ой духдер Ширвони, духдер Ширвони.

Эшгътуь, муьгъбеттуь гуж доре мере,
Эдей эз шори туь дуьлме пар зере,
Э рэхь туь, ме гъурбу мидуьм хуьшдере,
Симах пир не бири гъеле жовони,
Ой духдер Ширвони, духдер Ширвони.

НИСД

Гешдум и гуьломе, гешдуьм ингээдер
Эз хори бебегъо хубте жиге нисд!
Бисдорум э Масков, э ченд-ченд шегьер
Эз хори бебегъо хубте жиге нисд!

Э Бомбей, э Дегъли, э Медрес бирем,
Раче Таж-Махала — у гуьле дирем,
Эз богъгъои Шри-Ланк ме мейво чирем,
Эз хори бебегъо хубте жиге нисд!

Бирем э Будапешт, э Белград ме,
Чинеш жигеи гьисд э гъэд синейме,
Эдее гуфдиренуым пой дануь гьемме:
Эз хори бебегьо хубте жиге нисд!

Прага келеи, София келе
Нес гуфдиренуым Берлине гьеле,
Дирем Туркиере, кидан ченд гиле,
Эз хори бебегьо хубте жиге нисд!

Симах, э ер биер гъэдим Тебризе,
Таллине, Ригаре, екиш Вилнюсе,
Эри хьэз вегуьрде, эри зигьисде
Эз хори бебегьо хубте жиге нисд!

ГУФДИРЕНУЪТ

Гуфдиренуът и дуьнегьо вефои нисди,
Бедигьои, дерди-сери, жофои гьисди,
Одом, Хьэво, Яаагу, Миши е вэхд зигьисди,
Эз е жиге гьей омори, гьей рафда инсон
Хуби, писи мунди энжэгъ эз пир, эз жовон.

Гуфдиренуът нибу доре зэхьмет дедейе,
Келе-бижигъ бие гуьруь хьуьрмет дедейе,
Гьер кес эз дуьл ведешендге муьгьбет дедейе,
Нун мигуьруь чумгьоюре, бэд миев рузи
Торки имбу, зулмет имбу уре шев-рузи.

Гуфдиренуът батмиш нибу дерьегье сеси,
Гьисд догьгьореш, кулокгьореш эшгьи, хьэвэси
Гьерден рихде асмугьореш эз чумгьо гӀэрси,
Гьем нун доре, гьемиш хурде инсоне хори,
Эрчуь гьейтер гъэрор гуьрди гӀуьломе кори?

Гуфдиренуът э и дуьнегъ ширини омбар,
Еки Ватан, еки дедей, екиш назлу ер
Гьер сеире э гуллугъи пой очугъ-ошкор,
Гъэнет худо имбу у вэхд туьре э сертуь,
Эз дуьл, эз жун шор мибоши нибу е дердтуь.

Гуфдиренуът Симах Шейда муьгьбетлуьни,
Е гуьзеле севмиш сохди е кем дердлуьни,
Хьовургьои, дусдгьои гьисд гуьл-гъэнедлуьни,
Э и дуьнегъ гьемише у шолуми хосде,
Эри гьемме жунсогьлуьгьи, ники воисде.

ТЕЛХЪЭ ХОЛХОЛГЪО

1

Гофи дургу, дуьли шэфт
Одомигъо кем нисди.
Эри ярай эн угъо,
Гьич земон мелхъэм нисди.

2

Э туь бовор нисохут
Бисдориге дуьруйе.
Дусд, хьовуртуь кем имбу,
Дуьлтуй шор нибу дие.

3

Биж-биж не хэнд гьич земон,
У сегІэт веде бире.
Сифеттуь ханде дигеш,
Э дуьлтуй гъэм дебире.

4

Гьей эз зенгъо гоф месох,
Э гъэд хуне, э куче.
Дур бош эз кор эн угъо,
Ой мерд, мебош туь зенче.

5

Хэбер овурде мебер,
Бие месох туь гъечи.
Пой не гую жэгІмет,
Хэлг нум туьре хэберчи.

6

Бисдориге тамагькор
Э и дуьньегъ, ой бирор!
Дерд-гъэмтуь омбар имбу,
Бэхшэйтуй огъ-зар имбу.

7

Пиониске, гъуморбаз
Кидану гъэдуьр зене.
Женг гуьрдге кем мисоку,
Дуразе гІуьмуьр зене.

8

Бие э жун балайтуь,
Э жун туь шегъво сох туь.
Э кесевоз кортуь нисд,
Сад бо гуфдирем э туь.

9

Гоф сохдеки эз хурде,
Эз вокурде, эз гешде.
Э гофгъойтуь фикир ди,
Омбар не гу эз хуьшде.

10

Гюве пуф зере неху,
Фикир неди э гьер чи.
Хуте несох хуьшдере
Ой мерд, ой зен туь гъечи.

11

Гьич вэхд зене хуно нуьшде не вехиз,
Жигей мерд журон, жигей зен журо.
Э е будог нуьшде доре не шовун,
Эри не расире коле тут гуьро.

12

Мебош чуми гисне гьис вэхд, гьич земон,
Гьер чире уьлчуьи, гъэдери имбу.
Э сер хурде мундге фикир эн инсон,
Уре эзи дуьнегъ хэбери нибу.

13

Одоми гьисдики омбар мэхь мидуь
Э руйи хьовире, хьэрмегье, дусде.
Сад жуьр гоф мигую эз песей энугь,
Э кин туь, э кин ме у рафда бэгьде.

Эльдар Гуришумов

ПЕШМУЕТИ

Э верфи эз куче рафденки е мерд,
Пою чемуьсд офдо, рангу бисдо зерд.
Хьэрмэхуь хандуьсде, сохд эз дуьл шори.
Гьуз бире тик негуьрд, уре эз хори.
Зу руе чарунде, рафд рэхь хуьшдере,
Дие гьич песевош не чарунд сере.
Мугу, э дуьл хуьшде: «Офдо хубчи у,
Текей сертик гешдуь, нобге гьечи у.
Тейте кей тэгIэриф дуь уре жэгIмет?
Бил эри жун согъи, зу мунд гьесрет.»
Гьечи думит сохде, рафданки у — рэхь
Метлеб дураз бисдо, шори ю кутэхь.
Е жиро офдоки, э сер эн жилид,
Э дер бэхд-мозолу лап варафд килит.
Гьешданки, гIуьмуьрлуг дураз бисдо — у,
Гьэшданки, жундоре жуне висдо — у.
Сесуь гужлу бисдо э биренгъине,
Чек зере вежесдуьт дендегъой сине.
Поюнд рэхь хуьшдере эгъребгъой эн дуьл.
Пажи ранг сифетуь э тегьер эн гуьл.
ГIэрсе э сер жилид рихд дигъле-дигъле.
ЖэгIмет кура бисдо, ю мунд э мигле.
Чендигъо гьуз бире, жумундуьт уре,
Омо у, екиреш не тануьсд дир.
Э чуму тор кеши сип-сие думон.
У, эри вехуьшде не сохд гьич гуьмон.
Герденуь гьэд бисдо, э тегьер лугу.
Пелтеке зувунун евошлей мугу:
«Мере гьич ни вегуьрд и зебуне дерд,
Эгер ни сохдумге э дусдме руьхшенд.

ЖОВОБ ВОРУШ

Мугум: «Эй воруш пой мерих ингъэде,
Бийил одохлуйме э енде бийов.
Гьербой туь оморе гьечи дегъ гъэде,
Э тегьер никере гиросдени ов.
Чумерэхь мунденуьм, те туь поисде,
Тэхьно нес гирденуьм е минут гъэрор.
Эхи, севгилире дир воисде,
Кей импойи, гу кей мийов раче йор?

Воруш гъэгъри бисдо, не сохдум гуьмон.
 Гене э гъэд дуьл ме дерд-гъэм диromo.
 Чор тарафа веуьрд, лап сие думон,
 Эжигей поисде, диеш сайл омо.
 Доргьоре лерз воно, жуьмуьсд эз бине.
 Бурмунд руй хуьшдере рузгьой эн поиз.
 Гъэре нес доренбу сес биренгъине,
 Ворвориш эденбу омбар зере виз.
 Дие не дануьсдуьм гешде э гъэд богъ.
 Лап сахд гъэиб кешуьруьм эз гъуьзуьргуьлгьо.
 Сер гъуз поисдебу гъешданки шогъ догъ,
 Эденбу тен шуше чепенгьо — чуьлгьо.
 Воруш мугу: «Э везме нисд и коргьо,
 Пушой мере екиш гъич вэхд ни гуьруь.
 Гъер доре, эз дуьли не хосдогоргьо —
 Воруше гъемише вогъне муьгуьруь».

НЕ ГЕРДО

Э гъэд богъче луге — велгсуьз.
 Эри гешде пой гъэсб — нэгъсуьз.
 И гузгие дерьегъ — жэгъсуьз.
 Э и гъуьлом гъич не гердо.

Руй ковуе гъэсму — менгсуьз,
 Шип-ширине гъэсел — гъэнгсуьз,
 Гъер гъэлханде догъиш сенгъсуьз,
 Э и гъуьлом гъич не гердо.

Шев гъэруьси жигъиз — вазсуьз,
 Хунденигьо ошугъ — сазсуьз,
 Пак гъисдийо йориш назсуьз,
 Э и гъуьлом гъич не гердо.

Эгер, бивэхд пажиге гуьл,
 Эгер, сенгъ чаруьсдге дуьл,
 Эгер лап буш гъисдге энгуьл —
 Э и гъилом гъич не гердо.

Жофокеше тен — зрегъсуьз,
 Дес игидгьо — е ерегъсуьз,
 Гъэлем шогъир — е верегъсуьз,
 Э и гъуьлом гъич не гердо.

Дор, богъбонсуыз — богъбон дорсуыз,
Кор инсонсуыз — инсон корсуыз,
Йор Эльдарсуыз — Эльдар йорсуыз,
Э и гуьлом гьич не гердо.

ВИШЕ

Чуь рач вараюсди лубгегьой эн дор.
Маралгьо-жейронгьо — ярашугъ више,
Е дор гуьл овурди, е дориге бор,
Булшей эн тен хори — сермешугъ више.
Маралгьо-жейронгьо — ярашугъ више.

Гьерден воисдеки пар зенуьт гушгьо.
Гьерден э тэхьнои мунденуьт гушгьо.
Гьерден э хоровоз хунденуьт гушгьо
Гьер овоз дорогор — е ошугъ више.
Маралгьо-жейронгьо — ярашугъ више.

Инжо глэдет нисди, сокит хисире.
Инжо гуьдуз мийни, пеленге-шире.
Инжо зиндогуни эдей дуьшире.
Э хуне бемзери, бун очугъ више.
Маралгьо-жейронгьо — ярашугъ више.

Э човгъун, э гермиш бирэхънейи тен,
Гужлубгьо сохдени, гужсуьзе ден-ден.
Гъечи хуте бирет лап эз бинеден.
Рэхъмсуьзе гьонунгьо — е сундугъ више
Маралгьо-жейронгьо — ярашугъ више.

Овчи энгуьшд десе сахд шиширенки,
Гулле те дуьл жейрон рэхъ кеширенки.
Герме хун бугъ доре, лехте зеренки,
Шогъир гоф мугую: «Чуь езугъ више»,
Маралгьо-жейронгьо — ярашугъ више.

ДОШДЕ ГЕРЕКИ

Десе дуллу сохде мепойт бикор,
Рачи руй хорире дошде гереки!
Э кор бугьо жиге дуьл бирени шор.
Вокурде гереки, кошде гереки.
Рачи руй хорире дошде гереки!

Богъбон шори сохде бегьер биренге,
 Чумгьо уьшуьгъ доре богъз диренге.
 Ошугъ саз вегирде мугъом зеренге,
 Гърслуе чумгьоре шушде гереки.
 Рачи руй хорире дошде гереки!

Э доргьо вепуьчуь тохгъой сермешугъ.
 Менгиш эз дур дире бил бошу ошугъ.
 Эгер инсоф деге э дуьл туь е дугъ.
 Э сер савзай гиеов нуьшде гереки.
 Рачи руй хорире дошде гереки!

Бил лихъз не соху ове булогъгьо.
 Э гузги чаругу тове булогъгьо.
 Э ханде венуьгу лове, — булогъгьо.
 Угъоре едигор гьишде гереки.
 Рачи руй хорире дошде гереки!

Эз кук мевекенит доргъой вишере.
 Яралуь месохит жейроне-шире.
 Насдануьм гИломе догъуногъ дире,
 Дуьшмей руй хорире куьшде гереки.
 Рачи руй хорире дошде гереки!

ДУСД

Дусди, эри инсон э дуьньегъ мелхъэм.
 Э дусд бугъо жиге дур мигешдуь гъэм.
 Дусди, эри инсон гъувот эн ханде.
 Э дусд бугъо жиге ни боши менде.

Ченд салгьо оморе гирошдгеш эгер,
 Эри дусд, дусд бугъо имбу бэхдевер.
 Дусдире доругъо муьвуьнуь ники.
 Дусд эри гьер хуне нуни, муьнуьки.

Межлуьсгьо биренки, чуькле гьем келе.
 Дусд бире серпойи, шор сохде дуьле.
 Бедигьо мегордо екиреш гьич вэхд.
 Эри беде рузгьош дусд гъэлханди сэхд.

Дусдсуьз гьич у гъушгьош нес зеренуьт пар.
 Бил бу э гьер жиге дусдгъойму омбар.
 Дусд гъэнед инсони, дусд гъуьмуьр жуни
 Дусдсуьз гировнийи шори эрчуьни?

Дусд э дуьл бемзери, мидай доре-сур
Эз дусд тейте муьрде нийо боши дур.
Дусд гьисд эз гьер кор туь бире хэбердор.
Дусд гьисд, э овуревоз той нибу бирор.

Эгер, офдориге э гъэриби тек,
Эз фикир, эз хейол пур инбу этек.
Эгер э дусдевоз бисдориге тан,
Гъэшданки, муьзуьви э хори ватан.

Эри невейме

ДАВИД

Темаруз руйтуьнуьм э суьрхе неве.
Худо бэхш доригьо жунтуьре гъурбу.
Екиреш чуьнтуьни, раче руй не ве.
Чумгьойтуьре гъурбу, нумтуьре гъурбу.
Худо бэхш доригьо жунтуьре гъурбу.

Тамерлан бебере гуж ди, гъувот ди.
Лале дедей туьре е тоже од ди.
Жемиле хэгьере шори зиед ди.
Хэндейтуьре гъурбу, нумтуьре гъурбу.
Худо бэхш доригьо жунтуьре гъурбу.

Пуьмуьр садибисде звер варагугу.
Мелхэм эн офтойи э дуьл даравгу.
Товуш менг-асдара бивэхд нарагугу.
Гэсмуйтуьре гъурбу, нумтуьре гъурбу.
Худо бэхш доригьо жунтуьре гъурбу.

Гъэлхэнди эн шогь догь э гъулгьой туь де.
Ярашуьгь хунчегьо э гуьлгьой туь де.
У суьрхе зимигьо э чулгьой туь де.
Хоритуьре гъурбу, нумтуьре гъурбу.
Худо бэхш доригьо жунтуьре гъурбу.

Э гъэриш мозол-бэхд хандугу чум туь.
Дуьньере говлейи хунугу чум туь.
Хуьшдере е парчоьгь вуьнуьгу чум туь.
Гиломтуьре гъурбу, нумтуьре гъурбу.
Худо бэхш донригьо жунтуьре гъурбу.

Ме эз туь гыч дуймиш нибошум, Давид
 Войисде шор винуьм, шор бошум, Давид.
 Чогъэ гъуч зир пойтуь имбошум, Давид.
 Гуьмуьртуьре гъурбу, нумтуьре гъурбу.
 Худо бэхш доригьо, жун туьре гъурбу.

Эри духдерме

ЭЛЬНАРА

Товуш чум туь зиед гердо э гилом.
 Е суьрхие гуьлмени туь, Эльнара!
 Гуьмуьр жун туь е од гердо э гилом.
 Мижей шори дуьлмени туь, Эльнара!
 Е суьрхине гуьлмени туь, Эльнара!

Гъувот пой туь, гужлуь бошгу согъ гуьмуьр.
 Эгъуьл сер туь, тижлуь бошгу согъ гуьмуьр.
 Рач э руй туь буржлу бошгу согъ гуьмуьр.
 Мижей шори дуьлмени туь, Эльнара!
 Е суьрхине гуьлмени туь, Эльнара!

Бэхдевери вокунугу дер туьре.
 Мозолменди дегуьругу сер туьре.
 Худой гилом гъуше дуьгу сер туьре.
 Мижей шори дуьлмени туь, Эльнара!
 Е суьрхие гуьлмени туь, Эльнара!

Е вэхд миев шор мибоши, э дуьньегъ.
 Бегьерлуье дор инбоши, э дуьньегъ.
 Сади бисд сал вор инбоши, э дуьньегъ.
 Мижей шори дуьлменитуь, Эльнара!
 Е суьрхине гуьлмени туь, Эльнара!

Нум дедейме шуьгьрет туьни, нум туьни.
 Мозол бэхдгьо мугьбет туьни, нун туьни.
 Эльдар бебе гъурбун туьни, жун туьни.
 Мижей шори дуьлмени туь, Эльнара

Алексей Якубов

СТИХИГЬО

Фикиргьо, хаелгьо ве мэхьшового,о,
Те коми вэхд визор миерит мере?
Эз гьечи жогьоб доруьт мере угьо:
«Те не шени стихигьо нуьвуьсдере».
Шенде нейбиренуьмге чуй сохум ме,
Бегем динжи нибу дие муьвэхьэ?
Тэжирлуй месох туь шогьир имуре,
Туь вихдей эри хуьшде у рэхьэ.

* * *

Руз эз булут торики кеширей,
Эз асмуш эдей дуьгь-дуьгь ворущ рихде,
Дуьл меш гьони эз гьэчи гурунд бирей,
Гуйге кинигере эдей гьэвр сохде.
Гуйге гьово эдере гирисдени,
Эри гирошде герме рузгьой гьоми,
Оммо диеш сахдте гурунд бирени,
Кеф хуьшдере вечаруьндге одоми.

* * *

Гьер себэхь ме вехуьшденге эз хьэлов,
У вэхд рузиш хэбер бирени эз хов,
Песде гьерки рафденим э кор хуьшде,
У э пейде, ме э машин венуьшде.
Ме эдем сохденуьм тэгьэди, хьэрекет,
Дураз ве рач эри сохде гьуьмуьре,
Руз эри ю э вэхдевоз форэгьэт,
Эдей берде тикей зиндегунире.
Э жогьили лап омбар гьэлет бире,
Э гьовои гировундуьм салгьоре,
Оммо гьони э мэхьшово деруьм ме,
Вес мибу ми и мундигьо салгьой ме,
Эри вогордунде вир сохдегьоре?

* * *

Роввин эдей тэгҮриф доре,
Шушен эдей тэгҮриф доре,
Гьемме эдет тэгҮриф доре —
Оммо у бу келе луьти.
Гьэри ошкор сох туь уре,
Виним меровге у эз туь.

* * *

Лап ширини сес эн дургу,
Э зугьун юш глэсел вери.
ТэгҮэди сохде хуби мегу,
Уре дэндугьоюш вери.

СВЕТ ВЕЧНОСТИ

ПОЭЗИЯ

Манувах Дадашев

* * *

На снежной вершине стремительный тур
Застыл изваянием гордым.
Кругами уходит орел в высоту,
Тень крыльев скользит по нагорьям.

Ты юн, словно я, как дед мой, ты стар,
Красив, как невеста и мама.
Моя колыбельная, мой Дагестан,
Тянусь к тебе взглядом упрямым.

Из дальних окопов, сквозь грохот войны
Стремлюсь я в родимые дали.
Мы туры твои и твои мы орлы,
И клятву на верность мы дали.

Неправда, что горец в походе устал —
Наш гнев и священ и неистов,
На горные склоны твои, Дагестан,
Умрем, но не пустим фашистов.

Бой скажет «отбой» и, упав головой
На каску, что мягче подушки,
Во сне прохожу я знакомой тропой,
Забывши про мины и пушки.

На снежной вершине стремительный тур
Застыл изваянием гордым.
Кругами уходит орел в высоту,
Тень крыльев скользит по нагорьям.

Данил Атнилов

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

На урок идти не надо,
Отзвенели все звонки.
В пятом «А» на сбор отряда
Собрались ученики.

Собрались. И перед сбором
Занимались разговором.
Заглянул случайно в класс
Первоклассник в этот час.

— А, Нахшун! Привет, кунак!
Ты на сбор иль просто так? —
У него спросил Осман,
Черноглазый мальчуган.

— Не робей, входи, дружище.
Может быть, меня ты ищешь?
Мы ведь с улицы одной, —
Крикнул Федя озорной.

Он стоял напротив парты
С тонкой палочкой у карты.
— Коль найдешь нам Каспий-море,
Как положено большим,
То тебе, Нахшун, на сборе
Мы остаться разрешим.

Сразу шутки смолкли в классе.
Гость ответил:
— Я согласен!

Быстро встал он с Федей рядом,
Карту вмиг окинул взглядом,
А затем, открыв окно,
Произнес:
— Да вот оно!

Каспий, чуть зеленоватый,
Грохотал, забыв покой.
Улыбнулись все ребята:
— Ишь, находчивый какой!

Сергей Изгияев

ГОДЫ

Годы ветром по льду скользят.
Стой, поэт, оглянись назад!
Как летит корабль полным ходом,
Год за годом идет, год за годом.

Допускаю, что годы — воды.
Но у вод есть предел свободы,
Цель,местилище, водоем.
Сорок лет на счету моем!

Чем вы были? Куда стекали?
Буря на море! Не в стакане!
Вы друзья мне были или
Просто так у меня гостили?

Часто вижу в мыслях бессонных:
Сорок лет моих — это сорок
Пестрых сказочных оболочек.
А внутри — жизнь моя среди прочих.

...Золотого цвета затишье.
Нас, лучей, у светила тыщи.
Не из яростных, не из лучших,
Но я тоже один твой лучик.

Опалило наши растенья
Той военной свинцовой тенью.
Листья падали с каждой ветки,
Но ведь листья-то — человеки!

Преждевременные седины
Мою молодость охладили.
Цвет не дряхлости — след увечий,
Горя, гордости человеческой.

Ну, а будь я другим, безродным,
Безответственным, беззаботным,
Все нашедшим, что вместе ищем,
Разве не был бы дух мой нищим?

Жизнь, я знаю, силой богата,
У нее копыта Гирата.
Рви, не рви удила — пустое,
Не подарит поэту покоя...

Жизнь — и поиск и равновесье:
Весь я в радости, в горе весь я.
Сорок лет — сорок братьев разных,
И у каждого — путь не праздный!

ПРОЗА

Хизгил Авишалумов

Недавно ушел из жизни крупный дагестанский прозаик Хизгил Авишалумов. В горско-еврейской прозе он долгие годы был звездой первой величины.

Я был хорошо знаком с Хизгилом Давыдовичем — приятным, гостеприимным человеком. В политико-мировоззренческом плане наши дороги разошлись. Как читатель я не мог с ним расстаться.

Хитроумный Шими Дербенди, образ, созданный Авишалумовым, стал любимым в общине горских евреев. Даже нечитающая публика знает этого героя литературы. Несколько новелл о Шими Дербенди публикуются на страницах нашего альманаха.

Борис Ханукаев

ТРИ КОВАРНЫХ СВОЙСТВА ВИНА

Как-то раз один из друзей Шими, такой же седобородый старик, как он, пришел к нему поделиться своим горем, пожаловаться на своих непутевых сыновей.

— У меня три сына, и все они трое вместе взятые не стоят одной плешиной, но умной и скромной девушки — вот какой я разнесчастный отец, — произнес старик, чуть не плача.

Шими с недоумением посмотрел на друга, а потом спросил:

— Чем же они уронили себя в твоих глазах, что ты так дурно отзываешься о них?

Старик низко опустил голову, потом, глубоко вздохнул, начал так:

— Они, мои сыновья, будь то дома у себя или в гостях, когда начинают прикладываться к этому захриману — вину, совсем теряют голову, будто их подменили. Самый младший мой — заика от рождения, поэтому он обычно молчит при людях, старается без нужды не вступать ни с кем в разговор. Но как только вино ударяет ему в голову, у него сразу развязывается язык, он делается чересчур болтливым, надоедливым и не дает никому рта раскрыть. И люди не знают потом, как от него избавиться. А другой, средний, сам маленький, тшедушный, притом смирный и робкий человек. В трезвом виде, клянусь нашей дружбой, он и муху не обидит. Даже собственная жена его не боится. А вот видел бы ты его, дурня, во хмелю: сатанеет на глазах, бушует, грозит каждому кости переломать. Один

раз, будучи под мухой, лез драться с известным пахливаном-борцом. Видно, про таких, как мой глупец, говорится: «Напоили зайца вином, а он пошел со львом драться». А самый старший, — продолжал гость свое сетование, — франт, чистоплюй. Но стоит ему напиться допьяна, он тут же валится под стол и ведет себя, извини, как свинья. На чужих сыновей смотрю — радуюсь, на своих смотрю — плакать хочется, — с отчаянием в голосе заключил старик.

Шими чувствовал, что друг пришел к нему не столько для того, чтобы рассказать о своей беде, излить душу, сколько для того, чтобы получить от него совет, что ему делать, как образумить своих сыновей-негодников.

— Я не знаю, как и чем помочь тебе, — сказал Шими другу, — но я знаю одну притчу. В ней словно о твоих сыновьях речь идет. Может, если они узнают, о чем в ней говорится, устыдятся своей дурной привычки, будут себя вести, как нормальные люди.

Гость с надеждой схватив Шими за рукав бешмета, принялся умолять его:

— Случается, мудрое слово помогает лучше, чем самое сильное лекарство. Расскажи, пожалуйста, мне эту притчу.

И Шими, уступая просьбе друга, начал рассказывать:

— Говорят, первый человек, который посадил виноградную лозу, был пророк Ной. И чтобы она хорошо прижилась на новом месте и дала желанные плоды, он сначала окропил почву вокруг лозы кровью соловья, в следующий раз оросил ее кровью быка, а в третий раз щедро полил кровью свиньи. И вот с тех пор, — продолжает Шими, — тот, кто пьет до дна один кубок вина, изготовленного из виноградного сока, у того развязывается язык и он становится красноречивым, как соловей, кто пьет два кубка, у того появляется самонадеянность и буйство быка, а кто три и больше — ведет себя, как свинья. Вот и вся разгадка: почему твои сыновья, будучи в нетрезвом виде, один уподобляется неугомонному соловью, другой — разъяренному быку, а третий, как ты говоришь, безобразной свинье.

ПЕТУХ-БУДИЛЬНИК

Незадолго до начала массовой уборки урожая на колхозных виноградниках и в садах, когда дорог каждый час, Шими, чтобы вставать с рассветом и вовремя успевать на работу, купил часы-будильник. Но не прошло и недели, как будильник перестал работать. Шими не особенно огорчился, поскольку часы были с гарантией на год. Но, побывав в ремонте, часы опять забарахлили: стрелки на них то ползли с невероятной медлительностью, то бежали, точно резвый конь на скачках. Поэтому он звонил и поднимал Шими на ноги то слишком рано, среди ночи, то слишком поздно, когда люди давно на работе. Тогда вконец разозленный Шими, мысленно послав ко всем чертям и гарантийный лист и часовщика-бракодела, решил купить новый будильник. Взяв у жены деньги, он отправился за новым будильником. Но Шими вернулся домой, держа под мышкой крупного осанистого петуха с задиристо вытянутой шеей.

— Ай, муж, что ты за человек? Ты же ходил за будильником, а купил петуха? — воскликнула удивленная жена. — Ты уж купил бы тогда курицу. Мясо у нее нежнее, вкуснее, а так зачем нам петух?

Шими, услышав слова жены, недовольно нахмурился.

— О, женщина, почему ты в петухе видишь только мясо для бульона, перья для перин или производителя для кур, а не видишь и другие его природные качества и способности? — с упреком проговорил Шими. — В далекую старину, если хочешь знать, когда еще и в помине не было этих самих часов, военачальники, говорят, отправляясь в поход со своими войсками, всегда брали с собой петуха. Они, привязав его за ногу, держали в своей палатке возле подушки. Видно, они были не глупее, чем мы с тобой, коли так поступали?

— Ай, муж, горе мое на твою голову! Я охотно верю, что они были не глупее тебя, но скажи на милость, при чем тут древние военачальники и ты со своим злополучным петухом?

Шими, глядя на жену, осуждающе покачал головой, а потом сказал:

— Ай, жена, клянусь богом, какая ты бестолковая! Вот теперь, когда мы будем держать этого петуха ночью у себя в комнате, сама убедишься, что лучшего будильника, чем петух, на свете нет. Он не нуждается ни в заводской гарантии, ни в ремонте таких недобросовестных мастеров-бракоделов, которые чинили наши часы. Притом точно указывает, когда полночь, когда рассвет и когда раннее утро. А ты еще говоришь: зачем нам петух?..

ШИМИ НА СВАДЬБЕ

Однажды Шими пригласили на свадьбу. Когда Шими пришел туда, она была в полном разгаре. В просторном дворе с небольшим, хорошо ухоженным садом гости сидели за накрытыми столами, ели, пили, веселились, а музыканты то и дело играли танцевальные мелодии. Каждый, кто танцевал, смотря по своему карману, бросал музыкантам деньги — «ай шабаш» — по рублю, по два, а иные по три в разноцветный поднос, стоявший перед ними на столе.

Спустя некоторое время, сверкая золотыми зубами, в круг вошел пузатый, краснощекий и лупоглазый человек, которого Шими не знал, но о котором говорили, что он где-то работает заготовителем шерсти и что люди, знающие его, за глаза называют «денежным мешком». С видом человека, сознающего свою «силу и превосходство», «денежный мешок» небрежно запустил руку в широкий карман брюк и вытащил две хрустящие пятидесятирублевые ассигнации. Горделиво покрутив их над головой, чтобы все видели, толстяк, потряхивая грузным животом, не прерывая танец, прошел к музыкантам и с такой же небрежностью бросил им их на поднос. Щедрая подачка привела музыкантов в дикий восторг. Бубнист от переполнившей его радости и почтения к танцору даже вскочил с места и принялся играть ему стоя, стараясь изо всех сил.

Но когда приятно возбужденный, потный и запыхавшийся заготовитель «золотого руна» покинул танцевальный майдан, никто из гостей, несмотря на все усилия серпои — распорядителя танцев на свадьбе, не решался заказать музыкантам танец. Гости, в основном люди простые, почувствовали себя неловко, словно стали вдруг свидетелями какого-то грубого и непристойного зрелища. То же самое испытывал сейчас и старик Шими. Но все же через несколько минут он с обычным для него спокойствием и чувством собственного достоинства подозвал к себе серпои и заказал популярный танец «Шолохо».

Шими встал, степенно оглаживая на ходу свои пышные усы и бороду, вошел в танцевальный круг и широко раскинул руки в стороны. А когда серпой вывел танцевать с ним молодую и очень миловидную женщину, он, словно забыв о своих годах, заплясал с таким азартом и темпераментом, что многие юноши могли бы ему позавидовать. Люди, бывшие на свадьбе, знавшие и любившие своего чудаковатого, но замечательного земляка — хитроумного Шими, принялись дружно хлопать в ладоши, подзадоривая танцоров.

Перед тем, как покинуть танцевальный круг, Шими тоже засунул руку в карман и легкой танцевальной походкой подошел к музыкантам. Он на минуту остановился перед бубнистом, не спеша вынул из кармана монету в двадцать копеек и торжественно прилепил ее ко лбу музыканта, как это полагалось танцору по старинному обычаю. Заметив на постном лице бубниста выражение досады и откровенного недовольства, Шими тихо наклонился над его ухом, вроде собираясь сказать ему что-то по секрету, но проговорил нарочно громко, чтобы все гости слышали, одновременно тыча пальцем в сторону толстяка-заготовителя:

— Ты, сынок, не обижайся на меня, старика, что я пожертвовал вам не такой «ай шабаш», как тот толстопузый. Но зато у меня деньги, ей-богу, до единой копейки честно заработанные, трудовые...

КОГДА БЕДНЯК ПОКУПАЕТ КУРИЦУ

Когда Шими был бедняком и перебивался, как говорится, с гроша на копейку, он как-то раз купил на базаре живую курицу. Шими и его дети давно не пробовали мяса, а куриного тем более, поэтому он с базара возвращался домой, от радости не чуя ног под собой. Один из знакомых Шими, такой же бедняк-горемыка, как он, увидев его с курицей в руке, спешившего домой, остановил его и спросил:

— Ай, Шими, у тебя, видно, чтоб не сглазить, завелись денежки, коли ты решил полакомиться куриным мясом?

— Нет, не поэтому, — с улыбкой возразил Шими. — Видишь ли, курица очень больная, ее хозяин, боясь, что она вот-вот испустит дух, продал ее мне, не торгуясь, почти задаром.

Спустя несколько месяцев тот же знакомый бедняк встретил Шими, опять возвращающегося с базара с курицей. На этот раз Шими шел очень медленно, еле передвигая ноги, поминутно кряхтя и охая, с низко опущенной головой.

— Ай, Шими, ты опять курицу купил? — с нескрываемой завистью спросил тот и добавил с насмешкой и осуждением: — Видно, куриное мясо пришлось тебе очень по вкусу, коли ты тратишь на него свои последние копейки?

— Нет, не поэтому, — слабым голосом промолвил Шими. — Я сильно заболел, чувствую себя очень плохо, меня еле ноги держат. Чтобы немного подкрепить свои силы, поправиться, доктор велел мне хотя бы несколько дней подряд есть куриный бульон.

Услышав это, знакомый Шими вдруг закатился громким смехом.

— Вот странно, — с сомнением качая головой, недоверчиво воскликнул он. — Прошлый раз ты говорил мне, что купил курицу потому, что она была больная

и досталась тебе задаром, а сейчас утверждаешь: ты сам больной, поэтому купи курицу. Не пойму тебя!..

Шими поднял на него печальные глаза и с упреком промолвил:

— А что тут странного и непонятного? Разве ты не знаешь нашу известную поговорку: «Если бедняк покупает курицу, или курица больна, или бедняк болен»?..

НЕ ВСЯКУЮ ПРАВДУ МОЖНО СКАЗАТЬ ЖЕНЕ

Однажды, когда Шими был бедняком и терпел крайнюю нужду, он, печальный и усталый, сидел у себя дома у тлеющего очага, закутавшись в свою старую шубу, предаваясь невеселым думам. Во дворе лил дождь, через прохудившуюся крышу вода текла в комнату, заливая пол и стены. В углу, ежась от холода, плакали дети, прося есть, а жена то и дело вздыхала: «Денег нет, муки нет, дров нет, как жить, что делать?..»

Погруженный в свои думы, Шими незаметно заснул, и в это время ему приснился чудесный сон: будто, копая лопатой в саду своего хозяина, он вдруг наткнулся на большой старинный кувшин, полный золотых монет. И первое, что он сделал, став богачом, обзавелся второй женой, более молодой и красивой, чем прежняя.

Шими видел себя, как он живет в великолепном дворце, спит на пуховых перинах и в объятиях молодой красавицы, одевается в белые черкески из тонкой шерсти, с золотыми газырями, подпоясывается дорогими кинжалами, а голову его украшает лихо заломленная каракулевая папаха. Когда он ездит в собственном фазтоне по городу, все с почтением и завистью смотрят на него. Сам полицмейстер, человек свирепый и надменный, который не так давно порол его розгами, теперь, шелкая каблуками и звеня шпорами, вытягивается перед ним в струнку, отдает честь; городской голова, важный, чопорный господин, который еще вчера не знал даже о его существовании, сегодня вежливо кланяется ему, а видные дербентские тузы Овроом Дадашев, Сефтер Ахундов, Ханух-ага, на которых он за гроши гнул спину, чтобы не околесть с голоду, принимают его у себя с почетом и лаской, как равного...

И все, что видел и испытывал Шими во сне, наполнило его сердце таким диким восторгом, что он разразился громким продолжительным хохотом, точно его щекотали со всех сторон. Встревоженная жена сразу кинулась к мужу и принялась тормозить его. Шими с трудом открыл глаза и тупо посмотрел вокруг себя.

— Ты, наверно, видел дурной сон? — с беспокойством и сочувствием спросила жена.

Только сейчас, глядя на жену и слушая ее слова, Шими понял: все, что произошло с ним минутой назад, — был лишь сон. Он печально вздохнул, а затем, грустно улыбаясь, сказал:

— Ай, жена, дай бог мне наяву то, что я сейчас видел во сне. То был чудесный сон, поэтому я так радостно и весело смеялся первый раз за всю свою жизнь.

Услышав это, жена пристала к Шими, чтобы он непременно рассказал ей про этот свой «чудесный сон». Она, как и многие суеверные люди, верила в то, что иногда сны сбываются. А может, на их счастье, сбудется сон, который только что видел муж, думала она...

Прямодушный и чистосердечный, Шими привык говорить всегда жене правду, что бы ни случилось. Но про сон свой он не хотел ей рассказывать, боясь расстроить и обидеть ее. Но все же в конце концов, уступив ее настроению, он рассказал все, без утайки.

И ты называешь это «чудесным сном»?! — сердито воскликнула жена, едва Шими закончил свой рассказ. — Стоило тебе на миг стать богачом — и ты сразу показал себя, какой ты есть!.. — И вне себя от ярости она бросилась на мужа и принялась царапать и кусать его. Шими, спасаясь от гнева, вскочил с места и сломя голову выбежал на улицу под проливной дождь. Но вскоре, промокший до нитки и продрогший от холода, он вернулся назад. Не решаясь зайти в дом, Шими прошел в хлев, устроился спать на сырой, провонявшей навозом соломе возле осла и вместо одеяла накрылся его попоной.

Вспомнив, как всего час назад во сне он был богат и знатен, жил во дворце, лежал на пуховых перинах с молодой красавицей-женой, а сейчас, лишившись даже своей убогой постели, вынужден провести ночь в хлеву рядом со скотиной, Шими, тяжело вздыхая, принялся в сердцах ругать себя:

— Так мне и надо, ослу безголовому! Сколько лет живу с женой, а до сих пор не понял, что не всякую правду можно сказать жене. Так мне и надо!..

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОЭЗИЯ

Галина Агаронова

* * *

Луч луны играет в тусклом море.
Пальмы с кипарисами грустят.
И с усмешкой в лицемерном мире
Люди друг о друге говорят.

На задворках дач блуждает лето,
Месяцы удач перелистав.
И дурманит хитростью планета
Все свои запасы исчерпав.

Осени страницы золотые
Время свадеб рог судьбы трубит.
Под святой хупою молодые
Торой рав союз их закрепит.

Как пыльны Израиля тропинки.
Душен ветер средиземных стран.
Прошлых зим далекие снежинки.
Промелькнут, как розовый туман.

И в моей печали сокровенной
Пыль восточная хмельных пустынь
И весна, купаясь в сини пенной,
Отражает лик морских святынь.

ИВУШКА

Ветер прикоснулся легкою прохладой,
Тронул бережливо ивы нежной пряди,
Рассердился тополь, ветру стал преградой,
Пухом сбил перину для своей улады.

Ивушка стояла в тишине печальной,
Отражались косы в омуте хрустальном.
Тополек ревнивый, красотой плененный,
Снегом, как фатою, увенчал ее он.

Очарован тополь милою невестой,
С нежных плеч спадают летние одежды.
Гибкий стан ласкает — суждено быть вместе.
Дорожит он ивой, в ней его надежда.

ПРИЧАЛ

Если б, Господи, дал мне знак,
Осветил мой хлеб и приют,
Дал ответ и направил шаг...
Только ангелы не поют.

И назначенный пробил час.
Волю я поняла твою.
И дух солнца разлился в нас,
Разорвав минувшую тьму.

Как мучительно жжет песок!..
Здесь евреи нашли причал.
Красным оком глядит Восток
На итоги своих начал.

ОСЕННЯЯ СВАДЬБА

Ты не помеха на моем пути —
Все выдержу и все преодолею,
Сосуд любовных чар сожгу в груди,
Поверь, что я тобой переболею.

С три короба цыганка наврала,
Не помогло цыганское мне зелье,
И вот звенят судьбы колокола,
Осенней свадьбы празднует веселье.

Среди чужих и незнакомых лиц
Незваной гостьей на пиру у друга
Кричу я: «Горько», но из-под ресниц
Слеза дрожит и падает на руку.

Я от любви, поверь мне, излечусь.
Ты говорил: «Другим нет в сердце места!»
Листою осени тебя коснусь,
Я нынче гостя, а она невеста.

Ефрем Амирамов

РАЗМЫШЛЕНИЕ В ОДИНОЧЕСТВЕ (Отрывок из поэмы)

1

Я смотрю на себя:
То смешно, то печально, то стыдно...
Я смотрю на себя,
Как на нечто ненужное мне.
Жестко стелет судьба,
Чья-то глупость смеется ехидно...
Я запомню лишь ночь
В этом сожранном времени дне.

2

Я нормальный мужик,
В чем-то до безобразия грешен.
Все соблазны, что есть,
Так легко увлекают меня.
Но сейчас мой язык,
За который я буду повешен,
Даст вам добрую весть
О приходе великого дня.

3

Слушай песню, Земля...
Ты, как все мы, стара и горбата.
Всем когда-то пора,
И с годами убавилась спесь.
Лишь теперь понял я;
Песни все, что сложил я когда-то,
Были пробой пера,
Чтоб сложить эту главную песнь.

4

Каждый сам по себе,
Чтоб ему не советовал ближний,
Постигал сам на сам
Бесполезность творимого им.

Значит только в борьбе
Понимаешь, что все было лишним,
Там, где строился Храм,
Где-то Яма росла перед ним.

5

Кто и что говорит
Нам, приросшим к чужбине упрямо?
Приходите скорей,
Я конкретную песню спою,
Из колена Леви,
Эфраим — я потомок Амрама,
Вечно грешный еврей,
Вечно верящий в святость свою.

6

Если в мире людей,
Самых разных от веры до вида,
Строки странных стихов
Хоть кого-нибудь где-то спасли;
Это мамы моей
Предки, те, кто от рода Давида
Сквозь десятки веков
Кровь его к моим жилам несли.

7

Слишком короток век
Человека. За все всюду драка...
Слыша, грубое — нет,
Лишь глупец проклиная судьбу...
Но любой человек,
Все ж не сожранный пропастью мрака,
Осознав мудрость бед,
Превращает в Молитву мольбу.

8

Но потребностей рой
Заставляет забыть про молитву...
Вновь мы просим подать,
Иль ворует бандитской гурьбой.
Очень трудно порой
Просто выиграть главную битву,
Только надо понять
То, что главная битва — с собой.

Лазарь Амиров

ТРИОЛЕТЫ ЛЮБИМОЙ

1

Я держу на руках голубой небосвод,
Чтобы молнией высечь на нем твое имя.
Чтобы ночью и днем видел мир его зримо —
Я держу на руках голубой небосвод.
Ты не бойся, что тайну узнает народ,
Прочитав твое имя, что выжгу над ним я...
Я держу на руках голубой небосвод,
Чтобы молнией выжечь на нем твое имя.

2

Темной ночи башлык я срываю с плеча
И взамен него бурку зари надеваю.
Так всегда, когда в песнях тебя воспеваю —
Темной ночи башлык я срываю с плеча.
Ты — улыбка моя или, может, печаль?
Что здесь истинно — я, дорогая, не знаю...
Темной ночи башлык я срываю с плеча
И взамен него бурку зари надеваю.

3

Разве дождь виноват, в том, что ты не пришла?
Разве в том виноваты осенние грозы?
Ведь тебя нет в ауле и после морозов.
Разве дождь виноват, в том, что ты не пришла?
Не в слезах от меня ты в долину ушла,
А с улыбкой, что утром бывает у розы...
Разве дождь виноват в том, что ты не пришла?
Разве в том виноваты осенние грозы?

4

Долго-долго я слышу твой голос в горах,
Хоть не вижу тебя над знакомой тропой.
Я стою у подножья ее и порою
Долго-долго я слышу твой голос в горах.

Ты — весна моей жизни, ты — радость и страх,
Ты — величье любви, что от мира не скрою...
Долго-долго я слышу твой голос в горах,
Хоть не вижу тебя над знакомой тропею.

5

Я вхожу в твоё сердце, как в саклю свою,
Чтоб разжечь в нём костер бесконечного счастья.
Не со злобой в душе, не с минутною страстью —
Я вхожу в твоё сердце, как в саклю свою.
Прежде думал, что девушки в нашем краю
Недоступны, как горные выси в ненастье...
Я вхожу в твоё сердце, как в саклю свою,
Чтоб разжечь в нём костер бесконечного счастья.

6

Пусть окно твоей сакли мне светит в пути,
Чтобы стать маяком в моей трудной дороге.
Хоть со злобою тьму ночь бросает под ноги —
Пусть окно твоей сакли мне светит в пути.
Я сейчас вдалеке, но вернусь, и к груди
Притяну я с любовью тебя на пороге...
Пусть окно твоей сакли мне светит в пути,
Чтобы стать маяком в моей трудной дороге.

ДВЕ ЛЮБВИ

Две любви не вмещаются в сердце одним,
Две певчие птицы на ветку одну не садятся.
Мудрость так и гласит, хоть ты будешь смеяться:
Две любви не вмещаются в сердце одним.
Годы жизни пройдут, ты сама же потом
Станешь всюду твердить и уверенно клясться:
Две любви не вмещаются в сердце одним,
Две певчие птицы на ветку одну не садятся.

* * *

В этот тихий звездный вечер мая
Жду тебя одну на берегу.
Жду давно. Придешь ли ты — не знаю
И ручаться в этом не могу.
Но я жду и думаю в тревоге:
«Не могла ль ты просто позабыть,
Что в любви прямы пути-дороги
И кривых дорог не может быть!»

Роман Бадалов

ЖИВУ ОДИН

Два года, две весны и вот два лета
Средь волн житейских и крутых пływу
И без тебя на этом белом свете
Теперь я, мать, совсем один живу.

Два года, две весны и дней начало
Моих печалей и моих тревог.
Судьба как будто жертвою избрала:
Меня давно преследует злой рок.

Два года, две зимы умчались птицей,
Но сердца раны ноют так в ночи.
Твой вечен сон. А мне же, мать не спится.
Помочь не могут даже и врачи.

Что делать, если жизнь скупа на радость —
Потерь мне дарит только короба.
Кого винить, коль от роду досталась
Такая мне печальная судьба.

Два года, две весны и вот два лета
Так быстро пролетели, будто сны.
Но только боль со мною вечно эта:
Святое чувство собственной вины.

ОЖИДАНИЕ

Я живу ожиданием сына,
Малыша появлением живу,
И его — мальчугана-мужчину —
Светлым именем я назову.

И очаг мой наполнится светом,
Лучезарным сияньем огня.
Будет сын хлебобором, поэтом —
Все равно — повтореньем меня.

Этот день я весельем отмечу.
Ну-ка, тосты готовь, тамада,
Чтоб мужскую отметили встречу,
Как когда-то в былые года.

Я не знаю, каким еще будет
Долгожданный мой солнечный сын.
Пусть же скажут когда-нибудь люди:
Этот парень из крепких мужчин.

И когда он появится, милый,
Я шутливо скажу и всерьез,
Что мне сына на радужных крыльях
Добрый аист в подарок принес.

ЭТО ПРАВДА...

Это правда: я верую в Бога,
В Бога совести, в Бога добра.
Озорно и сурово немного
Кто-то скажет: пустая игра.

Не стыжусь, не пугаюсь, не спорю,
От обиды такой не горю —
Тихо радость приемлю и горе,
Восторгаясь встречаю зарю.

На душе и покой, и тревога.
Я даю поклоненья обет
Милосердия и совести Богу,
А другого не знаю и нет.

Я ЗНАЮ ГОД

Я знаю год, когда умру —
Не знаю только дня и часа.
Горю, пылаю на ветру
В пылу пьянящего экстаза.

Лишь днем сегодняшним живу
И жизнью, как с огнем, играюсь.
Смеюсь, влюбляюсь и реву —
Но только Завтра не касаюсь.

Никто мне в этом не судья —
Но может, кто меня осудит:
Отвечу за Сегодня я,
А Завтра уж меня не будет!

*Вячеслав Давыдов***КАВКАЗ**

На высоты, когда я поднялся,
То не мог оторвать своих глаз,
И в груди моей гимн вдруг раздался
В честь тебя, о великий Кавказ!

Моему восхищенному взору
После ряда нелегких годов
Вновь предстали скалистые горы
В белоснежном сиянии льдов.

Полюбил я лесами богатый
Величавый, прохладный Домбай.
Там у неба повисли громады —
Как легенду, запомню тот край.

А над всеми грядями, гребнями
Ты возвысился, гордый Эльбрус.
На кроны твои с облаками
Я когда-нибудь, может, взберусь!

Гордо ты возглавляешь веками
Весь кавказских рядов дикий строй,
Что раскинулся между морями
Неприступной и грозной стеной.

Да, коварны вы, горы, порою,
Гибель в недрах своих предрекли —
Сколько тут смельчаков под собою,
Горы, вы навсегда погребли!

Но когда человек достигает
Недоступных когда-то вершин,
Высший взлет он тогда ощущает
Победившей высоты души.

Я горжусь, что в моих красных жилах
Льется горцев горячая кровь.
О Кавказ! Передать я не в силах
Всю мою к тебе в сердце любовь!

Не бессмертна, увы, жизнь людская —
Как других мы, так сменят и нас...
Лишь стоять будет, вечно блистая,
Многоглавый, могучий Кавказ!

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ

Я подрос и учусь в шестом классе.
Мама тут сообщает мне вдруг:
— Ты еще не бывал на Кавказе?
Есть возможность махнуть нам на юг!

Мы два дня почти едем в дороге —
Вот и станция наша Хачмас.
Нетерпенье смешалось с тревогой:
Ты каким мне предстанешь, Кавказ?

Здесь автобус везет нас недолго.
Я себе представляю в мечтах:
Где-то рядом с горою высокой
Городок весь зеленый в садах.

Но явилась иная картина —
Подходила Куба к Шах-реке.
За еврейской слободкой в долине
Пик Шах-дага белел вдалеке...

В самом центре — наш дом деревянный,
В нем мой дед и родные живут.
Деда помню по юности ранней —
Как читал он в Москве свой Талмуд...

В жизни горских евреев лишь малость
Знал я нравы, обычай, язык.
Только странно все время казалось,
Что знаком мне в Кубе каждый миг.

Сколько было прогулок чудесных
По горам, по лесам, по садам.
От моста мы по лестнице тесной
Поднимались наверх — к небесам.

Горка мне открывалась оттуда,
Где покоились предки мои.
Близость кровную вдруг к этим людям
Ощутил я в душе в эти дни...

Борис Дадашев

О НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖДАХ ДОЖДЕВЫХ

Ноябрь простудился — раскашлялось небо —
Позывы грозы, как заразы злорадство,
Запахло дождем, — поскорей, поскорей бы
Пролилось лекарство на вирус пространства.

Но ветер, пастух у небесной артели,
Гнал тучное стадо к чужим палестинам.
Земля от угроз грозовых пропотела
И небо решило, что хворь отпустила.

* * *

Эскиз? — Скорее так, набросок:
Грусть, сваренная в собственном соку,
И ты, с лимонным соком на подносе,
Который вкусен — до сведенья скул.
Дождями репрессированна осень.
Ноябрь промозглый на тоску не скуп.
Я взрослый, — я давно кривляться бросил,
Но жаль мне Осень, до дрожанья губ...

* * *

Листопад — паломник тротуаров,
К святости асфальтовой припал.
Осени линиялой мемуары
Вышуршит прохожая толпа.

Заметет признанья эти дворник
В кучи, под деревьев неглиже.
И под шум дождливых разговоров
Осень доиграет свой сюжет.

* * *

Вся в заявлениях на развод,
Страна ругается и делится.
Кромсает избранный народ
Вражда — растления поделница.

Колен и так недокомплект,
А мы сугубим пересортицей.
В бен-гурионовском котле
Продукт не варится, но портится.

Из Стран Исхода мы на борт
Взошли, разноплеменноликие,
Менталитетный супнабор
Не сдоблив веточкой оливковой.

Зато лаврушки на венки
У всех в количестве имеется.
И от согласия далеки,
Льем воду на чужую мельницу.

Когда ж осколки обретут
Места в своей родной мозаике?
Когда спугнет вражду галут,
И статус вечного изгнанника?

Когда? — Увы, ответа нет.
Бог терпелив пока что к избранным.
Но за подобный винегрет
Он вправе справить перевыборы.

МОЛЬБА 5760 ГОДА

Планка народа
ниже и ниже
в сумме причин.
Предан и продан
хлопотный имидж
храбрых мужчин.

Фикция мира —
хумус, фалафель —
прочая ложь.
Страх под гарниром
«Тень Голиафа» —
генная дрожь?
Б-же, игрою,
столь нерадивой,
выслаблен щит —
Дай нам героя —
необходим нам
выдох пращи.

Вячеслав Дон (Дадашев)

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Ветер — первый признак печали,
Он деревья гнет и качает.
Дождик долгий — холода вестник,
Он на крышах поет свои песни.
Листья падают с высоких сосен,
К нам приходит золото-осень.

НЕТ КОДЕКСА В ЛЮБВИ

Блажен, кто верует и верит!
Наверное, бесспорен этот факт.
Но если человек чего-нибудь посмеет,
И что-то вдруг он сделает не так,
Как принято в анналах и канонах,
Полюбит вдруг без росчерка пера —
Совсем не так, как принято в законах —
«Нехорошо, не так, ай-ай» — шумит толпа!

ТАМ, НАД ОБЛАКАМИ

Под потолком в каких-то десять тысяч метров,
Над периной белоснежных облаков
Мне твой портрет рисует небо ветром,
А весь мольберт — из солнечных платков.
Как никогда сейчас я к Богу ближе,
Любить друг друга — заповедь его!
Портрет моей любви я в небе вижу,
Который невозможен без него!

ИНОПЛАНЕТЯНКА

Я вспоминаю звездный след,
Когда летела ты ко мне
С далеких звезд и тех планет,
Что неизвестны на Земле.

Я вспоминаю детский сон,
Когда тебя я долго ждал.
Я вспоминаю чудный сон,
Когда тебя я провожал.

Приди ко мне, вернись ко мне.
А что случилось с тобой —
Так неужели на Земле
Ушла от нас любовь... любовь?

* * *

Любовь свою позвал я,
Простила все она.
И сразу снег растаял,
И к нам пришла весна.
Забилось сердце чаще —
Оно любить начнет.
И все вдруг стало краше —
Меня любовь зовет.

* * *

Упали две звезды
Любовь погасла.
И не заметил ты
Горящей массы.
А люди говорят,
Что жизнь уходит,
И с гибелью звезды
К нам смерть приходит.

ЛЮБОВЬ — БОЛЕЗНЬ

В любви не стоит много клясться,
В любви глазами говорят.
Невольный взгляд, где много страсти,
Подобный молнии разряд.

— Любовь? — сказала моя Катя, —
Здоровью в общем-то вредит.
«Когда ж болеть?» — хотел бы знать я,
И что от этого болит?

Душа - планета мироздания.
Наверно, в ней любви секрет.
Амурных болей ожиданья,
Где от любви лекарства нет.

И где мне быть — скажи на милость,
К планете той уже лечу.
Ты мне во сне моем приснилась,
Я от любви болеть хочу!

Валерий Нисимов

ГОРЯЧАЯ ТОЧКА

Над синим небом высится дымок,
Вновь выстрелы терзают мою душу.
Пришлось мне делать то, чего не мог,
Я хоронил друзей и вражьи туши.
Хоть убивать так не хотелось мне,
Но что поделать, Родина дороже.
Пылающая в яростном огне
Заставила взглянуть на жизнь поостроже.

Идет война не первая по счету,
Борюсь за жизнь, работает инстинкт.
По праву называют нас «пехота»
И учат смело выходить на ринг.

* * *

Мы ищем таланты...
Спешите, спешите.
У вас есть возможность,
Себя покажите.
На что вы способны
Евреи с Кавказа,
Что пишут поэмы, стихи и рассказы.

Что с музыкой ладят
И с песнею дружат,
Что Лире с Сатирою
Преданно служат.
Что помнят и чтут
Свой язык изначальный
Он предками нашими дан не случайно.

Мы ждем вас, мы знаем, что каждый способен,
Не только болтать и рассказывать
сказки,
А также возвысить культуру народную.
И взять, да открыть
наш театр
кавказский!

Борис Ханукаев

КОЧЕВНИКИ

Эта боль, эта боль —
Слишком долгая роль —
Мне вернуться к себе не дает.
Неожиданный ритм
Теребит, говорит:
— Заждались и твой дом и народ.

И, упрямо звеня,
Мысль пронзает меня:
— Как же быть, о цыганка моя?!
Было нам хорошо.
Ухожу я душой
В иудейских объятий края.

Сколько ж я кочевал
И с тобой ночевал?!
Нам Европа была словно стог.
Но теперь не могу —
Дом мой на берегу,
Где рождается новый Восток.

Видишь, сердцем гоним
В свет — Иерусалим,
И к себе возвращаюсь я сам.
Как прибуду домой,
Крикну дому: «Я — твой!»
И святым поклонюсь небесам.

ЕВРЕЙСКИЙ МОТИВ

Что в прошлое ушло, то не забыто.
Но что ушло теперь не так остро.
Воспрянув не из пепла, а из быта,
Я вновь в мажор макнул свое перо.
Мне нравится, что время счет свой знает
И, птицей залетев однажды в дом,
Одним крылом нам слезы утирает
И радости уносит на другом.

ОТРЫВОК

*Ольге Рогачевой
землячке из Баку*

Мне снится ее разноцветная шаль
Как символ родного Востока,
Как быль и легенда, как Торы машаль,
Где мудрость в узорах намека.

Ах, Ольга! Она сочетает в себе
Слияние разных нюансов.
Видать, в ее сложной и яркой судьбе
Был рока мотив и романсов.

В ней русская статья и еврейский задор
И тайна цыганская манят.
Слияние такое, как будто кагор
И пиво вот-вот ошампанят.

Наверно, напиток такой ощутив,
Рождало сознание Блока
У стойки нестойкий, но вечный мотив,
Знакомый нам как «Незнакомка»...

ОТ ЭЛИЭЗЕРА БЕН-ИЕГУДЫ

1. Музыкальная планета

Как Мендельсон открыл планету Баха,
Что церковь заточила в двух столетях,
Так же иврит — мелодию ТАНАХа —
Я воскресил, чтоб жил он в наших детях.

2. Слово о языке

Божественно звучит певучий мой иврит.
И не поддавшись интересам узким,
Не спорит он с английским или русским:
На нем Всевышний с миром говорит.

ИЗ-ЗА ГРАФЫ НОМЕР 5

— Еврей ли я? — спросил чиновник строго.

Ответил я: «Еврей, и уважаю Б-га».

Еще один вопрос задал он, строя глазки.

Последовал ответ мой: «Я — кавказский!»

Фрида Юсуфова

ОСЕНЬ НА ПОРОГЕ

Лето на исходе, осень на пороге,
Листья отливают яркой желтизной.
Предо мною степь, предо мной дороги,
Через лето, зиму и январь седой.

Гулкий гром прорвался, молния блеснула,
Озарил окрестности солнца яркий луч.
Над землею туча веер развернула
Из колючих, теплых и упругих струй.

Наберется почва вдоволь хмельной браги,
И уйдет под зиму, набирая сил.
А весной проснется. И со всей отвагой
В рост пойдет пшеница, чтоб заколосить.

ПОСЛЕДНЯЯ ГРОЗА

Последняя гроза и перекаты грома.
Повадился к нам в сад кочевник-дождь.
И стайки птиц кружат над крышей дома
И склевывают дождевую гроздь.

Ушло тепло и осень близко-близко,
И бродят, как вино, в горах дожди.
И давят тучи цвета тамариска
На сердце, полоненное в груди.

Цепляет ветки, словно арфы струны,
Стучит по черепице. И гроза
Вступает в царства горные, как гунны,
Как армии халифа и хазар.

ВЕСНА ПРИШЛА

Легким дуновением ветерка
Приоткрыта Библия окна.
Ты пришла небесная весна,
Светлой песней клейкого листка.

Подойду к открытому окну,
Прочитаю вечные слова.
Воздуха свободного глотну,
Сладостного, словно пахлава.

Мудрые заветы вспомню я.
Не грустить, смятение тая,
И в беде, и в плаче у Стены
Жить в предощущении весны.

* * *

Кто это, кто это в тихом раю,
Там, где качели и пруд,
Капли на голову сыплет мою.
Зеленые, как изумруд.

Нет ничего над моей головой,
Кроме белесых ветвей
Может быть, плачет в печали немой
В этих ветвях соловей.

Может быть, дождик прошедший, косой
Здесь потерял свою нить.
Может, меня предвечерней росой
Кто-то благословит?

Как оказалась ты в этом саду,
Ивы плакучей сестра?
В вечном своем изумрудном аду
Ты ли дрожишь до утра?

Данные Музой моею и мне,
Тихие слезы горят,
В свете закатном, в вечернем огне,
Красные, словно гранат.

Алексей Якубов

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Я был добрее и честнее тех,
Которые меня судили строго.
Но если слабость к женщинам не грех,
То, значит, рай мне уготован Богом.

* * *

К поэтам жизнь не милосердна,
Стихи дохода не дают,
Но я работаю усердно,
Надеясь на кого-нибудь.

* * *

У меня намеренья благие,
Осчастливить целый мир готов.
Для начала, люди дорогие,
Я дарю стихи вам и любовь.

* * *

Порой стихи рождаются во сне.
Пишу для рифмы слово я «раб»;
Два слова, друг мой, ненавистны мне:
Одно — насилие, а другое — раб.

* * *

Он водку пил за упокой,
За здоровье литрами глушил.
И вскоре молча пил другой
За упокой его души.

* * *

Люди к богатству стремились всегда,
Не стал ты богатым — и то не беда.
Знай, и богатых, друг, что-то тревожит —
За жирной коровой охотится ножик.

* * *

Мы говорим, что нас не любят гои,
И проклинаем антисемитизм.
Я думаю, страшнее здесь другое:
Когда еврей еврею травит жизнь.

* * *

На мышей облава,
Кот напал на след.
Что коту забава,
То для мышки смерть.

* * *

Пускай никто не забывает,
Что лучше равномерно жить,
Один от щедрости страдает,
Другой от жадности горит.

* * *

От тусовок шумных я устал,
Промотал в них молодость когда-то,
Избегать людей теперь я стал,
Будто в этом люди виноваты.

* * *

Нож в руках у хулигана,
Это кровь, болезнь и рана,
А когда он у хирурга,
Нож спасает от недуга.

* * *

Настанет день, мы все уйдем туда,
Откуда, друг, возврата больше нет.
Хотел бы я в неведомый тот свет
Прийти таким, каким я шел сюда.

ВОСЬМИСТИШИЯ

Создал ты ребенка, растил ты его.
Окреп он, женился, исполнил свой долг.
Теперь он ребенка растит своего —
Какой тебе, друг мой, от этого толк?
Вначале от ласки балдею с женой —
Как принято, род продлеваю людской.
Затем в наказание за те наслажденья
Я в дом престарелых иду на покой.

* * *

Как-то раз знакомый босс
Из нагорного села
Мне задал такой вопрос —
Как в Израиле дела?
Я ответил, что по слухам
Рай земной, но не для всех:
Мужики упали духом,
Бабы захватили верх.

ПРОЗА

Михаил Дадашев

ЧЕМОДАН

Мудрость приходит с годами, она — опыт прошлого: пройденного, прочувственного и передуманного. У молодости, как и у всякого начала, всего этого еще нет, поэтому она спешит, торопится изведать неизведанное, пройти намеченное, ей незачем оглядываться, у нее там, позади, ничего нет. А у старости, наоборот, все или почти все позади, есть над чем подумать, поразмыслить, сделать выводы из опыта прошлого, ибо дорога подошла к концу, даже не столько дорога, а время — каждому, как говорится, отведен свой век.

Молодость и старость — родник жизни, как одно целое, как продолжение начала, и если бы старость не имела надежды на идущую ей вслед молодость, а последняя безумно отвергала бы опыт и мудрость старости, иссяк бы родник жизни, мир потерял бы стремление к действию.

Мудрость — еще и умение отобрать главное из всего многообразия мироощущений, найти ту грань алмаза, которая особенно ярко отражает свет: это — редкое сито, которое, просеивая, не потеряет в шелухе ни одно полезное зерно. И если это умение приходит к человеку не в конце пути, а где-то хотя бы в середине его, то родник преображается, пульс его становится наполненным и стремительным, как у бегуна, когда он преодолевает критическую точку и путь к победе кажется ему легко преодолимым.

Мой сосед, седеющий толстяк, учитель астрономии, говорил обо всем этом с сожалением и грустью, как человек, который в суете жизни упустил что-то очень важное, словно золотых дел мастер среди лома не увидел и не оценил металл драгоценный...

— Представь себе, мой друг, — рассказывал он откровенно, — при жизни мы как-то не замечали в отце ничего особенного: отец как отец, заботливый — да, трудолюбивый — да, малость вспыльчивый, когда дело касалось подлости — тоже да, и как будто все... А он еще много лет назад преподнес нам такой урок, глубину мудрости которого мы постигли лишь сегодня.

Он вдруг оживился, в глазах его появился радостный блеск, словно он — астроном, разгадавший, наконец, тайну далекой звезды.

— Однажды в воскресенье меня разбудил крик недовольства матери, — продолжал он, таинственно улыбаясь, — которая сердито выговаривала отцу: «Ты что, слепой? Ну как ты мог купить этот чемодан... он же весь изодранный, совершенно ненужная вещь... за него не только платить, этот хлам и домой принести равносильно позору... Деньги выбросил на ветер... Нет, ты окончательно белены объелся...» Когда, умывшись и одевшись, я зашел в сарай и увидел покупку отца, я ахнул от изумления, потому что это был не чемодан и даже не подобие чемодана, а так, обклеенный дерматиновыми лоскутами ящик.

Отец был кровельщиком, хлеб добывался нелегко, и такая «покупка» отца была нами воспринята как одна из его причуд. На очередные упреки матери он махнул рукой и вконец выведенный из себя произнес: «Знаешь что, это не твоего ума дело...»

Шло время, и страсти вокруг чемодана сменились шутками. Теперь уже история эта подавалась нами в компании родственников и друзей для потехи, как десерт после вкусного обеда. Отец не сердился, а лишь еще больше шурился, глядя на рассказчика, как дегустатор на очередной бокал...

Вскоре об этом курьезном происшествии забыли. Однако я его забыть не смог. Не укладывалось в моем сознании, что отец — человек труда, в поте лица добывавший свой кусок хлеба, мог так легко выбросить деньги. Я верил, что за «причиной» кроется какая-то тайна, щепетильный случай, о котором отец вспоминать не хотел. И я не ошибся...

Сосед мой потянулся за пачкой сигарет на столе, с волнением достал одну, помял ее в пальцах, прикурил и глубоко затянулся.

— Да, я не ошибся, — повторил он уверенно. — Послушай дальше, тебе будет интересно... Но прежде о другом... Я много думал вот о чем... В царской России самыми высокооплачиваемыми были знаешь какие профессии? Врача, учителя и юриста... А у нас, у нас их труд самый дешевый. И что имеем в результате? Во врачевании мы потеряли главное — милосердие, в воспитании и обучении — нравственное начало, в юриспруденции — справедливость. Без этих трех китов человеческое общество жить не может, оно «болеет», наше общество... Так вот, в суматохе, в этой «бесконечной битве» мы потеряли еще одно ценное качество нашего старшего поколения — благородство. Сегодня это редкость, дефицит. скажу прямо — роскошь; найти благородного человека — то же самое, что отыскать звезду в закрытом тучами небе... А говорю я об этом вот почему. Однажды мы остались с отцом наедине, и я напомнил ему о том злополучном чемодане... О-о, что было, что было... Он поведал мне историю, которая привела меня в такую растерянность, что я по сей день стыжусь и покрываюсь краской от воспоминания о ней... Отец, как правило, поднимался на рассвете и уже к 4 часам утра шел в чайхану. Там, как тебе известно, подают не только ароматный чай, но и все последние новости, даже те, о которых не знают еще ни милиция, ни спящие горожане. И вот на пути к чайхане он встретил на улице своего фронтового друга, о котором было известно, что он вот уже шестой месяц болеет и редко покидает постель. Расспросив того о житье-бытье, он узнал, что больной находится в крайней нужде, что семье его прямо худо и за неимением более стоящей вещи он несет на базар этот чемодан, авось хотя бы за пару рублей кто-то купит.

«Вот так, взять и дать ему денег я не решился, — рассказывал отец, — этим я его мог унижить, а я не хотел ему причинять еще и душевную боль... Вот я и решил с ним поторговаться... Я стал его убеждать, что он ошибается, что чемодан его стоит гораздо дороже, стал говорить о его достоинствах: о ручке, пряжках, замках и прочем, что отдавать его за 2 рубля — это расточительство, и предложил ему 15 рублей...»

Он отдал своему другу 15 рублей — с великим трудом заработанные деньги, отдал, чтобы не унижив, не оскорбив, поддержать его в трудную минуту, а чемодан... чемодан принес домой и выбросил в сарай...

Вот и вся история, мой друг. Я же в раздумье с тех пор: мы, новое поколение, идущее вслед за отцами нашими, не растеряли ли в пути то, что так бережно несли они?

ПЛАТОЧЕК

Несчастье обрушилось на ее семью не вдруг, как пожар или тайфун, и даже не как лавина с гор, хотя с лавиной как раз и следовало бы сравнить, ибо и она исподволь накапливается, набирает силы, чтобы обрушиться потом в какой-то миг.

Именно так и произошло в семье этой молодой женщины с тремя малолетними детьми после того, как запил муж. Ушел в запой, и надолго. А началось все с семейных вечеринок с друзьями, потом с кружечки пива на улице, ну а дальше все пошло как по маслу: остограммивался по случаю и без случая, окилограммивался с каждой получки и зарплаты.

Беда была и в том, что спокойный и немногословный в трезвом состоянии, в пьяном разгуле он становился разъяренным, как разбушевавшийся Каспий, и «кля-то» ругался с женой, доводя свои выражения до самой, как говорится, «высшей мате-ма-ти-ки».

И в результате нормальная в прошлом семья распалась на глазах, и от прежней любви, что принесла им три живых плода, теперь не осталось и следа.

Не выдержала женщина этой обрушившейся на нее беды, не смирилось ее сознание, что яркое счастье, которое еще вчера освещало жизнь ее семьи, вдруг стало гаснуть и исчезать, как догорающая восковая свеча. Воспротивилась вся ее жизненная сила, восстав против пьянок и матерщины мужа. Она возмущалась, старалась вразумить его, объяснить, что семья не выдержит такого несчастья, распадется, как разбитый кувшин. Но когда, несмотря на все это, муж все же продолжал пить и сквернословить, она взрывалась, посылая на его голову все проклятья, что могут родиться в голове возмущенной женщины.

В порыве гнева и негодования она порой переходила в такую словесную атаку, от чего муж, в свою очередь, в пьяном угаре еще больше закипал и переходил от слов к избиению.

Наконец женщина пришла к выводу, что так дальше продолжаться не может, что совместная жизнь с мужем дошла до той самой критической точки, за которой обрыв, пропасть, бездна, что эта семейная связка тянет к гибели не только ее, но и подвергает опасности жизнь ее детей, что эту связку надо немедленно оборвать...

— Нет, мама, я больше не могу! — в слезах говорила она матери, к которой пришла вместе с детьми в гости. — Кажется, наступил предел моему терпению... Каждый день пьяный... не просыхает, а матерщинит... уши вянут, теперь еще и бить стал...

Она говорила и плакала — горько, навзрыд, обессиленная навалившейся на нее бедой. Еще недавно казавшаяся вечно молодой, она вдруг как-то состарилась, опустились плечи, склонилась к земле некогда гордая, красивая голова, в волосах чуть заметно стала пробиваться горькая проседь, в уголках рта пролегли глубокие борозды.

Зная ее вспыльчивый характер, мать все же старалась успокоить дочь, просила не доводить, как говорится, воду до кипения. Однако в следующую минуту дочь резко достала из сумки платочек, вытерла слезы и, как человек, принявший твердое решение, заявила:

— Нет, мама, я с ним больше жить не буду! Хватит!..

— Да что ты, дочка! — старалась урезонить ее убитая горем старая мать. — Как же дети без отца? Да и ты без мужа... Не торопись дочка. Отрубишь веревку, потом как бы ни старалась, все же узел на ней не спрятать...

Но когда заметила, что решение дочери непреклонно, задумалась старая женщина и неожиданно сказала:

— Ты помнишь, дочка, старика Худодота, соседа нашего?

— Да, помню, — непонимающе ответила дочь.

— Схожу я к нему, посоветуюсь... Человек он мудрый, не одному помог в жизни. Потерпи день-два. Ломать — не строить, дочка, а может, еще и не поздно что-то исправить.

Старый Худодот встретил соседку у себя во дворе очень приветливо, расспросил о житье-бытье, о дочерях и внуках, что дало повод обеспокоенной за судьбу дочери старой матери, не откладывая разговор в долгий ящик, сразу взять быка за рога.

Вот это и привело меня к тебе, дорогой Худодот, — сказала она, усевшись на услужливо предложенный ей стул. — Беда у нее, а что делать, как ей помочь — не знаю...

Внимательно выслушал Худодот рассказ старухи, поглаживая свою ухоженную седую бороду. На нем был бешмет из серого сатина, легкие брюки из темного ситца, а голову украшала бухарская папаха, которую он, сняв, положил рядом с собой на стол...

Когда старуха, расстроенная исповедью, закончила ее, Худодот угостил ее чаем и сказал:

Скажи дочери, пусть она сегодня придет ко мне. Попробую ей помочь.

Одаренная добрым словом, старуха стала его без конца благодарить, поминутно улыбаясь от радости.

В тот же день Худодот принял и ее дочь. Подробно расспросил, выслушал ответы, потом встал, хитро улыбнулся, и как полководец, задумавший тайный тактический ход, смело направился к своей комнате.

Молодая женщина сперва опешила от вопросов Худодота, в какой-то миг она внутренним чутьем, только им, женщинам, понятным, уловила в глазах старика даже осуждение в свой адрес, однако вопросы мудреца были настолько разнообразными, затрагивали такое обилие жизненных ситуаций, что она так и не сумела понять и найти между ними логической связи.

— Скажи, дочка, — спросил старик, — твой муж раньше выпивал?

— Нет, — ответила она, — пьет чуть больше двух лет.

— А когда он пьяный возвращается домой и ругается с тобой, — снова спросил Худодот, — что ты делаешь?

— Я? — переспросила она. — Что я делаю? Я говорила ему, что это вред, что так можно спиться, что это к добру не приведет. Я и молчанием, и криком старалась разбудить его разум, да куда там...

Вот после этого ответа и встал Худодот со своего места и шагом уверенного в своих действиях человека направился зачем-то в свою комнату.

Вернулся он, держа в руках завернутый в целлофан женский носовой платок, который протянул женщине.

— Вот, дочка, это тебе и, если хочешь помочь себе, выполни одно условие...

— Я все сделаю, как вы велите, — в недоумении ответила она, — только я ничего не пойму...

— Все поймешь потом, — твердо сказал старик, — а условие такое: когда твой муж придет пьяный домой и начнет сквернословить в твой адрес, ты возьми этот платочек в рот и зажми его зубами.

— Как?.. — не поняла женщина.

А так! — И показал старик, как это следовало сделать. — И до тех пор, пока он не успокоится, зубов не разжимай. Иначе я тебе не помощник. На, возьми этот платок и помни о нашем уговоре.

Женщина с надеждой взяла платочек и направилась домой.

Как и следовало ожидать, муж и в этот вечер вернулся домой, мягко сказать, навеселе и уже с порога, заметив жену с ребенком на руках, заплетающимся языком запел знакомую песню:

— А-а, мо-я до-ро-га-я стер-вуш-ка, ждешь когда я по-дох-ну?

Женщина молниеносно выхватила спрятанный на груди платочек и зажала его в зубах. Муж тупо, выпученными от выпитого, невидящими глазами глянул на это непривычное действие жены, криво ухмыльнулся, пальцем покрутил у виска, мол, никак жена свихнулась, и, повернувшись к ней спиной, пошатываясь пошел к дивану, продолжая при этом матерщинить, переходя от мажорных тонов к минорным, доходя порой до фальцета.

На второй день пьяный муж был слегка шокирован, ибо и на этот раз он полностью не осознал происшедшей в жене перемены, когда увидел, как жена после первых же его вульгарностей зажала в зубах платок, со страхом ожидая его дальнейших действий. Он остановился рядом с ней, качаясь, почти невидящими глазами уставился ей в лицо, ухмыльнулся и нечленораздельно произнес:

— Ин-тер-рес-но...

После этого он еще дважды делал шаг вперед, потом поварачивался в сторону жены и произносил тупо и тоскливо:

— Ин-тер-рес-но...

После этого он еще дважды делал шаг вперед, потом поворачивался в сторону жены и произносил тупо и тоскливо:

— Ин-тер-рес-но...

Но действий не последовало.

По утрам, заметив внимание жены: вычищенные и выглаженные брюки и рубашку, готовый завтрак на столе, он как-то виновато опускал голову, завтракал и будто пристыженный устремлялся на работу с твердым намерением не пить и разгадать это невероятное и непонятное действие жены с платком.

Но как ни ухитрялся он улизнуть от назойливых друзей, пару кружек пива он все же выпивал и возвращался домой навеселе, хотя назойливая мысль о действиях жены сбивала его с «кайфического» настроения и переносила к раздумьям.

Однако и на этот раз, заметив накрытый к ужину стол, убранную чистую квартиру, в его больном мозгу вдруг шевельнулась дикая мысль: вспыхнуло подозрение к жене, что, мол, не зря все это, что-то подлое задумала эта змея, которая поедом ест его в последнее время, и он с криком выплеснул на нее целый ушат такой матерщины и сквернословия, что только уши затыкай да беги из дома.

Но женщина... Ах, женщины, где вы берете столько мужества?! Женщина снова схватила платочек и так крепко зажала его в зубах, что невольно полились из глаз ее горькие слезы.

— Ты чего? — слетело у него с языка, будто просветлело вдруг в его затуманенном мозгу. — Что с тобой? — недоумевая, спрашивал он молчавшую женщину, и лишь слезящиеся испуганные глаза ее смотрели с укором и затаенной болью.

Что тогда произошло с ним, какое счастливое событие высветилось в его памяти, что вспомнил, чего устыдился — никому не ведомо, но что-то в нем надломилось, его всколыхнуло и словно взрывной волной выбросило на чистый берег, мгновенно протрезвел его лихорадочно боровшийся мозг... С этого дня он перестал пить, стал избегать дружеских пирушек, «пьяных» лавок на улицах, веселых встреч у пивных... Потекла нормальная семейная жизнь, в дом вернулось счастье...

— Вот видишь, дочка, как порой не надо спешить, — радовалась старая мать, слушая рассказ счастливой дочери. — Надо бы отблагодарить мудрого Худодота, надо же — одним платочком.

На следующий день старая женщина достала из своего сундука незамысловатый подарок, купила сладостей для внуков Худодота и направилась к мудрому старику в гости.

Выслушав старуху, Худодот был крайне обрадован таким исходом, угостил гостью чаем, однако последний вопрос старухи вконец развеял старика.

— Ты знаешь, Худодот, я всегда восхищалась твоей мудростью, умением найти выход из самого трудного положения, — возвращая платочек, говорила она воодушевленно, — но одно не могу взять в толк: что означает этот платочек, который зажимала в зубах моя дочь? — И, заметив веселые искорки в глазах Худодота, старуха просительно добавила: — Ты извини меня, старую, но никак не могу взять в толк...

Старик, подавив улыбку, убежденно ответил:

— Нет, соседка, не платочек она зажимала в зубах, а чуть было не потерянную свою... выдержку.

Борис Ханукаев

ПОВЕСТЬ О ПЕРЕЕЗДАХ

Ю.Э.

Феодал, Гаврош и Муха

Среди еврейских районов Дербента самый главный — Келе куче*. Во-первых, здесь находится синагога, во-вторых, он в центре города. В числе обитателей Келе куче немало необыкновенных людей. Один из них Давид Дербентский.

Недалеко от его дома часто собирается толпа подростков. Они балдеют, слушая пожилого человека по имени Истахар. Он интересен своеобразным юмором. Но не только: его черные с сединой волосы скручены в плотные колечки, как у негров, а на правой щеке косой шрам, начинающийся у орлиного носа.

Очередная история Истахара — о чудесах на рыбалке.

— И тогда, — двигает руками рассказчик, — я вытянул сома вот с такими усами и головой, как у Давида.

Раздается громкий хохот толпы. Поддавая жару в огонь, Истахар добавляет:

— А недавно, прямо у синагоги, поймали осла с ушами, как у Давида. Клянусь его головой, все, что вы слышали — истинная правда.

Новый взрыв хохота распаляет обстановку. Подросток в цветной шелковой рубашке, давясь от смеха, сваливается с лавки к кромке тротуара. Его поднимает белокурый юнец, отличающийся от всех цветом волос и серьезным видом. Через несколько минут он со своим приятелем отдалается от толпы.

Хозяин шелковой рубашки недовольно бурчит:

— Запadlo мне те-ерь перед пацанами? Все ржут, а ты ни в зуб ногой.

Блондин злится:

— Ты, Муха, сам виноват: не сказал мне, кто такой Давид? И не знаю я, почему все над ним смеются.

— Хе, Гаврош, правда твоя. Привел т-я на Истахара, а насчет Давида не шепнул. Лады, введу ребятам в понятки, че ты в нашей хате новичок. А Давид-то, падло, феодал. Вон тама он живет, в особняке. Ви-ишь тама? А з-аешь, как деньгу сде-ал? Истахар нам разложил. После войнухи люди в колхозах пахали, а хавать неч-во. Так э-от гад приносил на обед много хлеба и в долг на трудодни давал.

— Как это?

— А вот так, братуха! Имею целую булку. Половину сам хаваю, половину тебе в долг сую. По-ял? Так подлюга и деньгу тогда сде-ал. А шас? Твой пахан на железке, мой шеф на заводе без разгибу, а э-от козел деньгу сымает. Летом-осенью фрукты-овощи толкает с дачи с-оей, зимой-весной мацу де — ает и нашим предкам заго-яет...

* Келе куче — Большая улица (джуури — яз.горских евреев)

С балкона раздается зычный голос:

— Мухойль, почему ты еще на улице?

Муха говорит, показывая головой на своего отца:

— Мой шеф как завуч в шко-е.

Новый сосед понимающе кивает, подает руку на прощание, думает о своем.

Завтра он пойдет в ту же школу, где учится Муха. И начнется новая жизнь, совсем не похожая на прошлую. Зачем они только переехали? Папа решил, и все. Если бы только Гаврош мог возразить, не замедлил бы сделать это, ведь столько прекрасных лет он провел на улице Набережной! Среди пацанов был признан лучшим в драке. Рыбачил с отцом и братом. Их дом стоял метрах в трехстах от моря. Там, на берегу, он встретил свою любовь — зеленоглазую Наташу Лыченко. Ранним утром, когда готовился к экзаменам за восьмилетку. Перед тем как засесть за материал, решил искупаться. Вода была такой чисто-зеленой, такой прозрачной, что легко просматривалось дно. Когда вернулся на берег, возле своих тетрадок увидел обалденную девчонку. Выяснилось, что она тоже пришла заниматься. Увидела чьи-то конспекты и обрадовалась: где-то рядом родственная душа. А Гаврош моментально отметил стройное тело и глаза: того же цвета, что и утреннее море. Такими они были до прощальной встречи, когда она уезжала жить в Германию: папа-военный получил новое назначение. А в тот вечер слезы перекрыли зеленый свет, и глаза потемнели. Опухшие от плача губы шептали, что она обязательно напишет ему, как только будет известен ее новый адрес. Дни и месяцы сменяли друг друга, но письма все не было и не было.

Морские евреи

Новичка посадили за одну парту с черноволосой девчонкой, постриженной под Мирей Матье. Гаврош прекрасно знал, как выглядит известная француженка, ведь его мама была страстной поклонницей певицы. Имела десятки ее фотографий, а одну поместила в дорогую рамку. Когда они переезжали, мама страшно беспокоилась за обожаемый портрет...

После уроков, когда Гаврош направлялся домой, соседка по парте догнала его.

— Слушай, Акиваев, — сказала она, — по фамилии ты горский еврей, а по внешности русский.

— Я не русский, — неохотно пробурчал он.

— Значит, горский еврей?

— И вовсе не горский, а морской.

— А таких нет! — рассмеялась она.

— Знаю, но родился я и вырос я у моря. И вообще, зачем нужно определение? Еврей он и есть еврей.

— Интересная мысль, — сказала одноклассница. В ее черных глазах блеснул огонек, и она воскликнула: — А я ведь того же племени! И фамилия моя Вассерман. А знаешь, что оно означает? Водяной человек. Водяной, морской это почти одно и то же. Значит, я так же, как ты, морская еврейка. Ха-ха-ха, мы первые морские евреи! Гаврил Акиваев и Жанна Вассерман — первые морские евреи!

Гаврош не разделял ее восторгов. Изумрудные глаза Наташи стояли перед ним как напоминание о долге и верности. Он решил отвязаться от надоедливой собеседницы.

— Слушай, ты куда идешь? — задал он первый стратегический вопрос.

— Домой, — ответила она. — Акиваев, а где ты живешь?

Гаврош показал. Одноклассница расцвела:

— Да это же совсем недалеко от меня! А я живу там, напротив Давида.

— Значит, в одном доме с Истахаром? — неожиданно для себя спросил потевший стратегическую линию.

— А -а, ты уже познакомился с ним?

— Да, все насчет Давида шутит. Слушай, а зачем ему это надо?

— Просто так, он веселый человек. Да ты сам, если Давида увидишь, со смеху помрешь. Голова большая, а тело маленькое — настоящий инопланетянин. Смотри, смотри, — хохотнула Жанна, — вот его особняк. Правда ведь смешной? На Давида и похож. Два этажа — башка и тело, а два подвала — куцые ноги.

Гаврош заметил, что ступеньки, ведущие вглубь — к подземным помещениям, начинаются на тротуаре. На металлических дверях толстые замки.

— Феодал, — вспомнил он выражение Мухи.

— Хочешь, пойдем ко мне, своими пирогами угошу, видик посмотрим. Не стесняйся, мамка моя на работе.

Гаврош отказался, протестуя всеми фибрами души. Он давно заметил, что Мирей Матье с ее журчащими песнями и давящей шапкой черных волос раздражает его. А вот облик Наташи совпадал с прекрасной Констанцией из «Трех мушкетеров».

Напоследок Жанна спросила:

— Все же, как получилось, что горский еврей такой блондин?

— Ничего удивительного, мама моя блондинка и все в ее роду белокурые.

Единоборство

Муха привел соседа поиграть в футбол, но в свою команду не взял. Матч проходил на тротуаре. Из-за этого возникали заминки: то приходилось пропускать через «поле» группы нетерпеливых пешеходов, то мяч застревал в густых зеленых кустах, стоящих плотной стеной в газонах; случалось и такое, что после сильного удара он вылетал на мостовую или противоположную сторону улицы. После первого тайма команда Мухи имела в запасе несколько голов. «Асы» начали форсировать, лениво передавая друг другу мяч или выбивая его, куда попало: пусть слабаки беспокоятся о времени, приближающем конец матча.

Гаврош в единоборстве встретился с Мухой. Тот обвел его и намеренно выбил мяч за ограду кустов. Новичок зло посмотрел на старожилу. Муха ухмыльнулся противнику в лицо:

— Шуруй за мячом, а то времени мало оста-сь.

Гаврош схватил Муху за ворот шелковой рубахи и прошипел:

— Ш-шуровал бы я, но очередь твоя.

Удивляясь рискованному поступку блондина, футболисты собрались в кучу. Намечалась драка один на один. Но Муха спасовал. Наверное, потому, что «его

шеф» вчера сидел за шашлыками у новых соседей и по-настоящему их зауважал. Отец Гавроша, бывший моряк, а сейчас железнодорожник, сразу понравился жильцам. Приготовленные им шашлыки его жена разносила всем соседям по площадке. Нет, скорее всего, Муха сдрейфил оттого, что сестренка Гавроша, красавица Рут, могла счесть его за врага, а тогда... В общем, как говорится, густая краска залила его лицо.

— 3-аешь, я пошутил. Я ж давно по-ял, че ты крепкий орешек.

— Так бы и сказал! — выпалил его соперник.

— Вот теперь, ребята, — Гаврош обратился к своей команде, — я побегу за мячом.

Выскочив на мостовую, он поискал глазами мяч, но не нашел. Побежал на противоположную сторону улицы. У особняка Давида на каменной лавке сидела полная старуха в синей узорчатой косынке.

— В подвал закатился, — сказала она на джуури и показала рукой.

Подросток двинулся в указанном направлении, опустился на одну ступеньку, другую, наступил на мяч и полетел вниз. Через несколько секунд он упал на чьи-то руки. Тот, кто поймал Гавроша, не удержался на ногах. Стукнувшись головой о замок, висевший на распахнутой двери, рухнул на сырой земляной пол. Освободившись от плотного объятия, Гаврош посмотрел спасителю в лицо. На нем появилась и сразу пропала улыбка. Тонкая струйка крови сбежала по краю раскрытого рта мужчины. Он перестал дышать. Странное чувство посетило Гавроша: ему показалось, что точно такой же фрагмент он видел в каком — то фильме: там герой умирал. Ужас от встречи со смертью обуял его. Тело вырывало из себя продолжительный крик, а сознание углубилось в процесс узнавания: спасителем оказывался тот, о ком новый житель улицы неоднократно слышал и вот — впервые — увидел.

Случай на кладбище

Хотя в смерти Давида никто его не винил, ни один из ребят не сказал Гаврошу утешительного слова. Может быть, из-за того, что посмел показать себя в момент единоборства? Конечно, может быть, ведь он для них чужой. И сейчас, когда рядом с ним большая масса людей, он совсем один. И поэтому ему не по себе. Он идет, согнувшись, будто несет на плечах тяжелый камень. Если бы папа находился рядом, было бы легче. Но он машинист тепловоза, и в этот самый момент ведет свой поезд в дальний рейс. А мама, хоть и пришла на похороны, осталась в кругу рыдающих женщин: им запрещено идти на кладбище вместе с траурной процессией...

То, что у могилы сказал дербентский равин, удивило Гавроша, но облегчения не принесло. А тот объявил, что община теряет одного из лучших своих сыновей: покойный много лет был ее опорой. Вряд ли отыщется еще еврей, который жертвовал на благо горожан столько, сколько этот, ушедший в лучший мир. Два дня назад он сделал еще один денежный вклад: для расширения площади синагоги. Равин глубоко вздохнул и добавил:

— Евреи, уважаемые горожане, а также те, кто приехал издалека, дай Б-г, чтобы такие события обходили ваши дома. Но сказано мудрецами: истинную цену

человека узнают в час его смерти — сколько человек о нем вздохнуло, кто провожает в последний путь. Воистину благословен Довид бин Азарьё, ибо по воле Всевышнего среди нас оказался раби Мухоил Вассерман из Иерусалима, друг покойного с детских лет.

Израильтянин говорил на джуури намного лучше Гавроша. Потом произнес речь на русском.

После того, как были прочитаны все молитвы, Гаврош взял лопату и вместе с другими мужчинами стал засыпать яму золотистой землей. Раньше он даже боялся смотреть, как это делают. А в этот раз сразу влился в круг участвующих в погребении, надеялся хотя бы так облегчить груз своей невольной вины. Вдруг совсем рядом прозвучал голос Истахара:

— Бросай лопату.

Гаврош оглянулся, нахмурился и продолжил свое дело. Истахар еще раз произнес то же самое, недоумевая. А поведение подростка объяснялось не — знанием традиции: лопаты, которыми засыпают могилу, не передают из рук в руки, а бросают. И тогда другой мужчина подходит и подбирает. Гневаясь, Гаврош прохрипел:

— Отстаньте от меня.

Истахара будто огрели палкой, он даже отскочил, но тут же нашелся и дружелюбно сказал:

— Бросай лопату, дурачок.

Чувство, что его нашли крайним (почему у других не забирают?), страшно обозлило Гавроша. Это ощущение усилило неприязнь к Истахару, давно созревавшую в нем. Тяжелый ком, поднявшись от живота к груди, пробрался к горлу. Освобождая его, юнец взревел:

— Убирайся! Тебе здесь делать нечего! Ты ненавидел Давида! Уходи! Уходи!

Прогоняя неприятеля, он орудовал лопатой, как копьем. Это был беспрецедентный случай. Никогда в Дербенте не позволяли себе скандалить на кладбище. Всякое бывало на увеселительных мероприятиях, но на кладбище! никто еще себе такого не позволил. Истахар отклонился в очередной раз от нападения и нанес нарушителю порядка крепкий удар в лицо...

Очнувшись, Гаврош понял, что лежит на чужом диване. На него смотрели три пары черных глаз, очень похожих друг на друга. Над его изголовьем стояли Вассерманы: Жанна, ее мама Эсфирь Марковна и дядя — раби Михаил.

Чуть позже к Гаврошу прибежала его мама...

Сахар в стакане

— Гаврик, разбуди ребенка, пора готовиться к выходу, — раздался женский голос, вернувший молодого писателя Акиваева от воспоминаний к действительности.

Уже рукой подать до Земли обетованной. Здесь, именно здесь, он мечтает завоевать славу первого «умориста». Его юмористические рассказы получили признание в литературных кругах Дагестана. К удивлению многих. Особенно недоумевали родственники и знакомые. Они не замечали в нем веселый нрав и не упускали случая припомнить ему, что обычно в компаниях бывал угрюм. Между

тем сюжеты и герои его новелл начали щекотать их любопытство, а метафоры и сравнения — вызывать хихикание и гогот, переходящие в хохот, порой — до упаду.

Накануне репатриации Гаврил Акиваев выпустил первую книгу, которую успешно распродал в городах России. Сразу после дебюта появилась мечта пленить еврейских хохмачей. Она окрыляла его, звала к репатриации, и теперь для ее осуществления надо было приземлиться.

Самолет, в котором он летел с женой и малолетним сыном, уже находился в пределах страны отцов и совершал последние круги перед посадкой. Тренировавшийся в поиске сравнений, он обрадовался неожиданной мысли: как чайная ложка, размешивающая сахар в стакане. Через секунду заявил себе: нет, самолет не похож на ложку, Израиль — на стакан, а мы-то и вовсе не сахар...

В аэропорту семья Акиваевых успешно прошла «полосу препятствий» и вышла на остановку такси. Пробежали минуты ожидания, и мерседес с желтым фонарем на крыше повез репатриантов по указанному на бумажке адресу. Мать с ребенком сидели на заднем сидении, отец — рядом с шофером. Мальчика клонило ко сну, но перед тем, как сомкнуть глаза, он все же задал, видимо, очень важный для него вопрос:

— А правда, я буду жить в своей стране?!

Гаврил обернулся, его голубые глаза весело сверкали. Он переглянулся с женой: та сдержанно улыбалась.

— Да, — серьезным тоном сказал отец, — ты прав.

— Ладно, ладно, — поспешно произнесла мама, — давай, сынок, будем спать.

Время действительно было позднее. Машина почти неслышно мчалась по гладкой дороге. Сквозь дрему отец семейства размышлял о сыне, о себе, опять вспомнил город, в котором родился и вырос, а теперь покинул навсегда. Совершил, как говорил Михаил Сергеевич, — судьбоносный — поступок: переезд на Ближний Восток. Судьбоносный переезд. А какие еще бывают? Железнодорожный, например. Ну ладно, без шуток. Без шуток? Ну, первый переезд, второй... Переезды, на первый — второй рассчита-айсь. Опять дурачество... Вот так дело... И спать очень тя-янет. О-о-чень тя-янет...

Гаврил открыл глаза, когда таксист прикоснулся к его плечу. Водитель показывал на трехэтажный дом, выстроенный из иерусалимского камня. Увидев номер дома, репатриант разбудил жену и взял сына на руки.

Новоприбывшие остановились на несколько дней у реба Вассермана. Хозяин дома пристально смотрел на племянницу, ее мужа и спящего малыша.

— Хороший мальчик. Значит, Давид?

— Да, — одновременно ответили муж и жена.

— Это же мама предложила, а Гаврик и его родители поддержали, — добавила Жанна. — Я хотела другое имя...

— А почему твои родители не едут? — спросил Вассерман у Акиваева.

— Брат мой в армии. Еще год ему служить. Мы пока здесь почву подготовим, а потом они к нам придут.

— Верный расклад, — довольно заметил реб. Тут же помрачнел. — А моя бедная сестра, да будет благословенна ее память, никогда не ступит на землю отцов.

— Не надо, дядь Миша, не надо об этом, — всплеснула руками племянница.

— Хорошо, хорошо, доченька. Вы, конечно, проголодались с дороги. Пойдемте к столу, потом поговорим.

Так и сделали. Немного поели, и родственник принялся разъяснять гостям, какие возможности у них появятся и какие сложности могут ожидать в израильской жизни. Но Гаврил оставил тему будущего на потом: в общении с Вассерманом ему не терпелось выяснить те тайны, которые волновали его немало лет. И поэтому попросил:

— Раби Михаэль, давно хотел услышать от вас о Давиде Дербентском. Мне кажется, вы знаете такое, что неизвестно никому. Если можно, будьте любезны...

Вассерману просьба пришлась по душе. Теплый огонек блеснул в его черных глазах. И Гаврил вновь заметил, что они похожи на любимые глаза Жанны.

Дербентские тайны

Реб живо произнес:

— Да, да, вы правы. Я много лет ношу в себе тайны, связанные с этим человеком. Конечно, подобно многим горожанам, вы удивлялись его фамилии. В Дербенте были еще несколько горских евреев со странными фамилиями. Вы, молодежь, возможно, их и не слышали, но были такие, как Руденко, Мусаханов и другие. У каждой своя история. Но возникновение этой? Г-споди, каких только чудес не бывает на грешной земле! Так вот: отец Давида раби Азарьё бин Илёу был арестован в 1927 году за «распространение сионистской заразы среди трудящихся евреев». В честь десятилетия Великого Октября его амнистировали с условием, что поселится на окраине города и в знак лояльности к советской власти, придумают же такое, изменит фамилию. Раби Азарьё согласился. Однако право на выбор фамилии у него тут же отняли. Подбор фамилии поручили работникам органов. Все восточные варианты были отклонены. В итоге чекисты остановились на том, с которым вы знакомы.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Давида, будь она помилованней. Его мать покинула бренный мир при рождении ребенка. Отец оставил сына у сестры своей жены. Та была богатой вдовой. Власти ее не трогали — имела подход к нужным людям. А сам раби Азарьё объявил, что идет пешком в Иерусалим. С тех пор его никто никогда не видел.

— Так старушка Либо не мать Давида, а тетя? — захлопала глазами Жанна.

Реб улыбнулся и кивнул. А племянница сказала:

— Я сама видела ее. Она сидела на большой каменной лавке у дома. На голову завязывала сразу несколько косынок...

Гаврил, горя нетерпением, сразу перешел к следующей теме:

— Хотелось бы очень узнать про отношения Истахара и Давида. Я слышал разные варианты, но настоящую правду, уверен, знаете только вы.

Повествующий пригладил длинные черные волосы над высоким лбом, поправил с двух концов густые усы и задумался. При этом его красивые полные губы вытянулись.

— Ну-у, это длинная история. Но скажу коротко: тетушка Либо договорилась со своей родственницей поженить Давида на ее дочери, когда они достигнут со-

вершеннолетия. Так по согласию взрослых мой друг и девочка по имени Сарах стали «нумги́ро», т.е. обрученными сызмала. Позже, когда она превратилась в стройную краснощеку красавицу, Истахар полюбил ее, заслал сватов, но, естественно, получил отказ. Он поклялся добиться своего, во что бы ни стало. Попытался выкрасть девушку, не получилось. Этот случай лишь ускорил свадьбу, в результате которой Давид, любивший другую, и Сарах, может быть, вздыхающая по однокласснику Истахара, стали мужем и женой. В ту самую ночь Истахар полоснул себя ножом по щеке, оставив знак укора разрушившим его счастье. Постепенно джигит превратился в брюзгу. Стал хаять Давида, где только мог. Со временем понял, что лучше это делать с юмором. Сверстники и люди чуть помладше знали, что стоит за его хохмочками, и в большинстве своем отмахивались от него. Тогда несчастный принялся обрабатывать молодежь и добился успеха. Я был свидетелем того, как юноши с насмешкой говорили о Давиде, клялись его головой. Все мои попытки изменить их мнение вызывали дополнительный смех. Мне было очень обидно и больно. Да-да, очень больно. Но что я мог сделать? Что можно сделать с теми, кто не уважает слово раввина? Разве я не старался...

Реб загнулся, расчувствовался, спрятал глаза. Гаврил и Жанна, молча переглянулись, смущенные неожиданной ситуацией.

— Эх, Давид, Давид, — покачал головой Вассерман, — мало кто знал, какое у тебя сердце, большое было сердце... Так вот, Гаврил, мой друг был набожным человеком, оказывал синагоге поддержку, и через нее посылал денежную помощь бедным людям, прежде всего, для покупки мацы и кошерного мяса. Они-то, приходя к Давиду, и не подозревали, что покупают мацу на деньги того, кто ее продает. Да. Золотой был человек. И несчастный. Одинокий. Не любил общения, компаний. Имел со всеми ровные, деловые отношения. Я был его единственным другом. Да и то, наверно, потому, что подружились в самом раннем детстве и с тех пор были подмогой друг другу. Мне, только мне он поверял сокровенные мысли. Я был менее откровенен. И все же он умел читать мою душу, находил, как помочь. Перед войной посадили и расстреляли моего отца. Мы остались без кормильца и с «пятном» на имени. Ребята из школы начали приставать ко мне. И если бы не Давид... В такие минуты он непременно оказывался рядом со мной. Вдвоем сразу становилось легче в противостоянии. А после занятий Давид заманивал меня домой, заставляя обедать с ним. Иногда он умело, под разными предлогами, передавал съестное для мамы и моей сестры...

Так вот: от каждого из нас остается на свете только память. Только память. Не утихает боль в моем сердце, оттого что Истахара удалось очернить моего друга в глазах молодежи. Сейчас я понимаю, какой это страшный удар. Ведь мое поколение уходит, а ваше несет в будущее свои символы. Среди них и клятва головой Давида как признак неуважения к «плуту-богачу» и в то же время комичному из-за внешности человеку.

Гаврил заметил:

— Это верно. С тех пор, как Давида нет, прошло около десяти лет, а наши сверстники с той клятвой так и не расстались.

— Теперь ты понимаешь, дядя Миш, — вставила Жанна, — почему я была против этого имени?

— Да, дочка, но Фира не зря предложила назвать твоего сына Давидом. Она была обязана этому человеку жизнью. Может быть больше, чем твой муж. Извини, Гаврил, что напомнил. Так вот, ребята, та, которую Давид любил всю жизнь, была... моя сестра. Да, да, доченька, твоя мама. Но он не видел себя претендентом на ее руку. Хотя бы потому, что считал своим долгом отблагодарить свою тетю, а значит, жить с той, которую ему определили как суженую. А вот у Фиры все сложилось по-другому. Со школьных лет она встречалась с Леней Красовским — парнем, который напоминал девушкам Сергея Есенина. Привлекательный блондин, одевался по моде, курил трубку, был душой компании. Фира считала, что выиграла бой у многих соперниц, когда вышла замуж за Красовского. Но не прошло и двух лет совместной жизни, как Леня ушел к любовнице. Фира от горя заболела. Наша мама, много лет страдавшая ревматизмом, еле двигалась, но, конечно же, пошла в поликлинику, пригласила участкового врача. После этого стала ходить в аптеку за лекарствами. Я в то время подался в Москву и, благодаря счастливой случайности, поступил в МГУ. Но это, ребята, отдельный расказ.

Однажды, когда мама собралась пойти за лекарствами, у подъезда ей встретился Давид. Он шел сообщить, что навестил меня, что я жив-здоров, учусь как надо и передаю приветы. Мама попросила рассказать то же самое моей сестре, зайти домой. Здесь Давид увидел, что дела плохи: женщина, которую он не переставал любить, угасала. Мой друг начал действовать. На следующий день Фиру доставили в больницу. Ее лечением занялся сам главный врач. А позже Давид нашел и необходимое лекарство: самого Красовского. Убедил его пойти к больной. Не знаю, как все именно получилось, но через пару недель муж и жена вместе вернулись в свой дом. Жили они потом довольно ладно, хотя Леня пил, не зная меры, и много лет у них не было детей.

— Гаврик знает, — подчеркнула Жанна, — что маме было под пятьдесят, когда я родилась.

— А Красовский угас в короткий срок. Несколько дней закатывался в кашле. То ли болезнь легких появилась в нем в молодые годы и проявилась в середине жизни, то ли была наследственной. Не знаю. Горько, что бедняга так и не увидел свое долгожданное дитя... Нелегко все это слушать, нелегко. Наверно, Гаврил, вместо этого надо было теле с дороги лечь да поспать. И племяннице моей тяжело слушать о родителях, светлая им память. И себе, ребятки, разбередил я душу, на ночь глядя. А все же, скажу вам, не жалею: давно эти истории ждали своего часа.

Гаврил и Жанна держались за руки: прикосновение к тайнам укрепило их связь, но в то же время почему-то обеспокоило.

Переехал, дерись!

Утром супруги Акиваевы обнаружили записку, оставленную Вассерманом. В ней говорилось, что до двенадцати часов дня реб будет занят. А когда он придет, надо будет пообедать, набраться сил, чтобы ходить по конторам для оформления документов. А до тех пор он просил племянницу накормить мужчин: холодильник полон всего, что пожелаешь.

После завтрака, когда родители занялись выкладыванием запаса одежды (в условиях Израиля придется часто менять), их непоседливый сын выскочил на улицу. Он вернулся прежде, чем его хватились, в изорванной рубашке, с царапинами на лице и теле. Мама немедленно бросилась к нему. Но тот устремил героический взгляд на отца.

— На меня напали соседские мальчишки. Их было много. Сначала мы вместе играли. Потом каждый начал говорить, какой он еврей. Я сказал правду: не знаю. Говорят: такого не бывает. Ну вижу: не отвертеться. Говорю: я морской еврей. Опять говорят: такого не бывает. А я им: нет, бывает. Они свое, а я свое. Так вот: все на меня навалилось, ну и надавали кренделей. Но я главарю врезал. И еще ему покажу. Встречу один на один. Так ему и сказал.

Мальчик слегка задумался и тут же продолжил:

— Так радовался, что приехал в родную страну. А здесь! евреи! избивают своего же еврея! Были бы арабы, — неожиданно расплакался он, — не было б обидно...

— Ну, ну, — принялся утешать его Гаврил, — перед мамой неудобно. Мы же с тобой мужчины. Нам плакать не годится. Не так ли? Ну, скоро уже в школу пойдешь. Ну вот, молодец. Скажи мне, а как же ты их понимал, ведь языка не знаешь?

Мальчик заглотил слезу, кашлянул и просипел:

— А там были... Сашка, Толя и... и... я забыл, были еще, они мне объясняли.

— А теперь скажи мне, откуда ты взял морских-то евреев?

— У тебя прочитал. Ты же рассказ написал. Так и называется.

— Да это же я в шутку, с юмором! — улыбнулся отец.

Давид воскликнул:

— Ну ты и даешь! Разве с евреями так можно шутить? Видишь, что за это бывает?!

Жанна бережно прижала сына к груди:

— Нет-нет, мой родной, это не шутка — ты настоящий морской еврей. Нашей заалки.

ФОЛЬКЛОР

ОХОТНИК И СОЛОВЕЙ

В одном из древних городов жил-был известный охотник. Он никогда не возвращался с охоты без какой-либо добычи, так как у него были меткий глаз и крепкая рука. Но всякий раз, возвращаясь с охоты, он вешал свою добычу поверх охотничьего подсумка и входил в город, где жители встречали его с восторгом и уважением.

И вот однажды охотник, как обычно, засветло отправился на охоту. Целый день он бродил по лесу, но так ничего и не встретил на своем пути. Охотник очень удивился и начал рассуждать вслух:

— Если сегодня я вернусь домой без добычи, это будет для меня большим позором. Пойду-ка я туда, где прежде никогда не охотился, авось что-нибудь найду...

Как задумал, так и сделал. Оставив прежние места, охотник очутился на одной поляне. Он прошел еще несколько шагов и вдруг видит: на кизилевом дереве сидит соловей и восторженно поет песню. Охотник взвел курок и стал прицеливаться. Увидел это соловей, узнал охотника и задрожал всем телом.

— О уважаемый охотник, что ты собираешься делать? — спросил он тоненьким голоском.

— Застрелить тебя! — гордо ответил охотник.

Соловью стало еще страшнее, и он взмолился:

— О уважаемый охотник, я знаю, что ты самый известный стрелок. Поэтому я покинул те места, где ты охотился прежде. Но ты нашел меня и здесь. А ведь мое тельце крохотное, и если твоя пуля продырявит его, то оставшийся комочек не почувствуют ни твои зубы, ни твой желудок. Пожалей меня и не стреляй! Позволь мне немного посидеть на ветке кизила и порадовать своими песнями все живое на земле!

Выслушал охотник соловья и сказал:

— О милый соловей, твои песни прекрасны, как и твои слова, которые ты сказал сейчас. Но знай, что не для еды я убиваю тебя а потому что сегодня на моем пути не встретишься ни одна птица, кроме тебя. Возвратиться же мне в город без добычи нельзя, ибо пропадет моя былая слава перед горожанами, которые всегда восторженно встречают меня.

Тогда, о почтенный охотник, — сказал соловей, — наберись терпения и выслушай три совета, а после, если хочешь, убей!

— Слушаю, говори! — согласился охотник.

Соловей призадумался, сел на нижнюю ветку и сказал:

— Первый мой совет такой: не верь невозможному. Второй мой совет такой: не жалея о сделанном. Третий мой совет такой: не пытайся схватить то, до чего не можешь дотянуться.

Охотник выслушал соловья, опустил ружье и сказал с улыбкой:

— Что ж, дарю тебе жизнь!

Соловей тут же взлетел на высокое дерево и, скрывшись меж его густых ветвей, насмешливо сказал:

— Эй, глупый охотник, я тебя обманул. Я не думал о своей смерти. О нет! Я думал о том, что в моей селезенке спрятан кусок золота величиной с гусиное яйцо. Я очень беспокоился, что эта драгоценность попадет в руки безжалостного человека, как ты. Семь падишахов не могут определить цену этому сокровищу.

Услышал охотник о бесценном куске золота и снова прицелился в соловья. Но соловей спрятался среди широких листьев дерева и молчал. Тогда охотник рассердился на соловья, положил ружье на землю и начал взбираться на дерево. Достигнув его верхушки, он хотел было переступить с одной ветки на другую, но сук подломился под ним и охотник, полетев вниз, ударился позвоночником о камень. Наконец, поняв, что близится смерть, он крикнул соловью:

— О милый соловей, спаси меня!

Подлетел соловей к искалеченному охотнику и сказал:

— Ничтожный охотник! От всех болезней есть лекарства, но тебе они не помогут.

— Как же так? — удивился охотник.

— А вот так, — ответил соловей. — Я дал тебе три совета, но ты ни одному из них не последовал. Первый мой совет был такой: не верь невозможному. Но ты поверил. Как же я такой крохотный, мог проглотить кусок золота величиной с гусиное яйцо, если я с трудом глотаю маленькое пшеничное зерно? Второй мой совет был такой: не жалея о сделанном. Ты подарил мне жизнь, но, когда услышал, что в моей селезенке спрятан кусок золота, сразу же пожалел, что не убил меня, и хотел убить. Третий мой совет был такой: не пытайся схватить то, до чего не можешь дотянуться. Я взлетел и спрятался на самой верхушке дерева. Но ты не подумал над моим советом и полез за мной. Теперь я уже ни чем не смогу помочь тебе. Нет такого лекарства, чтобы вылечить от глупости. Лежи, здесь твое место, безголовый охотник!..

СОЛОВЕЙ И ВОРОНА

В один из майских дней соловей сидел на ветке карагача и распевал свои звонкие песни. Да так вошел в азарт, что не заметил, как рядом с ним уселась серая ворона.

— Эй, безмозглый соловей, не стыдно тебе петь передо мной бездарным голосом свои глупые песни?! — крикнула ворона.

Соловей удивленно посмотрел на крикунью и сердито закричал:

— Да провалиться тебе сквозь землю за такую несправедливость! Люди от моего голоса получают радость и удовольствие. Меня за это они держат в золотой клетке и кормят самым отборным зерном. А твой же голос никто из них не желает слышать, потому что он напоминает людям скрип ржавой пилы, старая падаля! И как ты только можешь судить обо мне, если у тебя и голоса-то никакого нет?! Да чтоб тебе быть в вечном трауре, если я стал посмешищем для такой

бездарной птицы, как ты!

— Еще не известно, кто из нас двоих бездарная птица, — усмехнулась ворона. — Слетаем в ближайший городок и спросим у мудрецов, кто поет лучше — ты или я. Пусть они рассудят нас. Но прежде давай договоримся: кто из нас проиграет, тому победитель выколлет глаз. Идет?

Соловей был до того взволнован, что сразу же согласился на условие вороны. Та хмыкнула про себя и от радости захлопала крыльями.

И вот полетели они в ближайший городок и в грязной луже увидели свинью. Соловей и ворона подлетели к ней и сказали:

— Рассуди нас, свинья, и скажи, кто из нас лучше поет.

Выслушала свинья песню соловья и карканье вороны и, приняв важный вид, сказала:

— У вороны мягкий баритон и лучше нее никто не поет.

Обрадовалась ворона, что оказалась победительницей, и выколола соловью глаз. Довольная этим, она взмахнула крыльями и тут же улетела в лес. Улетел в этот же лес и соловей. Сел он на ветку дерева и запел грустную песню. Услышала его ворона, подлетела к нему поближе и сказала:

— Эй, глупый соловей, ты проиграл мне, вот я и выколола тебе глаз. Так чего же теперь грустить и петь печальные песни?

Соловей покачал головой и ответил:

— Эх, серая ведьма, разве я грущу из-за выколотого глаза? Конечно, нет! Я просто оплакиваю тот час и ту минуту, когда послушался тебя и доверил решение нашего спора грязной свинье. А ведь известно, что свинья всегда остается свиньей!..

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Без труда не бывает достатка.

Беспечность человека погубит.

Бесчестный доброту не поймет.

Болтливая невестка разрушит свой дом.

В берлогу медведя голову не всовывают.

В дом, где нет мира, счастье не заглянет.

Вещи и деньги не дадут ни ума, ни чести.

Все найдется на свете, а отец с матерью — нет.

Где нет воды — колодец не роют.

Герой бывает мягкосердечным, трус — жестоким.

Глупец сам себя чрезмерно хвалит.

Говори коротко, но понятно.

Даже поссорившись не оскорбляй.

Даже собака у порога дома должна быть красивой.

Далеко искал — близко нашел.

Делай добро тому, кто его оценит.

Доброта рождает доброту.

Друг смотрит в лицо, враг — в ноги (т.е. не глядит в глаза).

Если любишь свою мать, не брани мать другого.
Если обидишь друга — обрадуется враг.
Желудок не дороже головы.
Жена — опора дома.
За доброту плати добром.
Из самолюбивого друг не получится.
Кто много жил, тот много знает.
Кто много странствовал, тот много видел.
Легче сдвинуть гору, чем его (т.е. упрямого человека).
Лучше материнского сердца ни у кого нет.
Мать занимает свое место, а жена — свое.
Мир стоит на справедливости.
Мужественный вину возьмет на себя, а бессовестный свалит на товарища.
Мужчина должен крепко стоять на своем слове.
Не верь тому, кто много клянется.
Не верь тому слову, что не можешь воспринять умом.
Не каждое слово можно выпустить изо рта.
Не радуйся чужой смерти, ибо ты не выпил воду бессмертия.
От глупости нет лекарства.
Пожалеешь врага — пострадаешь сам.
Пусть без женщины будет дом врага.
Пусть и в лесу дерево не растет одиноко.
Ребенок — преграда для вражды.
С дураком свяжешься — не оберешься беды.
С упрямым человеком не спорят.
Сделать доброе дело никогда не поздно.
Сегодняшнее дело не откладывай на завтра.
Сердце завистника никогда не успокоится.
Сила птицы — в крыльях, а человека — в дружбе.
Сначала изучи соседа, а потом покупай дом.
Сплетни разрушают и божий дом.
Сто друзей — мало, один враг — много.
Сыновья и дочери — ограда против недругов.
Человек человеку всегда необходим.
Чем быть гостем жадного богача, лучше быть гостем щедрого бедняка.
Честь женщины — гордость мужчины.
Чтоб ты встретился с душевным человеком.
Чтоб ты радовал материнское сердце.
Языком — сладок, сердцем — ядовит.
Языком можно поднять человека на вершину горы и спустить к ее подножию.

Из книги Лазаря Амирова и Ашира Захарова «Ларец мудрости»

ВОСПОМИНАНИЯ

Ерухам Абрамов

ЗАКОН ТАЙГА, ПРОКУРОР МЕДВЕДЬ **(глава из книги)**

В камеру к нам посадили одного парня. Он назвался Мишей из Уфы, сказал, что вор-законник. Татарин. Бежал с Алдана, заблудился и попал в Верхоянск, где его и поймали.

Как-то раз я проснулся в полночь и увидел, что один из наших Сухарей по имени Коля сидит на краю нар, голову опустил, не спит.

— Ты что, Коля, не спишь?

— Да так... Что-то не спится.

На следующую ночь я специально посмотрел на его нары. Коля опять сидел. Так продолжалось несколько ночей подряд.

К этому времени нас начали выводить на прогулку — минут на пятнадцать (сразу же после смерти Сталина порядки чуть-чуть помягчели). Во время прогулки я настойчиво стал выпрашивать Колю, почему он все-таки не спит по ночам. Нам удалось поговорить без свидетелей. Коля признался, что Миша татарин ночами не дает ему спать... Умышленно толкает, колотит в живот, пихает в бока. Мы договорились, что сегодняшней ночью Коля громко скажет Мише: «Татарин, прекрати!», а уж мы его проучим. Так и случилось. Ночью, среди храпа заключенных, раздались эти слова. Ответа не последовало, но татарин продолжал свои жестокие шутки, пока Коля не встал и не ушел на краю нар. Я заранее договорился с Колей Хохлом, что он поддержит меня в случае чего... Я также встал, подошел к Коле, стал ему что-то рассказывать. Так мы провели ночь до утра.

Наутро я обратился к татарину:

— Миша, можно мне у тебя кое-что спросить?

— Пожалуйста, я тебя слушаю, — с явной издевкой ответил он.

— Миша, мы все здесь на равных. Почему ты не даешь спать Коле?

— Не твое дело, — прервал он меня. — Пусть говорит сам за себя.

— Нет, я буду говорить за него.

— Я и тебя заставлю, чтобы ты вылупился, стерва!

Он неожиданно ударил меня рукой с верхних нар. Удар пришелся в переносицу. Я отлетел и врезался затылком в дверной косяк. Последовал второй удар. Я почувствовал, что «плыву», теряю сознание. Усилием воли я преодолел дурноту. Ненависть придала мне силы. Я схватил крышку от параша и бросился на татарина. Не помню уж, куда я ему попал... Крышка сломалась. Я схватил вторую — от бочки с водой, но почувствовал, что силы покидают меня. Инстинктивно я продолжал наносить удары, совсем-совсем слабые.

Надзиратели ворвались в камеру. Нас вывели на прогулку. Я задыхался, и товарищи под руку вывели меня на двор. Татарин уже был там. Прогулка была общей для двух камер. Увидев меня, несколько человек подошли ко мне. Я рассказал, обращаясь к одному из них, что у нас произошло.

— Что ж вы его на полотенце не затащили? — громко спросил мой товарищ, так, чтобы татарин слышал.

— А вот сейчас прогулка кончится... Зайдем в камеру, я с него живого не слезу. — Я также говорил повышенным тоном, чтобы проверить татарина. Будь он вором-законником, то он должен был подойти к нам открыто и сказать: «Только троньте, собаки!» Но все получилось иначе. Татарин, услышав угрозы, подошел к надзирателю, что-то сказал ему, и его увели.

Лишь потом мы узнали, что этот тип специально был подослан к нам в камеру Мусатовым. Причем, специально для меня. Избить, искалечить, а лучше и убить совсем. Видно не забыл Мусатов наш разговор, и не хотелось ему уходить «сухим». А самостоятельно, своими руками, убить меня — вроде неудобно: большой начальник...

Не прошло и двух недель со смерти Сталина, лучшего друга каторжников, как нам было приказано собираться с вещами... Куда, зачем? Ничего не известно. Видно было, что начальство находится в недоумении и замешательстве. Что говорить! Не помри Сталин, никто бы из нас живым не вышел.

Нас пригнали в расположенный неподалеку лагерь. Большинство немедленно были отправлены в больницу.

Дикая история произошла с нашими письмами. Все то время, что мы сидели в крытке, почта к нам не поступала. Был там у нас один надзиратель по фамилии Гречко, мерзавец и циник. Каждый раз во время своего дежурства он открывал волчок и подначивал заключенных: вот у того, мол, семья такая, у того — вот такая, происходит у вас дома то-то и то-то. Мы не могли понять, чего ему надо. Думали, что просто дразнит, провоцирует...

Однажды он открыл волчок и обратился ко мне:

— Глядите-ка, у Абрамова нашего семья такая благодородная, а он такой выкрест!.. — и захихикал.

— Эй, Гречко, знаешь что? Ты, конечно, парень хороший, я тебя понял. Если есть у тебя чего для нас — так отдай, а нет — иди к е... мамочке и не пой нам тут лазаря!

Вот так мы с ним поговорили...

А позже узнали, что этот садист в течение нескольких месяцев получал наши письма, читал — и уничтожал. Как-то я решил зайти к лагерному почтальону, так как давно ждал весточки из дому. А почтальон рассказал, что письма ко мне приходили почти каждый месяц, некоторые даже с фотокарточками, и он все отдавал надзирателю Гречко.

Сил у меня все еще было мало. Я числился за больницей, но все же решил отправиться на поиски Гречко. Пошел на вахту к дежурному.

— Где Гречко?

— В отпуску.

С вахты я решил зайти в контору, где бывало лагерное начальство. Пошел по коридору, заглядывая в кабинеты. Один из начальства остановил меня и спросил, что мне надо.

— Одного ишу, что у вас работал. Гольдман его фамилия.

— А зачем он тебе?

— Вопрос один хочу разрешить. Остался между нами такой — нерешенный...

— А что за вопрос, если не секрет?

— Я докажу этому типу, что я еврей. Он меня в тюрьме за это держал, думал, что я смеюсь над ним. А я — еврей и горжусь этим, а Гольдману я хотел бы еще разок в морду плюнуть, как уже было в его кабинете!

— Так ты плевал ему в лицо?!

— Нет, не в лицо, я ему харкнул в его проклятую морду! Он после встал, вымылся, вытерся и приказал держать меня в тюрьме до посинения.

Мой рассказ слушало несколько человек. Они переглянулись.

— Ну, так где же он все-таки?

— В отпуску!

— Жаль...

Наступила неловкая пауза.

— Еще можно вопрос?

— Можно. Да ты садись, Абрамов, спрашивай, что тебя интересует, — сказал один из офицеров.

— Скажите, пожалуйста, где начальник первого отдела майор Цветков?

— А зачем он тебе, Абрамов? — поинтересовался все тот же офицер.

— Зачем? Видите меня? Мне двадцать пять! Самый сок моей молодости!

Я хотел узнать у этого Цветкова, за что он хотел меня в шестнадцать килограмм превратить, чтобы я на карачках ползал... За что?!

Они вновь переглянулись.

— Ничего, Абрамов, поправишься еще...

— Да вы мне просто скажите, где он сейчас?

— И он в отпуску, — со смешком проговорил офицер.

Тут-то я сообразил, что все эти офицеры были новичками на службе, а прежнее начальство куда-то исчезло. Поняв, что большего не добьюсь, я встал, вежливо поблагодарил и удалился.

Я пробыл в больнице еще несколько недель. Воскрес из мертвых.

После выздоровления меня назначили в бригаду механизаторов к политзаключенным. Я работал с ними и жил в одном бараке. Среда эта была совсем иной. Люди после работы писали, читали, а кто и стихи сочинял. Другие рассказывали товарищам о каких-то своих открытиях. Начинались всякие разговоры, дискуссии. Высчитывали какие-то формулы, спорили, но по-научному. Или начиналась борьба за шахматной доской. Играют, разумеется, двое, но над головами у них стоит множество любителей. После партии обсуждали ошибки каждого игрока.

Они особо не доверяли уголовникам, то есть ворам-законникам, но я ужился с ними, даже завел друзей. Работал хорошо, прислушивался к их спорам. Они это замечали и удивлялись, как это я так себя веду. Они-то полагали, что я и трех дней не продержусь... Постепенно они привыкли ко мне, перестали дичиться. Я узнал, что большинство из них служили у генерала Власова, попали в плен. Было там много высших офицеров, были и люди с научными званиями.

Однажды утром я стал свидетелем интересного зрелища. Перед выходом на работу к нам в барак зашел кто-то мне незнакомый. Он сказал что-то по-немецки, и многие встали. Затем он подошел к каждому поочередно и попрощался с ним

за руку. Затем, обращаясь ко всем, сказал: «Меня увозят. Куда — не знаю...» Когда он ушел, я спросил, кто он. Мне рассказали, что этот человек был высокопоставленным немецким офицером, был в связи с генералом Власовым.

Мне вспомнился тот старшина, что вез нас к кладбищу, чтобы ошеломить. Про него говорили, что и он служил у Власова, но как-то оправдался.

Я стал расспрашивать. И мне поведали следующее.

Все здешние каторжники-власовцы были осуждены военным трибуналом, лишь только этот — нынешний старшина — настаивал на своей невиновности. Но и его, понятно, осудили. В лагере он продался, стал работать на начальство. Ему поручали ловить беглецов в тайге. Кого он настигал, тому отрубал кисть руки. Для сличения отпечатков пальцев. Доказательство... Но покалеченного он отпускал в тайгу, с собой не тасил. Дикие звери, привлеченные запахом крови, настигали несчастного. Или он самостоятельно истекал кровью. Говорили, что по представлению лагерного начальства он был все же оправдан и восстановлен в чине старшины. Недавно его откомандировали в Якутск. Воры его узнали, словили и утопили в реке. Но это — то ли правда, то ли нет. Возможно, сидит этот старшина на персональной дачке под Москвой и пишет мемуары о суровых военных годах.

Вскоре дождались мы и смерти еще одного людоеда — Берии. В лагерях царила полная неразбериха. Каждый барак обнесли колючей проволокой. Ждали чего-то. Но абсолютно все начальство во всех лагерях было сменено...

Осенью того же года меня вывели из барака политзаключенных и загнали к ворам-законникам. Компания там подобралась необыкновенная. У каждого тамошнего жителя руки были в крови нескольких десятков человек. Молодью — те убили не больше пяти-шести человек. Но и среди них попадались такие, что перевалили за десять душ...

Со мною на нарах спал вор-законник Коля Курнос. Он охотился за суками.

Это было его единственной целью. Он раскалывал их, выслеживал. Вел настоящую охоту за каждым, кто, по его мнению, был — или мог быть — сукой. Настигнув, он убивал их огромной чуркой-дубиной.

Друзья рассказывали мне, как однажды Коле сообщили, что появилась сука. Он поймал его. Занес над его головой свою дубинку смерти... Этот человек был его старинный друг, лучший товарищ. Но для Курноса в слове «сука» и был весь приговор, который обжалованию не подлежит. Друг, брат — все едино.

Обреченный стал умолять его:

— Коля, возьми мой нож, зарежь меня...

Он не успел договорить. С одного удара голова его раскололась.

Коля Курнос по-настоящему страдал, если ему не удавалось найти суку: ему казалось, что вот, где-то здесь, рядом, притаился его враг, прячется, выжидает...

Словом, кончились мои краткосрочные научные курсы и университеты в бараке политзаключенных. Рядом был теперь Коля Курнос.

Как-то я шутя сказал этому чудовищу:

— Эй, Коля, пойдем сук мочить!

Словно дикий зверь, он кубарем скатился с нар.

— Где?! Пойдем! Скорее!!!

Обыкновенный вор-карманник. Но в лагере он превратился в настоящего людоеда. Это не преувеличение...

Должен сказать, что по воровскому закону иметь в кармане нож не полагается. Как-то одному вору из Днепропетровска Зямке Усу предложили на всякий случай положить в карман нож. Он отказался. И мотивировал это тем, что за всю свою воровскую жизнь никогда ножом не носил. «Я не палач, не убийца, — говорил он. — Кроме лопатника (кошелька) ничего носить с собой не собираюсь».

Собрали сходку, где его чуть было самого не убили. Заступились за него воры, которые хорошо знали его, в том числе и я. Зямка Ус так прямо и заявил на сходке: «Можете меня убить, но я убивать не хочу и не могу. Это не моя профессия!»

Вором он был великолепным и крайне дерзким, смелым и отчаянным человеком. Про него рассказывали потрясающую историю. В 1937 году в лагерь на Урале, где сидел Ус, прибыла комиссия из Москвы. Из членов этой комиссии Ус с товарищами... похитили одного офицера. Раздели его, связали, заткнули рот клепом. Ус переоделся в офицерскую форму — и прямо через вахту ушел из зоны... Офицера обнаружили только утром, когда Зямка был уже далеко. Но на убийство он не шел.

Встретил я одного моего старого знакомого, Сашу по кличке «Собака». От него я узнал интересную историю. Он рассказал мне, что в 1946 году по указу Берии была создана специальная группа ссучившихся бывших воров-рецидивистов. В памяти моей сохранились имена их главарей: Вася Пивоваров, Иван Упоров, Сольдат, Кантанис, чечен Ваха. Они получили в свое распоряжение столыпинский вагон, в котором переезжали из лагеря в лагерь и только Бог знает, что они там творили. Убийств и историй было не перечесть. О бесчинствах этой «бригады» рассказывали ужасы.

Когда Круглову, тогдашнему замминистру внутренних дел, крестному отцу этой «бригады» доложили о том, что они явно перегнули палку, он убрал их с глаз подальше в бухту Ванина.

О количестве искалеченных и убитых этой бригадой людей можно только гадать, но через их страшное сито прошли десятки тысяч заключенных.

Наш лагерь находился в восьмидесяти километрах от Верхоянска, в поселке Эгейхая. По словам старых лагерников, примерно в шестидесяти километрах от Эгейхая есть поселок Костры. В радиусе полусотни километров от Костров воздух смертелен. Ибо именно там находятся открытые карьеры урановых рудников, где уран добывают заключенные. Оттуда не возвращается никто. Как рассказывают, однажды политзаключенные подняли восстание. Во главе его стояли уцелевшие революционеры-троцкисты. Восстание было подавлено. Из многих и многих тысяч осталось в живых 236 человек. Их вывели в зону, поставили под холмы. Завели трактора, чтобы не было слышно выстрелов. Могилу эти жертвы рыли себе сами, а заровняли ее бульдозерами.

В кострах сидели те, кому дороги назад не было. Никто из сидящих там не знал, на какой срок...

Геннадий Семендуев

О МОЕМ ОТЦЕ

Александр Шаулович Семендуев родился 9 мая 1916 г. в Дербенте в семье рабочего-бондаря. Семья, даже по тем временам большая, под руководством отца обрабатывала небольшой виноградный сад, заложенный и выращенный им. Одновременно с учебой в 7 классе он закончил шестимесячные педагогические курсы и по окончании восьмого класса с 1932 по 1934 гг. работал учителем начальных классов еврейской школы им. М.Горького. Его стихи начали печатать в газете «Захметкеш» в 1934 г. В первую антологию горско-еврейских поэтов, которая была выпущена в это время с помощью Ихила Мататова, включены два стихотворения молодого поэта, отмеченные в предисловии Мататова. В июле-августе 1934 года Александр был делегирован на 1-й съезд советских писателей Дагестана от Дербентского лит.объединения вместе с Манувахом Дадашевым. О Дадашеве он вспоминал впоследствии так: «...отличался большой подвижностью, лицо его несколько продолговатое, с острым подбородком, молодое, сияющее, особенно когда он «заводился», доказывая что-то свое. Казалось, будто он вот-вот задаст какой-то вопрос и тут же его объяснит. Высокий лоб, зачесанная назад шевелюра, напряженный взгляд — он постоянно о чем-то думает и что-то решает. Всегда с собой свежая газета или журнал, в которых не пропускалась ни одна заметка...». И далее о съезде: «...мне шел 18-й год. Впервые присутствовал на таком большом форуме седовласых, пожилых и очень молодых людей. В первые минуты и даже часы не мог дать себе отчета обо всем происходящем... Молодой черноглазый красавец Эффенди Капиев выступал с основным докладом о социалистическом реализме. Хорошо запомнил седого, короткобородого, быстрого в движениях, с сосредоточенным взглядом, небольшого роста С.Стальского. Долгое время помнил и других участников. Делегаты жили в гостинице «Дагестан» и ходили через дорогу в общую столовую...»

По окончании двух курсов рабфака НКПС (Москва-Мичуринск), в сентябре 1936 г. Александр добровольно поступил в Тамбовское артиллерийско-оружейное техническое училище (ТАОТУ), которое закончил по первому разряду в 1939 году арт.техником (воен.техник второго ранга). Службу продолжил в Киевском артучилище (второе КАУ) начальником мастерских боепитания. В октябре 1941 г. был направлен в Москву (Второй дом НКО), служил в штабе формирования гвардейских минометных частей. Встреча с прежним сослуживцем, капитаном Линенко, принимавшим дивизион, помогла направлению на фронт арт.техником 7 отдельного гв. Минометного дивизиона (7 ОГМД). Он участвовал в обороне Москвы (20-25 км. по Савеловской дороге, район ж.д. станции Лобня). Первый залп по нем. фаш. захватчикам, находившимся на Красной Поляне, дивизион произвел с 5 на 6 декабря 1941 г.; то было начало контрудара советских войск под Москвой.

Вместе с другими войсками дивизион уничтожал и преследовал противника до Волоколамска, а затем — через Клин, Калинин был направлен на Северо-Западный фронт. В составе 7 ОГМД, а затем основанного на его базе в июле 1942 года 70 гв. минометного полка (70 ГМП), участвовал в боях против нем.захватчиков в должности начальника артвооружения полка на 6 фронтах и в 10 армиях. Полк закончил войну 9

мая в Праге, а затем дислоцировался в Германии и Венгрии. Вернулись в Союз в 1946 году, где участвовал в восстановлении ДнепроГЭСа. В течение войны 7 раз в приказах Верховного Главнокомандования объявлялась благодарность личному составу 70 ГМП, более 1200 бойцов и офицеров было награждено. В боевой характеристике на А.Семендуева командир полка полковник И.З.Кузьменко писал: «А.Ш. Семендуев был в боях бесстрашный, честный, трудолюбивый и правдивый..., если коротко его характеризовать: ум, честь и совесть нашей части...» В 1947 г. Александр закончил Высшую Артиллерийско-техническую Школу Вооруженных сил и продолжал работать в СА в различных должностях. Техника стремительно обновлялась, и он, ответственный всегда и во всем, зачастую ночами постигал новые руководства и наставления, чтобы завтра четко и доходчиво объяснить подчиненным, а временами и офицерам-курсантам. Его рапорты об отпуске на учебу в Академию всегда отклонялись под любым благовидным предлогом, но по сути начальство не желало «оголять службу» и хотело беззаботной жизни. Демобилизовался он по состоянию здоровья в сентябре 1960 г. с должности начальника арт.вооружения зенитно-артиллерийской дивизии в звании гвардии подполковника технической службы. Награжден орденом «Боевого Красного знамени», у него по два ордена «Отечественная Война» и «Красная Звезда», пятнадцать медалей. Инвалид войны II группы. На праздновании 50-летия Победы в ВОВ он был представителем ветеранов войны от Евпатории на юбилейном Параде на Красной Площади в 1995 г.

С 1960 по 1993 гг., без перерыва, работал учителем трудового обучения в общеобразовательной школе, а затем в подростковом санатории города Евпатория Крымской области. К любой работе он всегда относился вдумчиво, новаторски, не жалея труда и сил. Частенько, во время отпуска, он приглашал автора этих строк навестить его «кабинет», где с гордостью демонстрировал и пояснял, как и что ему удалось обустроить и улучшить для учебного процесса и — никогда о количестве труда... Прирожденный учитель и воспитатель, техник — «золотые руки», а я добавлю, и благородное сердце, он всегда находил взаимопонимание с учениками. Любой разболтанный класс на его уроках преображался. Администрация частенько злоупотребляла этим из года в год, «нагружая» его классным руководством в «выдающихся классах»... Издательство «Педагогика» с интересом рассматривала его замечания к методическим пособиям, а благодарные сотрудники и многочисленные выпускники говорили о нем: «Наш Макаренко»... Советский комитет ветеранов войны наградил его грамотой за большой вклад в военно-патриотическое воспитание молодежи.

После фронтовых стихов он продолжает писать, не теряя поэтическую связь с Дагестаном. Переписывался с поэтами и активно общался с ними, если доводилось бывать в отпуске на родине. Х.Авшалумов и Н.Гилядов, Б.Гаврилов и Л.Амиров, Б.Ханукаев и Я.Ильгусев — вот далеко не полный круг его творческого общения...

В 80-е годы его стихи регулярно печатались в альманахе «Ватан Советиму». По поручению редакции он перевел с азербайджанского на язык горских евреев стихи своего отца Шаула Симанду. В 1991 году вышел в Махачкале его первый творческий сборник «Мое время». Там же и были впервые опубликованы стихи Шаула. В 1993 г. появился второй сборник «Волны жизни». В последующие годы были его стихи и в журнале «Говлеи».

Совместно с супругой Сибой он несколько лет работал над татско-русским словарем. В его неоконченном варианте около 5 тыс. слов.

Стихи Александра посвящены его дорогому краю Дагестану, городу детства Дербенту, любви к родине, дружбе и братству народов, героям великой войны, потомству, сбережению природы...

Удивительно музыкальный человек, он прекрасно исполнял на мандолине обширный репертуар родной и классической музыки. Нот он не знал, не довелось, а видел я дома несколько записей «цифровыми нотами». Оказывается, в те далекие 30-е годы в Дербенте его легендарный учитель, слепой Кочмарик, сам играя «на слух», диктовал ребятам эти «ноты». Учил меня отец игре, как и всему в жизни, ненавязчиво, подбадривая и поддерживая интерес. Благодаря ему я начал с удовольствием заниматься в кружке народных инструментов и остался любителем их на всю жизнь. В редкие приезды всегда хотелось послушать его игру. Интересно, что отказывался он каждый раз недолго, важно было только начать, а потом — сам увлекался и мог играть и час, и другой... Я всегда восхищался тем, как его память может удерживать такое обилие, а новую, полюбившуюся мне популярную мелодию он мог тут же подобрать на своей мандолине и буквально через короткое время сыграть ее с блеском.

Эти импровизированные концерты, в тиши летних сумерек, остались в душе каждого из нас, близко его знавших. Настраивал он инструмент всегда тщательно (не терпел он фальши и в жизни). Как мне тогда казалось — это был целый ритуал. Строй мандолины «ми», «ля», «ре», «соль» и, подтягивая каждую струну, он проверял высоту по последующей 7-го лада, а затем окончательная настройка шла при исполнении отрывков известных мне мелодий. Каждый раз они следовали точно один за другим.

Ближе к старости отец, бывало, сам предлагал уже мне сыграть любое, на выбор, ссылаясь на то, что у него уже «пальцы не те», но я по возможности отказывался, сознавая свою неумелость. С мандолиной отец не расставался всю войну. Дорогой футляр к его последней прекрасной итальянской мандолине (1913 г.) — это подарок и память. Весной 1944 г., следуя на Карельский фронт через Ленинград, отец с товарищами остановился переночевать в семье пожилой коренной ленинградки, а при расставании хозяйка сама вручила футляр со словами: «Это вам за прекрасную игру, а мужу я после войны закажу другой, их здесь прекрасно делают, а вам сейчас нужней!...»

В свой первый приезд к нам в 1996 году отец оставил в подарок свои именные часы и ту самую мандолину. Часы — понятно, а мандолина? Это был для меня тревожный и печальный знак...

Его никогда не видели праздным. Он всегда и везде работал, помогал и в отпуске, и в гостях у родных. По заметкам на вкладышах к книгам, которые он придирчиво отбирал и читал всю жизнь до последнего дня, видна его неиссякаемая жажда познания...

На девятом десятке начал самостоятельно изучать разговорный иврит и делал небольшие успехи для его возраста! — «Дорогой мой, я же в хедер ходил...»

Второй раз он побывал в Израиле в 1998 г. Отец посвятил этой земле и ее людям цикл стихов. Удивление и восхищение, уважение и любовь... но остаться не привелось — он ушел от нас в августе 1999 г.

Читая «Страницы дневника войны», написанные так же давно, сколько мне лет, я убеждаюсь в том, что оказывается, таким он был всегда: смелый и честный, справедливый и заботливый, настоящий друг и большой патриот до конца своих дней...

ПУБЛИЦИСТИКА

Роман Бадалов

ЖИВУ НА ВОЙНЕ

Сколько себя помню — я всё время живу на войне. Человеческая память сильнее любого компьютера: чем больше лет отделяет человека от тех событий, участником которых он когда-то был, тем отчетливей всплывают в его памяти эпизоды и картинки прошлого. Не зря наверно космонавты утверждают, что оттуда, с немыслимой высоты, земля просматривается как на ладони. Космонавтам верить можно. Они — народ серьезный.

Так и с высоты Жизни лучше просматриваются прожитые дни и годы.

Ровно сорок пять лет я прожил на одной улице и в одном дворе. И очень долго, целых пятьдесят — я прожил в одном и том же городе — в Махачкале. Это бывший Порт-Петровск, названный в честь Петра I, который и основал его во время своей знаменитой морской экспедиции. На небольшой возвышенности Анджи-Арка царственную особу встречал с большими почестями именитый князь Тарковский. Это был визит вежливости и одновременно дань признания могущественного государя. Интересно, что старинное селение Тарки и по сей день сохранило свое первоначальное название. Кстати, известный кинорежиссер Андрей Тарковский — прямой наследник того самого князя, который некогда встречал Петра I. За пару лет до своей кончины он гостил в Дагестане, на родине своих предков. Сведущие люди говорят, что Андрей попросил ученых научного Центра республики расшифровать его генеалогическое древо. И ученые мужи единогласно, не сговариваясь, пришли к одному и тому же выводу: Андрей — потомок князей Тарковских. А поскольку бывшая столица княжества его предков естественно вписалась в Махачкалу, став одним из ее микрорайонов, то мы с Андреем Тарковским, как это ни странно, оказывается, земляки. Я употребляю это словосочетание «как ни странно» совсем не случайно: я и в 25-м поколении кошерный еврей, а он — Андрей — потомок кумыкских, тюркских князей. Я все-таки оговорился. Во мне, несмотря на мою кошерность, примесь тем не менее есть: мой прадед был грузинским евреем, высланным когда-то за пределы Грузии и волей судьбы оказавшийся в Дагестане. Сколько помню себя — и в детстве, и в юности, и даже сейчас, уже в зрелые годы, когда голову посеребрила седина, я бывал и бываю еще не в меру горяч, как молодой необъезженный жеребец. И я понимаю, что это во мне играет горячая грузинская кровь. Это говорят гены.

Когда-то в свои молодые годы я любил путешествовать по различным городам и республикам бывшего великого содружества, именуемого СССР. Волей судьбы я попал однажды в бывший немецкий город Кенигсберг, переименованный после войны в Калининград. Для меня это было событием:

Кенигсберг — родина Иммануила Канта — великого философа особой школы и особого таланта. И я сразу вспомнил Пушкина и его роман в стихах «Евгений Онегин». Вспомнил и героя романа Ленского, и строки Александра Сергеевича: «Поклонник Канта и поэт».

Так вот, Иммануил Кант, оказывается, прожил в своем родном городе безвыездно всю жизнь, вплоть до самой кончины. Он стал его добровольным «заложником». Да простят меня великодушно за эту кошунственную мысль и за это сравнение с заложником, когда речь идет о таком великом полководце философии. Правда, не великим, но таким же почти добровольным заложником своего родного города Махачкалы в течение полувека оказался и я. И этот добровольный плен меня радовал и, куда бы я не уезжал, даже на короткий срок, эта земля притягивала меня, как магнит, и я снова торопился вернуться к ней, к этой бесконечно дорогой земле, в какой бы столице и на каком бы расстоянии ни находился.

Прошло столько лет и, казалось бы, Память должна была обрасти густой и высокой травой Времени. Но увы! Она словно отменный современный компьютер, сохранила в себе все сколько-нибудь значительные эпизоды той, давно пролетевшей как скорый поезд, жизни.

Большое видится на расстоянии. Это истина. Это просто аксиома. Но детские впечатления и наверно, детская память надежней и лучше компьютера сохраняет в себе пережитое. И я, карапуз, который едва научился ходить, отчетливо запомнил войну в городе моего детства, отрочества и юности.

В нашем дворе на знаменитой еврейской улице Оскара жило несколько семей. Может быть, война, а может быть, вековые горские обычаи миролюбия и желание поделиться с другими последним куском хлеба — превратили наш двор в некое крохотное царство уюта и согласия. Двор был узким и очень длинным. Прямо в центре него было сооружено небольшое самодельное бомбоубежище, напоминающее обыкновенную солдатскую землянку. Почти каждую полночь диктор местного радио сообщал об очередном воздушном налете. И после его страшных слов:

«Внимание! Внимание! Воздушная тревога!» — все жильцы двора, несмотря на поздний час, один за Другим заполняли бомбоубежище. Один только мой дед Хайвот не реагировал на эти полные налеты. Он обычно с головой укутывался одеялом и, свернувшись колом, шумно и сладостно храпел под вой воздушной тревоги. А наутро, когда близкие ему люди делали замечание по поводу его чрезмерной халатности, он говорил одно и то же: «Откуда у фрицев бомба, которая может пробить мое толстое одеяло?» Фашисты отчаянно рвались на Кавказ. Уже бомбили Грозный. Огонь от горящих нефтяных цистерн озарял яркими кровавыми сполохами ночное небо над Махачкалой.

Мой детский разум не до конца воспринимал трагедию, происходившую вокруг. Мне всё это казалось какой-то забавной и шаловливой игрой. Игра была. Только роковая игра Жизни и Смерти. Время от времени наш двор, впрочем, как и другие дворы города, заполняли солдаты, среди которых было много раненых. Среди них были и пожилые, и совсем безусые мальчики. Видимо, они попадали сюда после ожесточенных боев, с тем, чтобы после короткого «перекура» снова сразиться с врагом. И я думаю, что они были в то мгновение счастливы уже хотя

бы тем, что не остались лежать навечно там, на поле брани, где полегли тысячи их сослуживцев — пожилых и совсем еще мальчиков. Эти не очень радужные картинки из далекого детства все-таки глубоко врезались в мою память и порою как бы заново оживают, приходя ко мне в страшных снах из небытия, из былого и давным-давно минувших дней. Я опять вижу эти сумрачные лица солдат с окровавленными бинтами.

Я не знаю, сколько времени длятся эти видения — всю ночь напролет или всего одно мгновение. Но каждый раз я просыпаюсь в холодном поту, не сразу еще понимая умом, где нахожусь и в каком временном пространстве. Солдаты-мальчики так и остались в моей памяти и в моих ночных видениях такими же, как и много-много лет назад.

Я живу на войне. Не только сегодня, и не только на этой земле, именуемой святой, но которая далеко не соответствует этому названию. Здесь, действительно, идет самая настоящая война: один террор сменяется другим, и даже еврей убивает своего сородича. Три выстрела, три роковые пули оборвали жизнь премьер-министра Ицхака Рабина — в прошлом боевого генерала, активного участника трех войн за независимость Израиля, освободителя Иерусалима. На фасадной стене мэрии Тель-Авива, на том самом месте, где убийца, как хищный зверь, подстерег главу правительства, можно увидеть фотографию, запечатлевшую последние мгновения его жизни. Этот пронзительный взгляд смертельно раненого человека каждый раз приводит меня, да и не только меня, в шоковое состояние. Этот всевопещающий и выразительный взгляд как бы спрашивает: «За что?»

Это еще одна беда, еще одна трагическая страница истории, Третья Катастрофа Еврейства. Думаю, что так, ибо само понятие «еврей» никак не ассоциировалось до сих пор с понятием «убийца». Да, были Барух Гольдштейн, Меир Кахане. Но там совершенно другие мотивы. Хотя всё это достаточно спорно. И всё это относительно, как и всё остальное в мире. Не надо, наверно, быть Фейхтвангером, чтобы в той или иной мере знать хронику Иудейской войны, еврейской мести и еврейского коварства, каких бы масштабов они ни были. Это идет еще со времен Адама и Евы — наших предков по крови. Слепая месть привела одного из их сыновей к преступлению: Каин хладнокровно и подло убил своего родного брата Авеля. Еврей убил еврея. Брат убил брата. Слишком много воды утекло с тех пор, и мы просто забыли о том, что не каждый еврей — миролюбец и что не каждый любит своего ближнего, как самого себя.

Почему это происходит? Вообще, что стало с евреями — народом, которого одновременно и чтут, и ненавидят в мире, при этом уважая их за ум и умение выживать в любой обстановке? И вообще, кто сказал, что евреи — умные люди? Между прочим, ученые доказали, наблюдая на протяжении долгого времени за жизнью самых различных животных, в том числе и хищных — таких как леопард и тигр, акула и беркут, что эти особи никогда не убивают друг друга. Сокол соколу глаз не выбьет. А вот еврей еврея может. И не только глаз выбить, но и лишить самого дорогого — жизни. Лучшая иллюстрация тому у нас на памяти — роковой ноябрьский день 1995 года — гибель Ицхака Рабина от руки другого еврея, годящегося ему во внуки. Игаль Амир взял на себя непомерно высокие роли — верховного судьи, главного прокурора и исполнителя. А чьи собственно распоряжения он исполнял? Кто стоял за его спиной? Ведь кто-то непременно

стоял! Кому-то старый генерал, уставший от войны и хорошо знавший ее горький привкус, вероятно мешал.

Чьих рук это дело? Вероятно, этот секрет еще долгие годы будет будоражить умы и сердца тысяч людей, а может быть, и навсегда останется тайной века. Этот трагический спектакль на площади Царей Израилевых, возможно, останется такой же загадкой, как и убийство президента Джона Фицджеральда Кеннеди или смерть генералиссимуса Иосифа Сталина. Ни специальная комиссия Уоррена, ни другие официальные и частные расследования не дали эффективного результата, не открыли завесу тумана, а значит и неизвестности. Значит, это тоже кому-то было нужно: и убийство, и такой поворот событий. И это роковая тайна. Однако рано или поздно всё тайное становится явным. Но когда это произойдет, ведомо только одному Всевышнему. Во всяком случае, современники не станут обладателями этой тайны.

Но я опять возвращаюсь к тому, с чего начал свой печальный разговор — с Игаль Амира. На всех следствиях он отрицал свою вину: по его утверждению, он стрелял, но не убивал. Он только имитировал убийство. Он продолжает утверждать это и сегодня. И невольно всплывает в памяти знаменитая пушкинская строка: «А был ли мальчик?» А кто знает, может быть, это и на самом деле была имитация, а подлинный убийца гуляет на свободе. Но дело не в этом. Я не современный Шерлок Холмс и даже не рядовой следователь прокуратуры, а тем более не сотрудник ШАБАКа или МОССАДа. «Раскручивать» — это их дело. А я только литератор и репортер, человек из пишущего цеха, обыкновенный летописец Времени, в котором живу, в котором люблю, работаю, мучаюсь и страдаю. Но это уже другая тема. А Ицхака Рабина все-таки убили — пусть не Игаль Амир, но его сообщники, а, в общем — свои же евреи, которые усердно молятся в синагогах, произносят молитвы и ждут прихода Машиаха. А захочет ли Он прийти, узнав о злодействе «сыновей» своих, трудно сказать.

Кто сказал, что евреи умные люди? Хотел бы я посмотреть на их физиономии. Разумеется, никто — ни я, ни кто-то другой не станет отрицать, что Всевышний дал евреям светлую голову, но распоряжаются они ею так безобразно, что порою даешься: как может такое сотворить человек, именуемый евреем? Лучше, чем ашкеназы, горских евреев, я думаю, мало кто знает. Во время Великой Отечественной войны тысячи ашкеназов-беженцев устремились на Кавказ, в большинстве своем в Дагестан. И каждая семья горских (кавказских) евреев считала своим долгом приютить, обогреть душевным теплом и сделать всё возможное для облегчения участи попавших в беду единоверцев, хотя сами порой находились в очень трудных условиях. Но как бы трудно ни было, всегда умудрялись делить последний кусок хлеба, делились не только кровом и пищей, но и теплотой своих сердец. И каждый ашкенази, живший в то время бок о бок с горскими евреями, хорошо знал о трагической участи горских евреев, города Моздока, где гитлеровцы заживо погребли тысячу женщин, стариков и детей. Очевидцы рассказывали, что на месте трагедии земля три дня ходила ходуном. За несколько дней до совершения этого акта вандализма фашистское командование направило запрос в канцелярию Гитлера: как быть с евреями-горцами? До этого в их понятие «еврей» входили только ашкеназы. Других евреев они никогда не видели. Палачей ответ из фашистского логова не заставил ждать. Он был на редкость

лаконичным: «Собака есть всегда собака, независимо от цвета».

На протяжении десятков лет я бесконечно слышу о трагедии Бабьего Яра. Я как еврей преклоняю свою седую голову перед светлой памятью моих собратьев, погибших от рук палачей. Я не националист, хотя всегда гордился и горжусь своим еврейским происхождением. Но я прежде всего человек. И поэтому мне дорог каждый павший на полях сражений, независимо от того, еврей он или русский. Каждый из них погиб за землю, которую считал своей родной, а значит и священной. Мне бесконечно дороги и русский парнишка Александр Матросов, закрывший своим телом вражескую амбразуру, и ашкенази — юная партизанка Зоя Космодемьянская, и горский еврей Якутиэль Адам, погибший за родной Израиль, и его земляк танкист Иосиф Ифраимов, мужественно павший на подступах к рейхстагу. Это моя боль и моя незаживающая рана. В нашей жизни много лжи и несправедливости. Но надо быть хотя бы справедливым к памяти погибших и не кричать о достоинстве и подвиге одних и умалчивать о трагедии других. А ведь это надо не мертвым. Это надо живым! Очень много говорят о Катастрофе европейского еврейства, имея в виду и Бабий Яр, и не только его. А почему же когда-нибудь, хотя бы невзначай не вспомнят о Моздоке — о тысячах горских евреев, безвинно погибших от рук фашистов? Тех самых горских евреев, которые и в Махачкале, и в Дербенте, и в Баку так сердечно и радушно принимали всех, кто нуждался в их помощи. Горские евреи, веками живя на Кавказе, унаследовали от своих предков святыне обычаи и традиции гор, всегда оставались верными слову, а тем более вере отцов. Они никогда не отступали и не отказывались от своего еврейства, хотя жили в очень экстремальных условиях, они всегда оставались братьями для всех и были уважаемы и любимы другими людьми. Они всегда оставались теми, кем их родила еврейская женщина: евреями.

חלב

פָּרָה לְבָנָה נֹתֶנֶת חֶלֶב.
 חֲתוּלִים עֹבְרִים לְדָכְאוֹן... רִיחַ!
 אֲשָׁלִיּוֹת לֹא מְרַגְעוֹת בְּמֶרְחָב.
 לְפָחוֹת לְהִיּוֹת יוֹתֵר פְּתוּחַ.
 חֶלֶב... פָּרָה לְבָנָה בְּצֶדֶק רַב
 יֵשׁ לָהּ חֶלֶב! וְאִי אֶפְשָׁר לְכַרְחַ.
 רַק פִּיל, שְׁלֹא כָּל כֶּךָ חֶכֶם אָמַר:
 "תְּמִיד אֶפְשָׁר לְהַשְׁלִים. אִם מֵתָר."

פטליסט

שֶׁמֶשׁ, גֶּשֶׁם, חֲצִי מַעֲגָל, שְׁמִים.
 רַב הַצִּבְעִים לֹא רֹאִים. יֵשׁ עוֹד אֶלֶף.
 עֲלִינוּ לֹא יַעֲבֹדוּ, יָמִים לֹא קָלִים.
 זֹאת הַתְּחִלָּה. אֵיפֹה הַמָּשָׁךְ? הַסּוֹף חוֹלֵף.
 תְּנוּיּוֹת לֹא צָרִיף לְהַקְדִּים. לֹא צָרִיף?
 אֲנַחְנוּ נִשָּׁב וְנִחְלִיט: "הַכֹּל נֶחְמָד!"
 אֲנִי לֹא פֶטְלִיסְט, אֲמַנָּם יֵשׁ תֹּאֲרִיף
 לְתַסְמֶנֶת, מְנוּחָה, לְכָל יוֹם.
 יָמִים עֹבְדִים עֲלִינוּ מֵה נֶכוֹן,
 מֵה לֹא נֶכוֹן. אֵיךְ אֵת מִסְתַּגֵּלֶת הַיּוֹם?
 שֶׁם מְדִינָה אַחֲרָת. עַל יַד הַחֲלוֹן
 הַדְּבָרִים נִפְרָדִים וְחוֹלְפִים — כְּלִי אֶסוֹן.

Թճձն, Եղեօ՝ Ըճձն, Հիլի՝
 Հճ Ըն ԸճԼԼԼ՝ ԸԸՀ ԸՆՆ՝
 ԸճՆ ԻՆ ԸԼԸՀԻ՝ ԸԸ ՀՀ ԸճԸԼ՝
 ԸՆԸՀ՝ ԸՆՀ իՆՆ ՀՀ ԸԸԼ՝

անձ՝ շնորհ. փոքր անուն օրհնելու.
 քննել ճշմ. եկարգ. չձեռն
 չկարգ. երգանք. երգելու.
 Կո մի՞նչ չօրհն չմիտ կարգ.

[illegible]

QUR MU KUTUL

ረዕሴን ይሰጥኝ፣ ረዕሴን
 እንደ ሩዝ ሊቆይህ ረዕሴን
 ጸሐፊ ገጽ፣ ሰላምታዊ ርዕሴን
 እንደገና ሊቆይህ፣ የዚህ ስሜን

ԲԱՆԴ՝ ԵՎԹԵՍ ԸՆԼՍԻՄ՝
 ԼՔԵՆԵՍ ԼԵՍԻՍ ԹՎ ԵՍ՝
 ԵՆԻՔՍ ԸՇԵՍ՝
 ԼԵՔ. ԸՀՀԼ ԼՈՒԼԵՍ

1. **ԼՃՆ ԵՔՀՆԸ՝**
 2. **ՀԱՄԱ ԵՔԼԵ՝ ԵՔԵՎԵ**
 3. **ԵՔԵՎ ԶԳ ԵՔԵՔԵՐԸ՝**
 4. **ԶԵՔԵՐԸ ԶԳ ԵՔԵՔԵՎԸ՝**

ଭୁବନେଶ୍ୱର

כוס הפוכה

למצא כפות ידים שלה, לאחז בעדינות, לשמור.
בשכיל אהבה צריך שנים. והראיה לא רק מבט.
וקשה לשמור על אהבה. בזריחה ובשקיעה יש אור.
כוס הפוכה. אנו מדברים. והמרפסת כמו צלחת

של חזירים. דברים אחרים יש לכלם. זה שחרור אדיר.
טוב, היא לא בחרת משהו. מאשרים, יש לנו פנה,
וקשה עם חיים גילים. ולמטה סכסוך על מחיר.
אור על פנינו, אור על גופינו, אור מתחת, הכוס הפוכה.

מבט בוטה

שכחתי, איך את מנשקת.
גוף לא רגוע, לא שקט.
ומבט, למי את נותנת?
ושקט בחשך בולט.

מבט בוטה, רואה לילה.
מבט שורף, אשה משכילה,
אני מקשיב — את רגועה.
פרסקטיבה נכונה.

יש הגבלות בארץ זרה.
תדעי אני למענך.
מבט נקי־דרך.
תנועות תמימות. נשיקה.
היא מרימה את החזה,
ידים ומבט בוטה.

אלברט בן יצחק יעקב

מה את רוצה

אני מאשר ואת מאשרת

המון נחמה,

המון היסטוריה — כך את חושבת

לפסח תגובה.

וזאת מוזיקה במקוננת כביסה.

שם מכנסים, בגדים במים.

חלצה, לכלוך וגם אהבה.

לגעת בעבר — חדשנות גדולה

מאד מגרה. מה את רוצה?

כותונת לילה

בתנת לילה. גבך. מטה.

על הבמה הכל מתר.

בחלון תל אביב השבעה

מסתכלת: מה מסדר,

איך במטה, המון אהבה?

תקומי! והדמות בצלילה.

באמצע לא רק שדים.

מזרן וקול משולים.

על הכסא בתנת לילה,

כמו שאלה מאד חשובה.

בסוף נוגע בלבה.

קבלה עצמית — וקבלה.

וחיים — זה לא הבמה.

למצוא דרכים

מוקדש לבני - חייל ביחידת דובדבן

למצוא דרכים אל שאלה מוחלטת:
איך להשוות לתת ולקבל?
ומושגים כמו לעלות, לרדת
יצאו לאור מתוך הערפל.

למצוא דרכים אל שיא של הר גבוה,
להתכונן למשימה קשה
ולעלות וכמו גיבור קולנוע
לבוא לשם עייף אך מאושר.

למצוא דרכים אל עמקים במים
ולהרגיש אותם באמצע ים רחב,
לומר תודה לאל שבשמים
שמקבל וגם נותן ברכה.

למצוא דרכים?
- כן, בשביל זה חיים.

הפרחים

בעולם הנפלא יש כאלה פרחים
שאותנו כל עת בוודאי מברכים.
מלווים הם אותנו בכל החיים,
לא חשוב מי אנחנו ואיפה חיים.
לפעמים הפרחים שם לא נוכחים,
אז אנחנו מייד את נפשנו פותחים
ורואים שפרחים בלבנו חיים -
אהבה ותקווה בתוכנו נוטעים.

מה לא נשתנה

כשיום אחד עובר מגיע יום חדש.
מי שאהב פילפל אוכל כרגע דבש...
כן, משתנה הכל על פני האדמה
חוץ מדבר אחד - זאת נשמה חמה.
אנחנו מתקדמים איתה שנה - שנה
למרות שהעולם עוד פעם השתנה.

בוריס חנוכייב

ציפורי ציון

אויב אכזר כבש אותנו
ומארצנו התפזרנו.
אלפי שנים עברו מאז
ירדנו להרי קווקז.
כאן מעלינו חג הנשר -
רצה למנוע את הקשר
בין הנפש היהודית
והמולדת האמיתית.
אך התחזקו לנו כנפיים
כדי לעלות לירושלים.
והנה התגשם חזון -
אנחנו כבר בהר ציון.

ג'והורי

לקחתי על עצמי משימה קלה -
להסתובב בין בני הקהילה,
ללמוד צרכים ולשדר חיבה.
לדיאלוגים יש תמיד סיבה.
דיברנו לא מזמן על השפה.
אמרו על ג'והורי - קרוב מאוד סופה.
אך התערבה האם של בן חמש:
לג'והורי עתיד ארוך עוד יש.
הבן שלי למד, תודה לאל,
את השפה בארץ ישראל.
למד עם חברים, למד הוא בעצמו.
ויש תרומה קטנה גם של אמו.

מאחורי סעיף 5

הפקיד שאל אותי
האם אני יהודי.
כבלש הפקיד מביט.
תשובתי היא חיובית.
הסתכל הוא כמו שועל
ועוד שאלה שאל.
בגאווה עניתי אז:
עליתי מהרי קווקז.

- 17.Zand, Michael (1985). The Literature of the Mountain Jews of the Caucasus (Part I), Soviet Jewish Affairs 15 (2), 3-21.
- 18.Zand, Michael (1986). Notes on the Culture of the Non Ashkenazi Jewish Communities Under Soviet Rule, Soviet Jewish Affairs 16 (1).

ביבליוגרפיה

1. אלכסנדר, תמר (1986). הספרות העממית כביטוי לזהות אתנית. מסורות כרך ב', (47-31), ירושלים.
2. בהט שושנה ומישור מרדכי (1995). מילון ההווה, איתאב, תל אביב.
3. ברם חן (1997), עליית יהודי קאווקאז (היהודים ההרריים). יהודי ברית המועצות במעבר (18)3, (158-175), ירושלים.
4. זנד, מיכאל (1982). ספרות יהודי-ההר של קאווקאז, פעמים 13 (56-21) ירושלים.
5. חזן-רוקם גלית ואטנלוב יצחק (1993), אדם לאדם גשר, פתגמים של יהודי גורגיה בישראל, מכון בן צבי, ירושלים.
6. יוספוב, משה (1991). היהודים ההרריים בקווקז ובישראל, פרינטיב, ירושלים.
7. לוי, אבנר (1979). לשונות יהודיות במזרח ובמערב,
8. פעמים 1 (66-58) ירושלים.
9. מורג, שלמה (1993). תדפיס של הרצאה שניתנה באוני' העברית.
10. נוי, דב (1964). היהודים ההרריים-ה'טאטים'. מחניים צ"ג-צ"ד (30-39) תל אביב.
11. ניישטאט, מרדכי (1973). היהודים ההרריים במזרח קאווקאז, שבות 1 (74-86) תל אביב.
12. פולק, אברהם (1943). זריה- תולדות ממלכה יהודית באירופה, מסדה ומוסד ביאליק, תל אביב.
13. שריג יעקב, היהודים מקווקז: קשרים משפחתיים וזיקה פנים קבוצתית כמעצבי אופי התא המשפחתי בעד זז, עבודת גמר למוסמך, אוניברסיטת חיפה, פברואר 1983.
14. Krag Helen (1994), The North Caucasus-Minorities at a Crossroads, Minority Rights Groups, London.
15. Lazard, Gilbert (1989). Judeo Tat in Encyclopedia Judaica, Vol X, 442.
16. Yule, George (1985). The Study of Language, Cambridge, Cambridge University Press.

לבחון אותו כלעצמו. ראשית, יש לגישה כזו השלכות מעשיות ותקציביות שדורשות תשומת לב. צריך להבחין בין עידוד פעילות תרבותית על ידי תקציבים הניתנים מתוך תקציב הקליטה הישיר המיועד לסיוע בקליטה, תקציב לקליטת עולי קווקז במקרה זה, לבין שימוש בתקציבים המיועדים מלכתחילה לנושאי תרבות. במצב הקיים כיום עיקר העיסוק בנושא הוא של גורמי הקליטה⁸¹. הדרישה ל"תמיכה בתרבות" נשמעת פרדוכסלית, על פניה, בהתחשב בקיומם של צרכים בוערים יותר בתחום התעסוקה, החינוך, הדיור וכי"ב. לדעתנו, תפקידם של אנשי הקליטה איננו הקצאת תקציב לנושא, אלא פעילות להעלאתו אל סדר היום של גורמים העוסקים בתרבות ובחינוך, ומקצים לשם כך משאבים⁸². אימוץ גישה פלורליסטית הרואה חשיבות במתן ביטוי לזהויות שונות במסגרת הכללית של התרבות הישראלית צריכה לתת מקום למדיניות כזו מלכתחילה, וכאן אנו מגיעים לקושי השני בהעדפת השימור כמכשיר בתהליך הקליטה על פני השימור העומד כערך בפני עצמו. קושי זה הוא עקרוני ובסיסי יותר מההיבטים התקציביים.

המשמעות התרבותית של תהליך הקליטה קשורה בהנחות יסוד על מהות החברה והתרבות המתעצבות בישראל, ועל מקומן הראוי של מורשות תרבויות שונות בן. במובן האמור דיונינו כאן איננו מנותק מסוגיות רחבות יותר העומדות היום במרכז הדיון הציבורי בישראל. הפרדה בין מדיניות לשונית ככלי קליטה ובין מדיניות זו לכשעצמה אמנם מסברת את האוזן בניתוח הצרכים בטווח הקצר, אך אין ליחס לה משמעות רחבה יותר. בטווח הארוך, ובמישור העקרוני והמוסרי יש לקבוע האם השימור הוא ערך, או אם לאו. בטווח הקצר יש, כאמור, סתירה לכאורה בין השקעה ממוקדת בתחומי החינוך ובתחומים נחוצים אחרים, ובין השקעה בתרבות העולים, וזאת עקב מיעוט המשאבים.

יש קשר אינהרנטי בין שני נתיבי ההשקעה-הצלחה לטווח ארוך בפעולות הקליטה תצליח רק אם תכלול הכרה בזהותם של הנקלטים, ותאפשר לאלה לקיים תהליכי "שינוי מבפנים", במקביל לשינוי הנגרם כתולדה של הלחץ החיצוני. רק תהליכים בהם השינוי נעשה תוך שמירת זיקה להיסטוריה ולזהות התרבותית, ולפיכך כולל גם מרכיב של המשכיות, יכולים להבטיח לא רק קליטה מוצלחת בטווח הקצר, אלא גם בנית חברה פלורליסטית ומניעת הצטברות מתחים אתניים ותחושות תסכול על רקע תרבותי. מתחים שכאלה, כידוע עודם חלק בלתי נפרד מהחברה הישראלית כיום. מדיניות לשונית ותרבותית שיש בה הכרה ומקום לשפות ומורשות תרבותיות שונות נתפסת כריאלית יותר ואף כפונקציונלית במסגרת הדיון על קליטה. מעבר לכך מדיניות כזו נדרשת פשוט בגלל החשיבות שיש בה ביחס לזהות של קבוצת אוכלוסייה שונות בחברה- יחס שמשליך על זהותה ומהותה של החברה כולה.

⁸¹ אגפי משרד הקליטה, וגורמים הממונים על קליטה במשרד החינוך ובמשרד העבודה והרווחה.

⁸² מדובר בגופים המעודדים פעילות תרבותית, כדוגמת אגף התרבות במשרד התרבות וחברת המתנסים, ובגופים כמו האגף לחינוך מבוגרים במשרד החינוך והאגף לתוכניות לימודים העוסקים בשילוב תכנים תרבותיים בפעילות החינוכית הכוללת.

מסורת סיפורית ותרבותית בפני אנשים שאינם מבני הקבוצה אינה דבר פשוט. אחת הבעיות הבולטות ביותר היא שרבים מהמספרים אינם שולטים שליטה מוחלטת בעברית-שפת הרוב, וכך ההיגוד העילג הופך להיות סימן היכר של הקבוצה האתנית המציגה⁷⁸. אנו סבורים שלמרות זאת, יש חשיבות לטיפוח המדיום הסיפורי, שיכולת המסירה הקוגניטיבית שלו רבה ומשמעותית יותר מזו של אופני יצירה אחרים. אחד מאופני היצירה הלא רבליים האלה, שהיו מקובלים בישראל להצגתה של תרבות קבוצתית היה הריקוד העממי, שבו אופיינו עולי תימן בשנות החמישים ועולי קווקז בשנים האחרונות. במילים אחרות: עדיפה שפה 'עילגת' משתיקה. הקיום והשימור של שפת יהודי קווקז, והזיקה בינם לבין שמירת הזהות היהודית בקווקז ראויים ליתר הכרה במערכת החינוך. במיוחד אמורים הדברים בכלל הגופים והפעילויות המתייחסים לנושאים המורכבים של "זכרון קולקטיבי", "ערכים" ו"זהות" במישור ה"כלל ישראלי" ו/או ה"כלל יהודי". אנו סבורים שמערכות חינוך ותרבות בישראל צריכות לתת מקום למרכיבים שונים של זהות, ובתוכם גם לזהות ולתרבות שמביאים אתם יוצאי קווקז. במקום זה בדיון ראויים להישמע דבריו של פרופ' שלמה מורג: "...הצורך לטפח את מורשת העדות.. בא לשם חיזוקה של העדה בשימור קווים של מורשתה, ואימוץ אמונתה בערכם. קודם למעשה זה- הלימוד והמחקר.., והשימור- שני פנים לו- האחד- שימור של ארכיון, הדואג שהדורות הבאים יוכלו ללמוד ולהכיר נכסי אבות, והפן השני- השימור החי- המבקש לעשות קו מסוים במורשת נכס כללי של התרבות המתהווה בישראל"⁷⁹.

נדמה שבמורשת הג'והורי, ובמיוחד ביצירה הייחודית שבעל פה טמונים נכסים כאלה הראויים לשימור כזה. מעבר לכך, שימור חי טמון בשילוב של שלושת הגישות שהוצגו כאן ובאינטראקציה בינן. שילוב כזה יכול ליצור סיכוי לשינוי בדפוסי הקליטה של קהילת היהודים ההרריים עד כה.

השפה - ערך שיש לו חשיבות משל עצמו

מתוך ההמלצות שהובאו עד כה ניתן להסיק שחשיבותה העיקרית של הפעילות שהוצעה היא בתרומה האפשרית שלה לתהליך הקליטה של יוצאי קווקז החיים בישראל כיום. מידת משמעותה ונחיצותה של מדיניות לשונית לשם שימור השפה והתרבות כערכים העומדים בפני עצמם, ולא רק בהקשר של תהליך הקליטה, היא שאלה נפרדת. זו שאלה הקשורה בדינמיקה שעשויה להתפתח סביב פעילות השימור, בהתפתחות היצירה בשפה, ברצון להמשיך וליצור בה⁸⁰. יש קושי כמול בקביעה שחשיבות השימור היא קודם כל בהיותו חלק מתהליך קליטה, ורק אחר כך יש מקום

78 ראה תמר אלכסנדר (1986), עמ' 46.

79 מתוך תדפיס של הרצאה שניתנה באוני' העברית, 1993.

80 שאלת השימור בטווח הרחוק קשורה בשאלה לגבי מידת מרכזיותה של השפה עצמה בפעילות לשימור תכנים תרבותיים הקשורים בזהות של הקבוצה. ראה גם תמר אלכסנדר עמ' 46, גלית חזן רוקם עמ' 31-32.

יוצרת בעיות רבות⁷⁴. היהודים ה"רוסים" (ויוצאי קהילות אשכנזיות-רוסיות מכלל ברה"מ לשעבר) הם בעלי תרבות שונה ומנהגים שונים מאלה של הקהילה הקווקזית. יש היסטוריה של יחסים מורכבים, בין הקהילות, הכוללת גם תופעות של התנשאות מצד יהודים אשכנזים כלפי יהודי קווקז. ליחסים הבין קהילתיים היו פנים רבות, אך לעניינינו חשוב שבכללן היו גם מתח, ריב וזלזול, במיוחד בין יהודים אשכנזים שהיגרו לקווקז מרוסיה ובין יהודים "מקומיים"⁷⁵. לאור האמור, עדיף להעסיק במקרים כאלה עובד או "מגשר" בן הקהילה שיש לו היכרות עם השפה, ובמיוחד היכרות עם הקודים התרבותיים-לשוניים הרלוונטיים, גם כאשר השיחה מתנהלת ברוסית. דוגמא מובהקת לכך שכבר זכתה להכרה היא הצורך במגשרים למערכת החינוך⁷⁶. יש לקוות שהתפתחות דומה תחול גם בנושאים אחרים, במיוחד בישובים בהם יש ריכוזים גדולים של יוצאי קווקז.

השפה כחלק מנכסי התרבות של היהודים תושבי ישראל

שימור השפה ומציאת המקום הראוי לה צריכים להתבטא גם ביחס לתרבות הכללית בישראל. השפה, הספרות והיצירה בג'והורי הן תופעות היסטוריות משמעותיות בתולדות העם היהודי, שחלקים מרכזיים מתושבי ישראל רואים עצמם כממשיכי דרכו וכיורשי התרבותיים והן ראויות למקום ולאזכור. הסיפור העממי והשירה העממית בשפה זו הם בעלי ערך מוסף רב וייחודיות תרבותית ואסתטית שכדאי לשתף בהם את כלל הציבור. יש צורך גם בהמשך המחקר בנושא שפת יהודי ההר והיצירה התרבותית בשפה זו, ויש מקום למצוא דרך לשלב במחקר כזה עולים מקווקז וישראלים ותיקים.

מתוך התכנים התרבותיים השונים, כדאי לתת מקום מיוחד ליצירה העממית של יהודי קווקז. זו ראויה גם לתשומת לב במחקר ובאיסוף, אך גם לתמיכה שתאפשר התפתחותה כמרכיב חי בתרבות הישראלית. כך למשל כדאי לשלב יצירות עממיות וסיפורי עם במסגרות כלל ישראליות שבהן ניתן ביטוי לצורות יצירה כאלה⁷⁷. הצגת

⁷⁴ (יש מיעוט שכמעט ואיננו שולט ברוסית, ועובדה זו נעלמה מעיני קובעי המדיניות. למרות שמדובר באחוז קטן, לעובדה זו חשיבות כיוון שמדובר באוכלוסיה הנחקלת בקשיי קליטה רבם במיוחד. ראה הערה 28).

⁷⁵ ראה אלטשולר, תש"ן, 467-477, וברם 1997, 173.

⁷⁶ עקב קשיים שהתעוררו בקליטת תלמידים וקווקזי במוסדות החינוך הייתי (ב.ח.) שותף ליוזמה להפעלת פרויקט מגשרים קווקזיים שמופעל היום על ידי משרד החינוך, ולקליטת מדריכה ארצית, בת הקהילה, שעוסקת בין השאר בהדרכה של מנהלים ומפקחים בנושאים הקשורים לתרבות יוצאי קווקז. (יש לציין שגם במקרה זה לא היה בתחילה קונצנזוס על החשיבות של העסקת בן הקהילה דווקא בתפקיד זה, אולם כיום אין ספק שלצורך תפקיד כזה נדרשת היכרות אינטימית עם התכנים התרבותיים הרלוונטיים).

⁷⁷ דוגמא אחת למסגרת רחבה עכשווית בה ניתן לתת ביטוי היא "פסטיבל מספרי הסיפורים" המשודר בקול ישראל. צורת ביטוי נוספת, בתחום המשלב יצירה עממית ומחקר אקדמי ניתן לראות בספרים שיצאו לאחריהם ובהם התייחסות למסורות עממיות של קבוצות תרבותיות שונות בארץ. דוגמא לכך הוא אוסף ספורים עממיים של יוצאי אתיופיה שערכה ד"ר תמר אלכסנדר, ואוסף פתגמים של יוצאי גורגיה (גרוזיה) שליקטה פרוף גלית חזן ורקס בסיוע יצחק אנטלוב (1993).

שיכולים להתמודד עם המציאות החדשה בישראל ועם הצורך להוביל שינוי בתחומים מסוימים. פעילות כזו יכולה לעודד שינוי "מבפנים" תוך שמירה על המשכיות. לשינוי כזה יש סיכוי רב יותר להצלחה מאשר לשינוי מתוך לחץ הבא מצד סוכני קליטה שונים, שינוי שנתפס כדרישה מצד החברה הקולטת "להשתנות" ו"להסתגל" תוך ויתור על הזהות הקודמת. לחץ כזה מעורר לעתים קרובות תהליכים של ניתוק והתנגדות. אנו מליצים על מתן תמיכה תקציבית לעידוד פעילות יוצרת בעלת משמעות קהילתית כגון פעילות בימתית, תמיכה בכתבי עת ובכותבים בשפה. אנו ממליצים, כמו כן, על מציאת ביטוי נאות לתרבות יהודי קווקז ובכלל זה גם לג'והורי בפעולות חינוך המיועדות ליוצאי קווקז. אנו מקווים שתוקם מסגרת הולמת של שידורי רדיו בשפה זו (ואולי גם שידורי טלוויזיה קהילתיים) שיוכלו לשמש במה ליוצרים. מבין התחומים הנזכרים, יצירת מסגרת הולמת לשידורי רדיו הוא התחום היחידי שגורמים ממשלתיים כבר הכירו בנחיצותו בעקבות ההכרה הגוברת בצורך להתייחסות ייחודית לעולים מקווקז, הכרה שבאה לידי ביטוי בהמלצת קבינט הקליטה של ממשלת ישראל⁷². המלצה זו יכולה להוות בסיס לשינוי ראשון בהתייחסות לג'והורי, עם זאת יש לשים לב כי תוכנית זו נתפסת, בעיני הגורמים המחליטים, כרלוונטית בעיקר בשל הפונקציה המיועדת לה - להעביר מידע בנושא סיוע. לדעתנו יש ליצור מצב בו התפוך תוכנית כזו לבמה תרבותית משמעותית, ולא רק לצינור להעברת מידע. דבר זה יקרה רק אם יוקדשו לכך תשומת לב ותכנון מתאימים, בהעדרם של אלה, תהווה תוכנית כזו מרכיב נוסף הקושר את הג'והורי לדימוי של חולשה והזדקקות לסיוע⁷³.

שפה וזהות תרבותית במגע בין מערכות הקליטה לעולים.

אנו רואים חשיבות מעשית בהתייחסות ובהתחשבות בשפה בפעילות הקליטה. יש לכך חשיבות בכל הקשור באינטראקציה בין קולטים, בעיקר סוכני קליטה שונים, לנקלטים. חשיבות זו מתבטאת במיוחד ביחס לקליטת עובדים עולים במערכות השונות. הנחת העבודה הרווחת ביחס לנושא זה היא *פונקציונאליסטית*. עד לאחרונה סברו קובעי מדיניות ומקבלי החלטות ברשויות שונות הבאות במגע עם העולים כי קליטת כוח אדם דובר רוסית מספקת גם את הצורך בתקשורת ובהתחשבות בבני הקהילה הקווקזית, וזאת משום שרוב רובם של בני הקהילה מדברים רוסית גישה זו

⁷² החלטת קבינט הקליטה מיום 3.4.97 (רשומה ענף 13) העוסקת ב"דפוסי קליטה וטיפול חדשים בעולים חדשים בני עדת קווקז" כוללת גם החלטה *"להמליץ"* בפני רשות השידור להנהיג תוכנית שידור יומית רדיו בת חצי שעה, 5 פעמים בשבוע, שתכלול, בין השאר, מידע כללי והודעות על הסיוע הניתן לבני העדה בליווי הסברים והדרכה מתאימים. המלצה על תוכנית רדיו נכללה במסמך "עולי קווקז- תמונת מצב והמלצות למדיניות" שהועבר לשר הקליטה ע"י כותב שורות אלו (ח.ב.) עוד במרץ 1996. פעולות למימוש המלצה זו ברשות השידור נכשלו עד כה, וגם הפעם ההחלטה עדיין אינה בשלבי ביצוע, אך יש לוות שתביא לקידום העניין.

⁷³ להערכתנו יש לראות בתוכנית רדיו קודם כל כלי לתקשורת ויצירה בתוך הקהילה. כיום נתפס הצורך בתוכנית כזו בעיני מקבלי ההחלטות בהקשר של יצירת מגע בין מערכות הקליטה לעולים, על כן בחרנו לדון בכך בסעיף זה, ולא בסעיף העוסק במגע בין הרשויות לעולים.

מכשיר לפעולה לחיזוק קהילת יוצאי קווקז בארץ, וגשר שבאמצעותו יוכלו לחזק את הקשר עם הקהילה על מגוון השכבות שבה.

בשנתיים האחרונות החל תהליך של שינוי איטי ביחס לדפוסי הקליטה של יוצאי קווקז. תהליך זה קשור בפעילות של סוכני קליטה שונים מחוץ לקהילה ובפעילות של גורמים בקהילה עצמה המעוניינים לשנות את מצב הקליטה בתחום החברתי והתרבותי⁷⁰. חברים רבים בקהילה מביעים את הרצון ש"יכירו אותנו באמת, שיכירו את הצדדים היפים של תרבותנו". ניסוחים כאלה ודומים להם מבטאים את הרגישות הרבה בקהילה לשאלות של *כבוד* ושל *הכרה* במישור האישי וגם במישור הקבוצתי-קהילתי. נדמה שהעולים שואלים את עצמם: "האם אנו חלק מהחברה, והאם יש לנו ולזהותנו התרבותית מקום במכלול התרבותי של ישראל?"

שפת יהודי קווקז- הצעה לעיצוב מדיניות לשונית

תחומי התייחסות אפשריים לשפה

מדיניות לשונית וכן מדיניות בתחומי הקליטה ובתחומי החינוך והתרבות צריכות לדעתנו להתייחס לעקרונות הבאים:

1. השפה היא נכס של זהות ויש אפשרות להשתמש בנכס זה.
2. השפה היא מרכיב שיש להתחשב בו בשאלות מעשיות של מדיניות הקליטה. השפה היא כלי תקשורת במובן הרחב של המלה (תקשורת של סמלים, הקשרים תרבותיים ומשמעויות נרמזות). יש לתת את הדעת על יחסי הגומלין שבין 'צורה' ו'תוכן'.
3. השפה היא חלק מ"מאגר נכסי התרבות" הכלליים של היהודים היושבים בישראל.

השפה כמבטאת זהות:

תקשורת פנימית ויצירה תרבותית

תחום ההתייחסות זה קשור לפעילות בשפה ככלי של תקשורת פנימית ויצירה תרבותית בקהילה. אנו רואים מקום לעידוד פעילות תרבותית בג'והורי. יש בקהילה אנשים בעלי כישורים המעוניינים בכך: סופרים, משוררים, אנשי תיאטרון ואנשי תקשורת. ערכה של פעילות כזו הוא בראש ובראשונה במתן *כבוד אמיתי (להבדיל מסימנים של כבוד)*, מתוך תפיסת עולם פלורליסטית, לצרכים תרבותיים הקשורים בשפתה הייחודית של קבוצה אתנית מסוימת. זוהי גישה הפוכה לגישה שרווחה בעבר בישראל, גישה "כור ההיתוך" שגרסה מחיקת זהויות קודמות. פעילות כזו יכולה גם להביא לעידוד הקשר בין האינטליגנציה בקהילה לשכבות משכילות פחות ולחיזוק המבנה הקהילתי על בסיס חיובי⁷¹. ערך מוסף של פעילות כזו הוא כוחה לעודד אנשים

⁷⁰ מאז 1995 החל תהליך של זיהוי הקהילה הקווקזית כקהילה בעלת זהות וצרכים הייחודיים לה, בניגוד למגמה הקודמת של תפיסת כלל העולים מברח"מ לשעבר כ"רוסים" או "סובייטים" (ראה הערה X)

⁷¹ (ראה הדיון בעמ' 13)

תלמידים בני קבוצה זו⁶⁷. להערכתנו, המחזיקים בתפיסה זו מקשרים ללא כל בסיס בין רב לשוניות, יכולת למידת שפות וטיב הקליטה במוסדות חינוך. הקשיים הלימודיים של בני הקבוצה קיימים אמנם, אך הם נובעים ממרכיבים תרבותיים אחרים ומקשיים הקשורים בקליטת יוצאי קווקז בארץ, קשיים המצריכים דיון נפרד. לדעתנו ההיסטוריה של ההתנהגות הלשונית אצל יוצאי קווקז מגלה, בניגוד לדעת רבים מהקולטים, שהרב לשוניות היא יתרון וערך פוטנציאלי שיש לעודדו ולנצל אותו כמשאב תרבותי התורם לתהליך הלמידה ולכושר הלשוני והקוגניטיבי של התלמיד. התפיסה השלילית הרווחת כלפי מה שמכונה, בפי כמה מהעוסקים בחינוך, "חוסר מוקד לשוני", ביחד עם היעדר הערכה כלשהי לשפה כמבטאת תרבות, מגדילים את המתח הקשור בזהות הקווקזית בארץ, המשתקף גם בתפיסה הדו-ערכית של יוצאי קווקז את עצמם. במהלך מחקר שדה, בחורף 1994 נמצאו גם ביטויים של קוד התנהגות לשוני, המראה את הקשר שבין שפה והפגנת או הסתרת הזהות: דוברי ג'והורי נוטים לשנות את שפת הדיבור לרוסית כאשר מתקרב אליהם איש שאיננו מבני הקהילה⁶⁸. איננו יודעים אל נכון עד כמה נפוצה תופעה זו, ומה מצב הדברים כיום, אך גילוייה מתאימים לממצאים אחרים הקשורים לדילמות של זהות בתהליך הקליטה בחברה. העולה מרגיש שחברה זו מבטלת אותו, מתנכרת לקיומו ואף מזלזלת בזהותו⁶⁹.

תהליך נוסף הקשור בדילמות הזהות והשפה הוא תהליך "ברחת האינטליגנציה". ממצאים מראים שחלק מאנשי האינטליגנציה ומהאליטה של קהילה זו מעדיפים שלא להפגין כלל את זהותם הקווקזית. חלקם מעדיפים להתגורר בישובים בהם אין ריכוזים של עולים ואין הכרות עם הקהילה, וממילא יש בהם גם פחות משמעות לסטיגמות הקשורות בה. בישובים אלה הם יכולים להציג עצמם פשוט כ"רוסים". אולם למרות הבחירה הפרגמטית מפגשים עם עולים אלה מראים שהם מרגישים בחסר בשל ההינתקות מהזהות ומהקהילה, כפי שהעידה אישה יוצאת קווקז שעברה לעיר שאין בה קהילה קווקזית: "אני כבר מתגעגעת לראות אנשים שלנו ולשמוע את השפה שלנו". עולים מקרב השכבות המשכילות של הקהילה, שחלקם אינם גרים עוד בריכוזים של יוצאי קווקז בארץ, רואים בקשר לשפה ולתרבות הקווקזית

⁶⁷ השווה hanegbi... דברים ברוח זו הושמעו גם ע"י הגב' גיסייה קמייסקי, לשעבר עובדת בכירה ב'עליית הנוער', בהשתלמות שנערכה בג'וינט ישראל בנושא עולי קווקז בתאריך מרץ 1997.

⁶⁸ חן ברס, מחקר שדה, 1984.

⁶⁹ במגש שהתקיים ביוני 1997 בין קבוצת ישראלים ותיקים לעולים מקווקז בישוב כפרי קטן סיפר הדובר על שפתו: "יש לנו שפה מורכבת מאד, יש גיב הודי (כוונתו, כפי שהסתבר אח"כ כנראה הייתה לפרסית, שהיא שפה הודו אירופאית), טורקית, ערבית, ארמית ועברית תנכ"ית. כאשר נשאל האם הילדים לומדים את השפה, ענה כהאי לשונא: "יש להם קצת הבנה- אך [ה] לחץ הסביבתי- שאנו קווקזים- עם החברים הם קצת התביישו... היום- יש להם גאווה בזה, שאנחנו קווקזים..." גם בישוב זה, בסביבה כפרית השונה מאד מהריכוזים של יוצאי קווקז בערים ובעיירות, סבלו הילדים בבית הספר האזורי מתיוג בשל מוצאם וכך התרחקו גם משפתם. ברוב הריכוזים של יוצאי קווקז, עדיין לא השתנה המצב. המצב בישוב שונה, לדעת הדובר שצוטט לעיל, לדעתו ביישוב מגוריו הכפרי יש כבר לילדים שבגרו גאווה מחודשת בתרבותם.

שמחה ובשעות של אבל⁶⁴. בכינוסים פומביים מאורגנים של יוצאי קווקז נדחקת הג'והורי ובדרך כלל לא זוכה למקום ראוי בתוכנית כפי שהיא נקבעת על יד המארגנים- שהם בדרך כלל סוכני גופים ציבוריים שונים ופעילים מקרב הקהילה העובדים עבורם. אלה פועלים בדרך כלל על פי הדפוסים שמתווים להם סוכני הקליטה. בכל זאת, בכינוסים שתועדו במסגרת עבודת השדה במספר הזדמנויות עלו על הבימה אמן שדיבר וקרא שירים גם בג'והורי, או זמרים ששרו בג'והורי, ואלה זכו להערכה מיוחדת מהקהל.

המאפיינים הלשוניים של יהודי קווקז בישראל טרם נחקרו די צרכם, אולם מעבודת שטח שנערכה בקרב יהודי קווקז בישראל ניתן ללמוד על חלוקה ברורה בין "בית" ר'חוץ', כאשר הרוסית והעברית משמשות ב"חוץ". הג'והורי נדחקת מפני הרוסית והעברית, אך במשפחות רבות יש לה עוד חשיבות כשפת דיבור נוספת בתוך הבית ובתוך הקהילה. דפוסי השימוש בשפות הולכים ומשתנים ונראה שבקרב מרבית העולים כיום הרוסית תופסת מקום דומיננטי גם בבית. קיימת היררכיה ברורה כשהשפה ה'עליונה' היא הרוסית, וה' נמוכה' יותר היא הג'והורי⁶⁵.

תהליך השינוי מלווה בדפוסים דיפרנציאליים בתקשורת הבין- דורית. הג'והורי משמשת בתקשורת בין הורים וצאצאים, אך רוב הילדים הנולדים בארץ מתקשרים ברוסית בתוך הבית ובעברית, ולעתים גם ברוסית, מחוץ לבית. מכאן למדים שאצל הצעירים תופסת הרוסית את מקומה של הג'והורי כ"שפת בית", ואילו העברית תופסת את מקומה של הרוסית כ"שפת חוץ". שינויים אלה קשורים בפן נוסף של ההבחנה "פנים- חוץ" ברובד הקהילתי. ביישובים רבים נוצרו קהילות של יוצאי קווקז המובחנות מאלו של יוצאי רוסיה שלהן יש גבולות ברורים, אך יש חוסר שביעות רצון בקרב יוצאי קווקז מהזדיו הקשור בזהות קהילתית זו. חוסר שביעות הרצון קשור בסטיגמות שליליות שהודבקו ליוצאי קווקז. הדברים נכונים במיוחד לגבי אותו ציבור גדול שחי ביישובים בהם יש "שכונות קווקזיות" גדולות. הזהות הקווקזית עבור תושבי חלק מריכוזים אלה הופכת להיות עובדה שיש להצניעה- במיוחד במגעים עם סוכני קליטה, ועם בני הקבוצות האחרות, מאידך גיסא, גודלם של הריכוזים של יוצאי קווקז ביישובים אלה והמבנה הקהילתי שבו יש חשיבות רבה לקשרי שארות מקשים על הצנעת הזהות⁶⁶. מעמד השפה בקרב בני הקהילה קשור גם ביחס של סוכני חינוך שונים למאפיינים הלשוניים של עולי קווקז. בקרב חלק מסוכני החינוך התגבשה תפיסה לפיה הרב-לשוניות של העולים היא מגבלה שגוררת הישגים נמוכים בלימודים אצל

⁶⁴ בארועים כאלה, כגון חתונות ולוויות, ממשיכה להתקיים ולהתפתח יצירה בסוגות שונות של שירה עממית, כגון קינות ושירת שמחה. בתנאים של אלה מתבטאים כבר שינויים המתייחסים לקורותיה של הקהילה בארץ בעקבות העלייה האחרונה (ראה הערה 42 לעיל).

⁶⁵ ביטוי להיררכיה זו ניתן למשל למצוא בכך ששאלות מילים מהלקסיקה, לעיתים תוך התאמה מורפולוגית לשפת היעד, תעשה מרוסית לג'והורי ולא בכיוון ההפוך.

⁶⁶ יש בידינו עדויות רבות מהשנים 1997-1193 על בני קהילה המעדיפים להזדהות כ"רוסים" ולא כ"קווקזים".

רבים בעקבות הפסקת המימון להוצאתה⁵⁸. כיום יש דף קשר בשם זה במקומון חדרתי ותו-לאו⁵⁹.

אם נסכם את שני הניסיונות הללו, נוכל לראות שמתבטא בהם יחס אינסטרומנטלי לשפת יהודי קווקז: השפה זכתה להתייחסות כל זמן שנחשבה לערוץ קשר שכדאי להשקיע בו כחלק ממדיניות חיזוק הקשר עם היהודים בברה"מ והפעולה להבאתם לישראל. לאחר שפעולת העברתם של היהודים לישראל הצליחה, לא נמצאה דרך לקדם את הג'והורי ולהעביר את הטיפול בתכנית הרדיו ובעיתון לידי גופים שיש להם השפעה על המדיניות התרבותית והלשונית בישראל. במילים אחרות- המשימה הושלמה, ותפקידה האינסטרומנטלי של השפה נסתיים...⁶⁰. קובעי המדיניות והמממנים לא תפסו, איפה, את הפעילות התרבותית בשפה כמטרה שיש לה ערך כשהיא לעצמה, אלא ככלי להעברת מסרים אל הקהילה⁶¹.

בני הקהילה החיים בישראל והשפה

החשיבות הסימבולית של הג'והורי לבני הקהילה היושבים היום בישראל קשורה לא רק לשפה הכתובה (המשקפת את אחד מארבעת הלהגים של הג'והורי-זה הדרבנטי), אלא גם לשפה המדוברת כ' שפת בית' וכ' שפת היגוד' (Narration⁶²), כניב של קבוצה (Ethnolect), ואפילו כניב של יחיד (Idiolect) בחברה דוברת עברית או רוסית, שכן גם מבחינת הגדרת זהותו של היחיד In many respects you are what you "say"⁶³.

השימוש בשפה ושימורה ככלי לביטוי תרבותי מתרכז בישראל בתחום היגוד הסיפור והשירה העממית. לביטוי תרבותי בכתב בג'והורי, להוציא את העיתון 'גובלאי' שהוזכר לעיל, אין כמעט נוכחות, כתוצאה מהפגיעה ברצף התרבותי של הג'והורי ככלי הבעה בכתב בתקופה הסובייטית.

יש חשיבות לעובדה שלמרות הדומיננטיות של הרוסית בקרב יוצאי קווקז, ולמרות שחלק מהיוצרים מבני הקהילה פועלים כיום בעיקר ברוסית, לג'והורי יש עדיין חיות וחיוניות. השפה אינה רק שריד מנוון המשמש לתקשורת בעיקר בתוך המשפחה, היא גם מרכיב תרבותי ברמה הקהילתית, שיש לו ביטוי בהתכנסויות קהילתיות, בעתות

בראשיתו כאשר חופסקה התמיכה בכתב העת. לאחרונה התקיים בחדרה מפגש של אקדמאים קווקזים עם סופרים ויוצרים יוצאי קווקז ('אמצע חדרה' 16.5.97) המהווה אולי ניסיון לחדש יוזמה זו.

58 בסה"כ יצאו 22 חוברות.

59 מפרופ' מיכאל זנד (תקשורת אישית, 3.4.97) למדנו על ניסיון לארגן תיאטרון בשפת יהודי קווקז בבאר שבע שלא עלה יפה.

60 זו התייחסות שבה משוקעת האידאולוגיה של "כור ההיתוך".

61 למרות ההקשר הפוליטי השונה, מעניין להשוות את היחס לשפה במקרה זה להתייחסות לשפה, כפי שהיא באה לידי ביטוי בתמיכה השלטונית הסובייטית בכתבי עת בג'והורי בקווקז.

62 שפת היגוד-שפה שמספרים בה סיפורי עם פתגמים משלים וז'אנרים אחרים של יצירה שבע"פ (ראה גם דיון אצל תמר אלכסנדר (1986), עמ' 45-47).

63 יול (1985), עמ' 193.

פעילות כזו, שהיה בה בין השאר גם מרכיב של הכרה כלשהי מצד גורמים רשמיים בישראל כלשהי בשפת יהודי קווקז, התבטאה עד היום בעיקר בשתי מסגרות. הראשונה שבהן הייתה תכנית רדיו בג'והורי במסגרת שידורי "קול ציון לגולה" בגלים קצרים. זוהי תכנית בת רבע שעה שעדיין משודרת כיום. לידתה של התכנית במאבק, שניהלו בשנות השבעים מספר אנשים מהקהילה ומחוצה לה⁵³. התוכנית הביאה למאזיניה ידיעות מישראל, והייתה חלק מהמאמץ ליצירת קשר עם בני הקהילה היושבים בברה"מ⁵⁴. השידורים זכו להצלחה רבה בקווקז⁵⁵. כיום התכנית משודרת עדיין באותה מתכונת, בגלים קצרים-בתדר המיועד לקווקז, מבלי לקחת בחשבון את השינויים במצב הקהילה וצרכיה כיום, ובראש ובראשונה את העובדה שרוב הקהילה נמצאת כיום בישראל⁵⁶. במסגרת השידורים לעולים ישנה התייחסות כלשהי לשפות שונות, וביניהן רוסית, אמהרית, צרפתית, ספרדית, בוכרית ועוד, אך אין התייחסות לקהילת יוצאי קווקז ושפתה. מצב עניינים זה גורם לרגש קשה של קיפוח בקרב פעילים בקהילה. היום, לאחר גל ההגירה הגדול של יהודי קווקז לישראל, נשאלת השאלה אם אין מקום לשנות את הצורה ואת התוכן של השידורים, וליצור תוכנית שתאפשר במה לביטוי תרבותי ויצירת קשר בין חלקיה השונים של קהילת יוצאי קווקז המפוזרים ברחבי ישראל.

מסגרת נוספת בג'והורי הייתה כתב עת בשם "גבלאי" (גאולה) שהחל להתפרסם ב-1988 בעריכת גב' נעה ישי מחדרה. כתב העת כלל גם חלקים בעברית. הגיליון הראשון יצא לכבוד שנת הארבעים למדינת ישראל. את הוצאת החוברת מימנה, תחת שמות שונים, "לשכת הקשר" -גוף שעסק בקשר בין מדינת ישראל ויהודי ברה"מ והיה אז חשאי למחצה. החוברת כללה חומר על ישראל ולצדו טקסטים בעלי תוכן תרבותי של יהודי קווקז (שירים, התייחסות למחקרים בנושא ועוד). החוברת נשלחה לקווקז, במטרה להפיץ אותה שם בקרב בני הקהילה⁵⁷. חוברת זו חדלה סופית להופיע בראשית 1996 לאחר קשיים

53 ראו ליצין בהקשר זה את מאמציו של צבי עופר דל, חבר קיבוץ יפעת ואיש לשכת הקשר בדימוס.

54 בתקופה בה מדובר נעשה מאמץ ממלכתי רב לסייע ליהודים מברה"מ המעוניינים בכך להגיע לישראל, למרות המגבלות על יציאת יהודים שהוטלו עליהם השלטון הסובייטי. תוכנית הרדיו השתלבה במגמה זו.

55 ע"פ עדויות שונות של בני הקהילה שהגיעו מאז לישראל.

56 נתקלנו ביוצאי קווקז בארץ שאינם מודעים כלל לקיום התוכנית, ושמחו לשמוע על קיומה. אחרים מצרים על כך שהתוכנית משודרת בשעת כניסת שבת, שעה בה אין פנאי להאזין לתוכנית (הבעיה אינה הלכתית אלא קשורה לאופי המסורתי ולסדרי החיים).

57 בראיונות שערכתי (ח.ב.) למדתי על המאבק שקדם להוצאת חוברת זו. בין השאר שמעתי על פקיד בכיר באחד הארגונים העוסקים בקליטה, שהתנגד זמן רב להוצאת החוברת. בפגישה עם כמה מבני קהילת יהודי מורח קווקז בברית המועצות ראה אותו בכיר כיצד מנסקים (!) את החוברת ואז שינה דעתו. עולים רבים שהגיעו מקווקז בשנים האחרונות, במיוחד מקרב האינטליגנציה של הקהילה בדגאסטון, זוכרים לטובה חוברת זאת. עם זאת יש גם עדויות על תקופות בהן נשלחו חוברות לקווקז אך בפועל לא הופצו שם. לעומת הצלחה זו ההיכרות עם החוברת בקרב יוצאי קווקז בארץ והצלחתה להפוך לבמת ביטוי קהילתית מעבר לתפקיד שיועד לה על ידי המממנים, מוגבלים יותר. זו תולדה ישירה של היעדר משאבים ותמיכה וגם של מבנה קהילתי מורכב ומפוצל בקרב הקהילה בארץ. סביב כתב העת "גבלאי" נעשה ניסיון לבש מסגרת לפעילות של יוצרים ואינטלקטואלים יוצאי קווקז, שהיה עדיין

תחום המחקר הוא התחום היחיד שבו הייתה התייחסות בישראל לשפת יהודי קווקז ותרבותם, בעיקר בזכות פעלם של הפרופסורים מיכאל זנד ומרדכי אלטשולר מהאוניברסיטה העברית. התשתית שהניחו חוקרים אלה בשדה המחקר האקדמי אפשרה במידה רבה גם את כתיבת מאמר זה. יחד עם זאת, כפי שצינו כבר בדיון אודות השפה, יש עוד מקום רב למחקר בנושא⁴⁹. מעבר למחקרים אלה, ההתייחסות המחקרית לקבוצה זו נותרה בגדר תחום שלמעטים מאוד יש היכרות כלשהי עמו, ועדיין לא קם דור חדש של חוקרים שימשיך את הפעילות בנושא.

למרות שהמחקר הניח תשתית להכרת השפה, ולמרות שהייתה מעורבות של החוקרים בפעילות ציבורית לקידום הנושא, נותרה ההיכרות בתחום הציבורי הרחב עם השפה ועם הצרכים התרבותיים של יוצאי קווקז מזערית⁵⁰. למצב דברים זה יש ביטוי לא רק בהתייחסות המועטה לשפת יהודי קווקז במסגרות העומדות בפני עצמן, אלא גם באזכור המועט של יהודי קווקז כציבור במסגרות רחבות יותר בתחום הביניים של הידע הפופולרי-מסגרות העוסקות בקהילות ישראל ומסורותיהן התרבותיות- כמו תכניות לימודים, ספרי לימוד ופרסומים של לשכת ההסברה⁵¹. גם בתחומי התיעוד והתרבות בכלי התקשורת אין התייחסות ישירה לנושא השפה. קיים קשר ברור בין ההכרה הכללית ביהודי קווקז כקבוצה שיש לה תרבות בעלת ערך משלה לבין השאלות הקונקרטיות יותר של מדיניות לשונית.

על מצבה של הג'והורי בישראל כיום

פעילות בג'והורי בישראל והמדיניות כלפי השפה

ככלל, ניתן לקבוע שעד עתה כמעט שלא ניתן ביטוי לקיומה של הג'והורי במסגרות רשמיות כלשהן בישראל. מצב זה קשור לחוסר ההכרה או להכרה הלקויה בעצם קיומה של הקהילה הקווקזית⁵². ההתייחסות לשפה זו עד כה במסגרות שונות בהן ניתןו ביטוי ותמיכה לפעילות וליצירה בשפות שונות הייתה מזערית ושיקפה בעיקר מאמצים של יחידים למצוא מסגרת כלשהי בה תוכל להתקיים פעילות בשפת יהודי קווקז, ואשר בה תבוא לידי ביטוי הזהות הקשורה בשפה.

⁴⁹ ראה זנד... דברים אלה אמורים לגבי חקר השפה, אך נכונים גם לגבי תחומים נוספים.

⁵⁰ התמיכה היתה, בין השאר, בסיוע למפעלים השונים שמוזכרים בהמשך- השידור ברדיו וכתב העת 'גובלא'.

מספרם הקטן של בני הקהילה עד שנות התשעים הוא גורם מרכזי לחוסר ההיכרות עם השפה ועם הצרכים התרבותיים של יוצאי קווקז.

⁵¹ לשכת ההסברה הוציאה סדרת חוברות העוסקות במספר תפוצות יהודיות.

⁵² בהרצאה שניתנה בכנס האגודה הסוציולוגית (ברס, פברואר 1997), הראינו שעד אמצע שנות ה 90 הייתה נטייה בקרב החוקרים ומעצבי המדיניות להתייחס לכלל העולים מחבר העמים כאל גוף אחד. הקהילות הקטנות יותר דוגמת קהילת היהודים ההרריים יצאו ניזוקות מכך.

סיפורי העם הקווקזיים בישראל, עשויה לגרור גם שינוי של המרכיבים הצורניים בו, תהליך זה הוא סבוך, מורכב, ונמצא אך בראשיתו.

פעילות בשדה המחקר והידע הפופולרי

את ההתייחסות לתרבות יהודי קווקז בתחום האקדמיה והידע הציבורי ניתן לחלק לשני חלקים:

- א. פעילויות לתיעוד ושימור המסורת התרבותית כמו חקר הפולקלור או המוסיקולוגיה, שחלקן נעשות במסגרות אקדמיות, וחלקן הוא פרי פעילות שאינה אקדמית בהכרח ונעשית בעיקר ע"י בני הקהילה.
- ב. מחקר אקדמי אודות הקהילה.

פעילות אקדמית בתחום תיעוד ושימור המסורת האורלית של יהודי קווקז בישראל נעשתה על ידי מעטים בלבד. פרופ' דב נוי עסק באיסוף ובחקר הסיפור העממי של יהודי קווקז. הסיפורים שתועדו שמורים באסח"י⁴⁴. חלק מהסיפורים זכו גם לפרסום ולניתוח⁴⁵, בשנים האחרונות נעשית גם עבודה באיסוף וחקר יצירות מוסיקליות עממיות של יהודי קווקז ע"י פרץ אליהו מאוני' בר אילן, אתנו-מוסיקולוג ומלחין יליד קווקז. במחקר מסוג זה יש פוטנציאל לתרומה משמעותית לחקר תרבות יהודי קווקז מזוויות חדשות⁴⁶. יש לקוות כי איסוף היצירות יאפשר בעתיד גם התייחסות לטקסטים בנוסף למרכיבים המוזיקליים ובכך תהיה תרומה גם לחקר הג'והורי והיצירה בה⁴⁷. לבד מפעילות זו יש ניצנים של פעילות איסוף מורשת ותרבות בקרב יוצאי קווקז בישראל. ספרו של משה יוספוב, שהוזכר כבר הוא דוגמא לכך⁴⁸. עם העלייה בשנים האחרונות מהקווקז נוספו לקהילה כוחות בשדה היצירה ובשדה המחקר, ויש לקוות שאלו ימצאו דרך לבוא לידי ביטוי.

43 תמר אלכסנדר (1986), עמ' 45.

44 מוסרי הסיפורים באוסף זה באו בעיקר מקרב יוצאי קווקז שעלו לארץ בתחילת המאה. יש מקום לחדש מפעל זה ולשמר את המסורות שמביאים איתם יוצאי קווקז היום. דוגמא לתרומה של מפעל כזה להבנת תהליכים חברתיים הקשורים בקליטה ניתן לראות בעבודתו של יעקב שריג (1983) העושה שימוש נרחב בניתוח סיפורים כאלה.

45 ראה נוי (1964).

46 עבודתו המוזיקלית והתיעודית של אליהו, במסגרת המרכז למוזיקה מזרחית בירושלים, מצביעה גם על אפשרויות של תרומה לתרבות המוסיקלית הישראלית תוך שימוש במסורות של יהודי קווקז.

47 עבודתו של אליהו לא פורסמה עד כה בעברית. היא זוכה להתעניינות ולתמיכה בארצות המערב יותר מבישראל. לאחרונה היה מרכז 'מיתר' שותף ליוזמה לאיסוף יצירות בג'והורי מתוך עבודתו של אליהו במטרה לתרגמן לעברית ולרוסית. במסגרת זו נאספו מספר טקסטים בג'והורי, אך המשך הפרוייקט תלוי, למרבה הצער, במימון נוסף.

48 התייחסות ספרותית למורשת יהודי קווקז ניתן למצוא בספרו של ניסים אלישיבי "מקווקז לירושלים". שמעיה שלמייב פירסם גם הוא ספר, אספני ודוקומנטרי, ברוסית אודות יהודי קווקז.

רבים מהכותבים בני הקהילה היהודית הררית, שפרסמו את יצירותיהם בשנות השישים בכתב העת 'זוטן סובייטימו' ("המולדת הסובייטית") כתבו את היצירות ברוסית תחילה, ומסרו אותן לתרגום לג'והורי.³⁹

חלק מהיצירה הכתובה בג'והורי, וכן היצירה ברוסית של סופרים בני הקהילה התייחסו ישירות לתכנים מתוך היצירה הספרותית העממית, שרוב רובה מבוסס על הג'והורי. ביצירה העממית ניתן להבחין בכמה סוגות. ראשונה שבהן היא הסוגה הקרויה *מעני* (Ma'ni), היינו 'שירה', הנכתבת ומבוצעת ע"י *המעניכו* המשורר-זמר (כעין 'לודר' או 'טרובדור'), הנותן את שמו ליצירה גם כאשר היא מבוצעת בפי אחרים.⁴⁰

סוגה נוספת היא *האובסונה* (Ovosuna), הסיפור עממי, שמגידו היה *האובסונצ'י*, המספר העממי, במסגרת ה'אוצ'ר' (Uchar) התכנסות לשמיעת סיפורים עממיים בקווקז.⁴¹ *האובסונה* כלל סיפורים מהאגדה ומהמדרש, סיפורים על העל טבעי ועל עולם החי, זנד בהתייחסו להיגוד סיפורי העם בקווקז מציין ש"הזיכרון הקיבוצי נשמר במספר אגדות, הנוגעות בעיקר למקורותיהם של מספר יישובים בקווקז ולאסונות טבע שונים". מאפיין מרכזי של היצירה העממית הוא הדינמיות שלה ויכולת ההתאמה שלה, תוך שמירת ההמשכיות, לשינויים חברתיים וסביבתיים. המסורת העממית שנשמר בה הזיכרון הקיבוצי של יהודי קווקז, עוברת כיום שינויים וכבר עתה משקפת תהליכים שונים הקשורים בעליה לישראל.⁴² תמר אלכסנדר דנה בשינויים שעובר היגוד סיפורי

העם של קבוצות אחרות בישראל. השינויים הצורניים קשורים בדינמיקה המורכבת של תהליכי התערות והתבדלות אותן עוברות הקבוצות השונות. אלה, ובמיוחד ההתערות, משפיעים על שינויים המתבטאים במעבר ממסירה שבעל פה למסירה בכתב, שינוי הכתיב, שינוי באוצר המילים, שינוי ווקבולרי, שינוי במבטא של המספר ועוד.

אלכסנדר מציינת שהיגוד הסיפור העממי בישראל מתרחש בסיטואציות היגוד רב קבוצתיות.⁴³ מצבו של היגוד הסיפור העממי של יוצאי קווקז בישראל, ואף של כלל היצירה העממית שלהם, שונה. קהילת יוצאי קווקז, הנתונה בתוך מובלעת תרבותית וחברתית טרם מצאה את מקומה בסיטואציות היגוד רב קבוצתיות. מצבה של היצירה העממית של בני קווקז בישראל משקף את הבידול התרבותי-חברתי של הקהילה ומושפע ממנו. אם נשתמש במינוח של אלכסנדר, הרי שעד עתה עברו יהודי קווקז בישראל בעיקר תהליכים של התבדלות. התרחבותו העתידית (המקווה) של היגוד

39 וראה זנד (1986), עמ' 418. כתב העת 'זוטן סובייטימו' היה כלי תעמולתי סובייטי שחולק חינם אין כסף ונועד לתת ביטוי לקיומן של תרבויות וקבוצות אתניות שונות בדגסטן. כתב העת היה דו לשוני וכל יצירה בו הודפסה ברוסית ובג'והורי (עדה ספנוב, תקשורת אישית 6/12/97).

40 ראה זנד (1985), עמ' 5. שפת ההיגוד של המעניכו הייתה גם אזרית וקומיקית, בהתאם לאזור מושבם (זנד, 1986, עמ' 387).

41 עוד שתי סוגות ידועות הן המת'לה (המשל, הפתגם) והחידה.

42 מ'ץ אליהו (תקשורת אישית 20 מ'ץ 1997) מעיד על שינוי *תכני* ביצירה העממית המבוצעת בישראל (בכינוסים לרגל מאורעות של אבל או של שמחה). לרפרטואר הסיפורי נוספו תכנים המתמודדים עם קשיי הקליטה *התרבותית* בישראל. יש מקום לחקור את השינויים הצורניים שחלו ביצירה העממית בישראל.

מילים עבריות וארמיות השתמשו ב"טאטית" והדבר מעיד על קשרים הדוקים ושייכות לעם היהודי³³.

למרות כל האמור לעיל, נטען שיש להכיר בעצם העובדה שלשימוש בשפה יש חשיבות גדולה בעיני דובריה, או בעיני אלה הרואים את עצמם כשייכים ל'מעגל התרבות הקווקזי' כמגדירה את זהותם, בישראל כמו בארצות המוצא³⁴.

המטען התרבותי של הג'והורי-יצירה בכתב ובע"פ

רוב היצירה בג'והורי היא יצירה שבעל פה. היצירה הדתית הכתובה הייתה עברית בעיקרה³⁵. מתחילת המאה התחילו לצאת פרסומים בג'והורי, לאו דווקא בעלי אופי דתי. היצירה הכתובה בת המאה הזו מהווה פרק מעניין בתולדות יהודי קווקז, שנדון כבר בהרחבה אצל מ. זנד. לספרות זו יש חשיבות כתופעה המבטאת תהליכים היסטוריים, פוליטיים וחברתיים הקשורים בקהילת יהודי ההר, וביהודים תחת המשטר הסובייטי בכלל³⁶. היצירה בכתב הייתה כלי ביטוי לקבוצת סופרים ומשכילים בני הקהילה, אבל ביטאה גם מגמות פוליטיות ותעמולתיות של השלטון הסובייטי, שמצאו את מקומן גם בספרות היידיש הסובייטית. המדיניות כלפי השפה השפיעה גם היא, ורוב היצירה הספרותית שנכתבה משנות השלושים ואילך בלשון יהודי קווקז הייתה משופעת ב'סובייטיזמים' ובמילים שאולות מהשפה הרוסית³⁷. למן תחילת שנות החמישים פסקה לחלוטין בקווקז פעולתם של בתי ספר ששפת הלימוד בהם היא ג'והורי, כתוצאה מכך, הג'והורי, שפת האם של יהודי קווקז הפכה לשפה משנית, שקשה לרוב היהודים לקרוא ולכתוב בה³⁸.

33 יוספוב, בן לעולים מקווקז שולד בישראל, ליקט בספרו מסורות שונות של היהודים ההרריים. כמו כן ומוקדש בו מקום רב לתיאור פעלו של הרב יצחקי ומובאים בו חלקים מהמילון שחיבר שלוקטו בסיוע נכדו של הרב. אפשר להשוות את הצטיטה מספרו של יוספוב לקביעתו של מיכאל זנד שהעברית לא הייתה אלא לשון תפילה, שיועדוהו היו, בזמנים שלפני מהפכת אוקטובר גברים בלבד (זנד (1986), עמ' 386).

34 בישראל, יש משנה חשיבות לשפה כמגדירת זהות, משום שההבדל הדתי או הדתי-סימבולי בין חברי הקבוצה לבין האחרים איננו קיים כאן. בברה"מ ההגדרות של 'לאוס' (National' nosk) לא חפפו תמיד את הגבולות הדתיים, הלשוניים או הגזעיים של הקבוצה הנדונה (כמו בדוגמה שצוינה לעיל, דוברי טאטית נוצרים או בעלי רקע נוצרי, נחשבו 'ארמנים' [ראה אלטשולר (1990), עמ' 360].

35 זנד, עמ' 5-6.

36 משיחות עם כמה מחברי הקהילה הקווקזית בישראל, ומדברי פרופ' זנד (1986, עמ' 410) אנו מתרשמים שקשה להשוות ספרות זו ליצירה שבעל פה גם מבחינת מהותה כמשקפות תכנים תרבותיים ייחודיים של יהודי קווקז, וגם מבחינת ערכה האסתטי והאומנותי. ספרות זו ראויה להמשך מחקר בהקשרים אלה מתוך פרספקטיבה היסטורית וביקורתית - ויש לקוות שבכך יהיו מעורבים גם חוקרים מקרב הקהילה.

37 שילוב מילים רוסיט בשפה נחשב למדד לנאמנות הכותב לרעיון המקובל של 'קידמה' במדינה הסובייטית, כפי שמלמדת התקפה בעיתון דגסטיני על עורך העיתון בשפת יהודי ההר 'זחמטכש' (העמל, מס סגולה): "אויב העם המושבע, הציוני יוחנן יוחנוב, אשר השתמש בעיתונו לתעמולה אנטי מהפכנית. אויב מושבע זה של העם הרוסי הגדול ושל הלשון הרוסית, סילק מהלשון הטאטית את כל המילים הרוסיות" (ראה אלטשולר עמ' 371).

38 אלטשולר (1990), עמ' 372.

מאז שנות העשרים עבר הקווקז תהליך מואץ של רוסיפיקציה, שבמהלכו הפכה הרוסית לשפתם העיקרית של רוב יהודי קווקז²⁸. למרות הרוסיפיקציה נשמר בקרבם (גם בישראל) המושג של "לשון שלנו". במשפחות רבות משמשת הרוסית כשפת תקשורת, כשלצידה הג'והורי, שלה פונקציות מיוחדות במשלבי-שפה מסוימים (לדוגמא, שימוש בג'והורי להבעת קשר רגשי בין בני משפחה).

על חשיבותה הסימבולית של השפה לבני הקהילה עוד בקווקז, יעידו הדברים הבאים שנכתבו בידי הרב יעקב יצחקי, ראשון חוקרי השפה, באמצע המאה התשע עשרה²⁹:

"יש צורך לחבר ספר יכלול שרשי שפת טאטי, ובאמת אני הייתי המעורר את כבודם בזה בראותי שהלשון הזה הנשאר לפליטה רק בין יהודי דגסטן ובין איזה מתי מספר מחמדנים כפריים הרריים במחוז זה... והלשון הזה הולך ודל ועוד מעט ייסוף זכרו מבין החיים. וכאשר אין לו תקווה שיקום לו גואל מן הכפריים [המוסלמיים] הללו, בני בלי שם וחסרי מידע כתב וספר, וכן אין לו גם לקוות מהיהודים הנדברים בו [=דוברי השפה], כי לא נשאר אצלם בטהרו ונתערבו בו מלות תורכיות, עבריות, פרסיות עד שהפך מרובה"³⁰.

יצחקי רואה חשיבות מיוחדת בשימור השפה בכתב, למרות שקיימת קבוצה לא-יהודית שמשתמשת בשפה המדוברת - אך קבוצה זו היא 'בת בלי שם' לדבריו, וחסרה ידע אורייני בניגוד למי שהוא בר אורין ויכול לכן להשתמש בשפה ולשמרה³¹. החשיבות הסימבולית של השפה לבני הקהילה הקווקזית בולטת גם בדבריו של משה יוספוב המציין בפרק העוסק ב"שפה הטאטית" ש "השפה העידה על שייכותם [של הדוברים] לעם היהודי ושימשה לצורכי קודש וחול"³². הם השתמשו גם בשפה העברית שיועדה לחכמים ולמנהגים דתיים. שתי השפות, עברית וטאטית הילכו יחדיו והתמזגו... מאות

השנים האחרונות מעמד חשוב לאזרית לצד הלהג הלהג הדרבנדי והרוסית. בכפרים סביב דרבנט היה מעמד חשוב גם ללזגינית.

28 יוצאת מכלל זה אוכלוסייה של דוברי טורקית שמקורה באזורי פריפריה באזרביג'ן.

29 פרט לרב יצחקי, החל החוקר וסולוד מילר בחקירת השפה היהודית-טאטית בשלהי המאה שעברה. ההתעניינות של חוקרים רוסיים ואירופאים (להבדיל ממחקרים בלשניים שנעשו על ידי חוקרים ערבים, פרסים ומרכז אסיאניים במאות קודמות) בשפות הקווקז גברה עם השתלטות ההדרגתית של האימפריה הצארית על שטחי הקווקז, והייתה חלק מההתעניינות הרוסית הכללית בקווקז, התעניינות שלא חסרה בה אלמנטים רומנטיים ו'קולוניאליסטיים'. האזכור הראשון של השפה הטאטית, בין שאר שפות הקווקז, נעשה בשנות השלושים של המאה שעברה, והסתמך בעיקר על הלשון המדוברת בפי קבוצות מוסלמיות (ראה אלטשולר (1990), עמ' 360).

30 אלטשולר (1990), עמ' 360.

31 אשר לסיפא של המשפט-ניתן להבינו בדרכים שונות. פירוש אפשרי אחד הוא שיצחקי רואה מצב כלשהו שבו הייתה בעבר הג'והורי ב'טהרתה' ואותו הוא רוצה לחשוף ולשמר. פירוש אפשרי אחר הוא שיצחקי מתייחס כאן לשפת הדיבור של היהודים בתקופתו, המערבת ג'והורי (על יסודותיה השונים) עם מילים משפות אחרות. יש לציין שביטוי סוציו-לינגוויסטי כזה של שפה מדוברת קיים גם היום בקרב חלק מיהודי קווקז החיים בישראל ומעריבים בשיחה בינם רוסית, עברית, ג'והורי, ואף טורקית במקרים מסוימים.

32 יוספוב (1991), עמ' 83.

ב"תלמיד-ח'ונה", ה"חדר". שיטת הלימוד המסורתית שנהגה בתלמיד-ח'ונה, התבססה על קריאת הטקסט העברי או הארמי ותרגומו לג'והורי.

עיקר מנינו של אוצר המלים העברי הוא במשלב הנוגע לחיי הדת, לתכונות אישיות ולמושגים מופשטים, וכן במילים הקשורות לחיי היום יום שיש להן קשר לדינים ('בצק', 'כשרות' וכו')²⁴.

אוצר המילים העברי של השפה הוא בין המרכיבים המרכזיים שהדגישו את חשיבותה כסמל זהות עבור יהודי הקווקז. על מרכיב זה יש להוסיף מרכיבים סוציו לשוניים: השפה קבעה את הגבולות החברתיים של הקבוצה, הגדירה מי "בפנים" ומי "בחוץ" והייתה קוד תקשורת פנימי בין היהודים הקווקזיים. תקשורת זו כללה רבדים שונים, בהתחשב במרחקים הגיאוגרפיים בין הקהילות ובלהגים השונים. היו יהודים הרריים (בדרבנט ובורטשן של תחילת המאה) ששלטו רק בלהג אחד של שפתם, והיו ששלטו ביותר מלהג אחד.

יהודי הקווקז חיו באזור רב לשוני, ומטבע הדברים רוב היהודים, ברוב מקומות היישוב, היו דו לשוניים או רב לשוניים²⁵. הם השתמשו בלשונות רבות לצרכים שונים, לעתים גם ברמה שווה של ידע, אולם אפילו בשנות העשרים של המאה הנוכחית "היהודים הבחינו היטב בין לשונם שלהם ובין לשונות המשמשות במגעים היום יומיים ההכרחיים עם האוכלוסייה הלא יהודית"²⁶. דוגמא לאבחנה בין התקשורת בשפת יהודי קווקז, על להגיה השונים, לתקשורת "חוץ קהילתית" בתוך מערכת רב לשונית אפשר למצוא בדיונו של

זנד בהתנהגות הלשונית של יהודי קווקז בארצות מוצאם בתקופה הטרומ רוסית:

"...One has, it seems, to regard their language behavior as a multimember polysystem in which a clearly defined function and value was ascribed to each language and dialect... The most complicated, seven member polysystem was that of the speakers of the Qaytaqi dialect of Judeo Tat: high, sacred language (Hebrew)- High intra-communal dialect (The Derbent dialect)- plus all five commonly spoken languages ... namely low intra-communal dialect (The Qaytaqi dialect), high out-communal language (Qumiq), the second-in-value out communal language (Avar), the third-in-value out communal language (Dargwa), and the lowest-value out communal language (Tabasarani)"²⁷.

24 ראה אלטשולר (1990), עמ' 363. בדיקה ע"פ מילון חלקי שקיבץ מילר העלתה ששיעור המילים עבריות בשפה הוא שני אחוז (שם, שם), אך נראה שיש צורך בבדיקה רחבה יותר ביחס לסוגיה זו.

25 ראה זנד (1986), עמ' 384-385.

26 אלטשולר (1990), עמ' 358. הבחנה זו מצאה את ביטוייה גם בתוצאות המפקד הסובייטי של 1926 (שם, שם).

27 זנד (1986), עמ' 387, בסיכום הדיון על היהודים ההררים, הגרוזים, יהודי קרים והבוכרים. סוג המגע עם השפות המקומיות השונות ומעמדן אצל היהודים השתנו ממקום למקום ומזמן לזמן. בדרבנט ובסביבותיה, למשל, היה עד

יש בשפת המוסלמים גם שימוש, על פי עדות זו¹⁷, במיליות קישור שאינן מצויות בשפה המדוברת בפי היהודים. בדיון יש צורך להתחשב גם בשוני בין הדיאלקטים היהודיים, ונראה כי כל נושא חקר השפה ה"טאטית" צריך עיון ומחקר מדוקדק נוסף.

הקשר בין הניתוח הבלשני של השפה ומעמדה כשפה העומדת בפני עצמה מחייב התייחסות גם למדיניות הלשונית בברית המועצות, ששיקפה מדיניות אתנית כללית ומניפולציות פוליטיות על קבוצות אתניות שונות. נייטטאט מציין שבשנות השלושים של המאה הזו הייתה הכוונה הרשמית של המדינה הסובייטית 'למזג' את היהודים והמוסלמים דוברי הטאטית לכדי לאום אחד, ע"י יצירת "שפה טאטית ספרותית אחידה"¹⁸. בשנים שאחר כך נמשך המאמץ הסובייטי "לנתק את היהודים ההרריים מכלל ישראל" והגיע לשיאו בשנות השבעים והשמונים¹⁹. בקרב יהודי קווקז בישראל, ובמיוחד בקרב אלה שהגיעו לישראל בשנות השבעים, יש רגישות רבה ביחס לשאלות של הגדרות אתניות ושל תיוגם האתני בקווקז. רגישות זו מתבטאת בין השאר ביחס לשימוש בכינוי 'טאט' (כשלכך יש גורמים נוספים, הקשורים בקונוטציות שליליות קודמות של כינוי זה). מצב זה מוסיף עוד רובד של קושי לדיון במעמד השפה בישראל²⁰, שכן ישנה שניות המתבטאת בקשר רגשי וסמלי חזק לשפה מחד גיסא, וברגישות על רקע המדיניות האתנית- לשונית שהופעלה כלפי קבוצה זו על ידי שלטונות בריה"מ מאידך גיסא..

מרדכי אלטשולר רואה בלשון הטאטית יהודית- מרכיב בהגדרת זהות, משום שרובם המכריע של יהודי קווקז בארצות מוצאם, הצהירו עליה כעל שפת אמם²¹. אלטשולר גם מצביע, על ייחודיותה, במבחינה סוציו-לשונית (ראה הערה 13 לעיל) של הטאטית *יהודית* (ג'והורי) ביחס לדיאלקטים הנוצריים והמוסלמים של השפה²². אבחנתו מבוססת על שלושה גורמים עיקריים: יש בשפה רובד לקסיקלי יהודי וארמי; היא נכתבה באותיות עבריות בכתב הקרוב לכתב רש"י; ורק בה יצאו לאור פרסומים בספרות יפה וכתבי עת. לעומת זאת, הנסיונות שנעשו בברה"מ לגבש שפה ללשונם של הטאטים לא צלחו. המוסלמים דוברי הטאטית השתמשו בתורכית-אזרית כשפת כתיבה, ואילו הנוצרים השתמשו לשם כך בארמנית²³. הטאטית-יהודית שמשה כשפת הלימוד

¹⁷ האינפורמציה מובאת על סמך עדות של יוצאי דרבנט שהתייחסו לשוני שבין שפתם לבין השפה שבפי טאטים מוסלמים תושבי כפרים באזור דרבנט שבדגסטן. יש מקום לבחינה נפרדת של הנושא ביחס לאורז'ג'.

¹⁸ נייטטאט (1973), עמ' 82 והשווה אלטשולר, עמ' 526 ויוספוב (1991), עמ' 85.

¹⁹ אלטשולר, עמ' 527, והשווה יוספוב, עמ' 85.

²⁰ הרגישות מתבטאת גם ביחס לשם השפה: יוצאי קווקז בישראל מתייחסים לשפתם במילה "קווקזית" כאשר השם "ג'והורי" משמש אותם בינם לבין עצמם. רגישות זו קיימת גם בקרב עולים משנות התשעים אך בקרבם יש גם רבים הנוקטים בכינוי "שפה טאטית".

²¹ ראה אלטשולר (1990), עמ' 358: במפקד הסובייטי של 1926 יותר מ-95% מהיהודים הצהירו על הלשון היהודית-טאטית כעל שפת אמם.

²² אלטשולר, 360. וראה גם זנד (1985), עמ' 4.

²³ אלטשולר (1990) עמ' 362. שם גם מצוין כי "כבר משנות העשרים אף הדיבור בלשון זו הלך והשתכח אצל הטאטים המוסלמים".

על מעמדה של הג'והורי כשפה (להבדיל מניב) חלוקות הדעות. לגישות השונות בסוגיה זו יש גם השלכה על האופן בו ניתן לתפוס את היותה 'שפה יהודית'¹². השאלה המרכזית בהקשר זה נובעת מהעובדה שהשפה (או ניב שלה) מדוברת גם בפי קבוצות קווקזיות קטנות נוספות של מוסלמים ונוצרים¹³.

פרופ' מ. זנד טוען שהלהגים המדוברים בפי יהודי ההר שונים משמעותית מאלה המדוברים בפי המוסלמים¹⁴. אנציקלופדיה יודאיקה בערך 'Judeo Tat', קובעת את ההפך הגמור¹⁵: "יש אחדות דיאלקטלית בין שפת יהודי קווקז לשפת השכנים המוסלמים והנוצרים"¹⁶. יהודים יוצאי קווקז אותם ראינו בארץ בנושא זה ציינו בין השאר שמבטאה של שפת הטאטים המוסלמים הוא "רך יותר" ונבדל מזה של היהודים.

¹² השאלה מהי "שפה יהודית" היא מורכבת מאד. בתואר זה משתמשים במקומות שונים לציון מגוון תופעות, ולדעתנו יש מקום לדון נוסף בנושא. התייחסותנו לנושא במאמר זה נעשית בעקבות הדיון בנושא בכתב העת 'פעמים' (גיליון 1, 1979) מאת אבנר לוי המתייחס לשפה כאחת מ "שפות היהודים".

¹³ א. הקבוצה הגדולה יותר היא זו של ה"טאטים" המוסלמים שרובם יושב באזוריג'ן ומיעוטם בדאגסטן. מעצבי המדיניות הסובייטית ראו בקבוצה זו בני לאום 'טאטי' אחד. היה ניסיון מצדם להדגיש שליהודי קווקז זהות אתנית ולאומית נפרדת מזו של יהודים אחרים. הנוצרים דוברי הטאטית היושבים בעיקר באזוריג'ן, לעומת זאת, נחשבו 'ארמנים', באופן שאיננו עקיב ביחס לקריטריונים האחרים. הגדרות הזהות הלאומית-לשונית בכלל, ובברה"מ בפרט, מעולם לא היו חדות וחלקות. ניתן לראות עקבות של הגישה הסובייטית לשאלה זו גם היום בפרסומים בנושא מיעוטים בקווקז במערב, כפי שהם באים לידי ביטוי בחפיפה בהגדרות לשון-לאום בספרה של הלן קרג (1994).

ב. נייטאט (1973, עמ' 75) מציין כי נקוטה מסורת ביד יהודי קווקז שהטאטים המוסלמים הם צאצאי יהודים שהמירו את דתם. הנושא צריך בדיקה נוספת בהתחשב בקיומן של מסורות רבות מסוג זה לגבי קבוצות שונות בקווקז והשווה גם יוספוב, 1991 עמ' 85, ואלטשולר ע' 52-56.

¹⁴ זנד (1985, עמ' 4).

¹⁵ Encyclopedia Judaica (1989, כרך 10, עמ' 442, מחבר: Gilbert Lazard). יש לציין שעצם שמו של הערך

האנציקלופדי מציג את הג'והורי כ"שפה יהודית", וכך קשה לקבוע בדיוק מהי גישת מחברו אל השפה, וראה הערה 12 לעיל.

¹⁶ אמירה כוללת זו אינה ברורה בהתחשב בשוני הגדול בין דיאלקטים שונים של הג'והורי. קולמוסים רבים נשברו בניסיון למצוא את ההגדרה המבדלה 'להג' מ 'שפה'. מילון ההווה- של בהט ומישור, (כדוגמה לשימוש המקובל בעברית כיום) מציין כי 'להג' הוא: " צורת משנה של לשון המיוחדת לאזור מסוים (או לאוכלוסייה מסוימת)", ואילו שפה היא: "מערכת המילים ודרכי הביטוי של עם; מערכת של סימני תקשורת". קשה להחיל קריטריונים גיאוגרפיים על הגבולות הדיאלקטליים בקווקז, משום שלא בכל המקרים ישבו יהודים בשכונות לדוברי טאטית מוסלמים או נוצרים (נהפוך הוא, זה היה המקרה הפחות שכיח). משום כך אי אפשר לדבר כאן על 'קו-לשון' (Isogloss) התוחם גיאוגרפית שני אזורים לשוניים על בסיס שוני באלמנט לשוני אחד, או על רצף להג (Dialect Continuum) (ראה יול (1985, עמ' 64). לעומת זאת היו גבולות אתניים ברורים בין היהודים ההרריים לבני קבוצות אחרות (ובכללם גם דוברי טאטית) בקווקז, שמאופיין בריבוי קבוצות אתניות. היהודים ההרריים ישבו דורות רבים באזור הקווקז, וכנראה הייתה להם זהות "מקומית" שהתקיימה ביחד עם זהותם ה"יהודית". יהודי קווקז היו, במידה רבה, קבוצה אתנית או "עם" בין עמי הקווקז (אם כי נבדלו בקיום זיקה סימבולית לארץ ישראל כחלק מזהותם). ביטוי לכך אפשר לראות גם באופן בו השתמר מרכיב זה של תפיסת הזהות והגבולות החברתיים במילים בהם משתמשים המהגרים מקווקז בישראל בדברם על עצמם. פעמים רבות הם מתייחסים ל"עם שלנו" או ל"עם הקווקזי" (ברוסית Nashe Narod). אופן השימוש במילה 'עם' לא סותר את ראייתו כחלק מ'עם' גדול יותר- העם היהודי. בהתחשב בכל זאת, ובמיוחד באופן בו מתייחסים היהודים לשפתם, ראויה הג'והורי שבפיהם להיקרא 'שפה' גם בהוראה הרחוקה, בלא תלות ביחס בין שפה זו לבין שפתם של דוברי טאטית אחרים בקווקז.

שפת יהודי קווקז - רקע[‡]

הג'והורי מתייחסת על משפחת הלשונות האירניות⁷. מקובלת הסברה שמקורה של השפה הוא מלשון פרסית שדבורה בימי השושלת הסאסנית (המאות השלישית-שביעית לספירה). אוצר המילים של השפה כולל גם מילים טורקיות, עבריות, ערביות, ארמיות ורוסיות רבות שנכנסו אל הלהגים השונים שלה במהלך ההיסטוריה⁸. לשפה זו יש מסורת אוראלית בעיקרה. העדות הראשונה לכתיבה מופיעה במסמך בעברית מ 1865 המעיד לראשונה על קיומה של כתיבה בג'והורי⁹. ממסמך זה ניתן להבין שיהודי החר מקווקז דיברו בשפה זו דורות רבים לפני כן¹⁰. השפה נכתבה בעבר בכתב עברי מרובע הקרוב לכתב רש"י ומסוף שנות השלושים ואילך באותיות קיריליות. שלבי המעבר הגרפיים בכתיבת השפה הושפעו רבות מתהפוכות פוליטיות ומהחלטות של גופים וועדות למיניהן שהיו אחראים על ה'תרבות' וכיוצא באלה דברים במשטר הסובייטי¹¹. השינויים באורתוגרפיה של לשון יהודי הקווקז שיקפו מגמות כלליות של יחס השלטון הרוסי לתרבויותיהם ולשונותיהם של עמי קווקז. להלן שלבי המעבר האורתוגרפיים:

- א. כתיב עברי רגיל (הדוגמה הקדומה ביותר שבידי החוקרים היא מ 1835),
- ב. כתיב עברי משקף-פונטי (בעקבות הנהגת הכתב הערבי החדש 'העדג'מי (פרסי) החדש' ללשונותיהם של רבים מעמי הקווקז, התקבל ב 1928).
- ג. כתיב לטיני (התקבל ב 1929)
- ד. כתיב קירילי (החל ב 1930).

[‡] דיון מקיף וממצה על שפת יהודי קווקז נמצא אצל אלטשולר (1990), עמ' 357-386. בכוונתנו להעלות במסגרת מאמר זה כמה נקודות מרכזיות ודילמות הקשורות לשפה ולמעמדה.

⁷ ראה פולק (1943), עמ' 126, המסתמך על מילר, שאומר ששפת יהודי קווקז משקפת בבסיסה ניב של אזרביג'ן הפרסית.

⁸ פולק (1943), עמ' 127, מזכיר תחומים אחרים שבהם, לדעתו, הושפעה השפה: "השפעה תורכית על לשון הטאטים היא עצומה במידה כזו שמשמשת ראייה. למגע קדום מאוד עם מדברי-תורכית: היא ניכרת הן במבטא הצלילים, הן במבנה המשפט [תחביר], והן בבניית מילים מורכבות [מורפוסנטקס]". קיימים הבדלים באחר המילים התורכיות בין הלהגים השונים של הג'והורי: חלוקה פנימית: הלהג הצפוני (ע'יטרי) כלל יותר משיעיות של מילים תורכיות, ואחוז קטן יותר בלהג הדרומי (להג וורטשן) (אלטשולר (1990), עמ' 363). בתקופה מאוחרת יותר, שילוב מילים רוסיות בשפה נחשב למדד לנאמנות הכותב לרעיון המקובל של 'קידמה' במדינה הסובייטית, כפי שמלמדת התקפה בעיתון דגסטני על עורך העיתון בשפת יהודי החר 'זחמטש' (= 'העמל', מס סגולה): "אויב העם המושבע, הציוני יוחנן יוחננוב, אשר השתמש בעיתונו לתעמולה אנטי מהפכנית. אויב מושבע זה של העם הרוסי הגדול ושל הלשון הרוסית, סילק מהלשון הטאטית את כל המילים הרוסיות" (מובא אצל אלטשולר (1990), עמ' 371).

⁹ אין ראייה בנוגע לתאריך תחילת הכתיבה בג'והורי.

¹⁰ זנד (1986), עמ' 388.

¹¹ המגמות הפוליטיות באו לידי ביטוי בויכוחים פנימיים בין יהודי קווקז. שניים מבני הפלוגתא המפורסמים היו זכאי חודאינאטוב - מצד תומכי הלטיניזציה, וניקולאי נפתלי צבי אניסימוב - מצד תומכי הכתב העברי.

שאלת מקומה ותפקידה של התרבות אותה מביאים העולים בתהליך הקליטה עדיין לא עלתה לדיון במידה הראויה. הקשיים בקליטה ומצבם של יוצאי קווקז בארץ והעובדה שהם נעדרים כוח פוליטי וציבורי משליכים ישירות על יכולתם להשפיע בדרך כלשהי על מעמד השפה ועל המדיניות הננקטת בנוגע אליה.

שפת יהודי הקווקז היא שפתו של ציבור גדול שהגיע לאחרונה לישראל, והיא גם אחת מ"שפות היהודים" כהגדרתו של אבנר לוי: "לשונות שהיהודים השתמשו או משתמשים בהן בצורה מיוחדת אך להם..."⁴. ההכרה בג'והורי חשובה מהבחינה המעשית, ככלי

שימש בתהליך הקליטה של יוצאי קווקז בישראל. יש לה גם חשיבות תרבותית-כללית כחלק מהמורשת התרבותית של היהודים שראוי לתת לה מקום כלבנה נוספת בבניין תרבות ישראלית פלורליסטית שיהיה בה ביטוי למורשות תרבותיות שונות.

הטיעון המרכזי של כותבי מאמר זה יהיה שהג'והורי ראוי לשימור ולהתייחסות במסגרת קביעת המדיניות הלשונית והתרבותית בישראל. אנו סבורים שההתייחסות לשפה צריכה להיות חלק מהתייחסות למכלול התרבותי של הקבוצה האתנית הנדונה, היהודים יוצאי מזרח קווקז בישראל במקרה דנן. אם מתייחסים לשפה רק כאל כמרכיב נפרד העומד בפני עצמו, יש מקום לתהות על הנחיצות שבשימורו כמרכיב חי בתרבות⁵.

יתרה מזאת, נטען שקיים חוסר התייחסות כמעט מוחלט לשפה הנובע ממדיניות לשונית פונקציונאליסטית - רוב העולים מקווקז שולטים ברוסית ולכן נראה היה לעוסקים בנושא שאין צורך בהתייחסות מיוחדת לג'והורי, שמשמשת לחלק מיוצאי קווקז כ"שפת בית". גישה מסוג זה מתעלמת ממרכיבים מרכזיים אחרים של שפות, שאינם קשורים בהעברת אינפורמציה גרידא. כוונתנו למרכיבים סימבוליים ותרבותיים הקשורים ביחס שבין שפה וזהות. הג'והורי הייתה ועודנה אחד מסימני הזהות מובהקים של יהודי מזרח קווקז⁶. השימוש בלשון זו הגדיר במידה רבה את הגבולות הקהילתיים של יהודי קווקז בעבר. גם היום, כשיש בקרב בני הקהילה ובעיקר בקרב הצעירים כאלה שאינם דוברים כבר כמעט את שפתם, נותרו היחס לשפה וידיעת מספר מילים בה מאפייני זהות והשתייכות עיקריים.

⁴ ראה לוי (1979), עמ' 66.

⁵ על ההבחנה בין "שימור חי" ו "שימור של ארכיון", ראה עמ' 19 לחלן.

⁶ (ראה הערה 21 לחלן).

שפה וזהות תרבותית:

ג'והורי- שפת יהודי ההר מקווקז ומעמדה בישראל

חן ברס, רן שאולי*

מאמר זה יעסוק בשפתם של יהודי מזרח קווקז, או "היהודים ההרריים" (Gorsky 'Yevrei') כפי שהם מכונים בדרך כלל. הג'והורי כפי שמכנים אותה דובריה, או ה'טאטית-יהודית', כפי שמכנים אותה רוב החוקרים מדוברת, על ניביה השונים, בפי יהודים בחבלי מזרח הקווקז וצפונו ובארצות אליהן היגרו ובראשן ישראל¹.

רקע: היהודים ההרריים בין קווקז וישראל

קהילת היהודים ההרריים היא קהילה עתיקת יומין שעד לאחרונה ישבה בעיקר במזרח הקווקז ובצפונו: באזוריג'ן (לשעבר רפובליקה סובייטית והיום מדינה עצמאית), ברפובליקות האוטונומיות של דאגסטאן, צ'צ'ניה וקברדינו-בלקריה השייכות היום לרפובליקה הפדרטיבית הרוסית, ובאזורים נוספים בקווקז הרוסי ובעבר הקווקז². בשנים האחרונות הגיעו לישראל עשרות אלפים מבניה של קהילה זו³. אלה שזה מקרוב באו, הצטרפו לכ 12,000 שהגיעו עוד בשנות השבעים. עליה מקווקז הייתה גם קודם לכן- מראשיתה של תנועת הציונות וגם לפני שזו החלה לפעול. יוצאי קווקז מרוכזים כיום בכחמישה עשר או עשרים יישובים שרובם בפריפריה, שבכמה מהם ישנם ריכוזים גדולים מאד של עולים. קליטת עולי קווקז מלווה בדילמות ובקשיים רבים, מעבר לקושי המאפיין כל הגירה. קשיים אלה נובעים משאלות של מעבר תרבותי ושל מפגש בין תרבותי, אך גם מהתעלמות שהייתה בעבר מצרכיה של קבוצה זו. עולים רבים מעידים על תסכול ועל פגיעה בכבודם ובזהותם. ממצאי עבודת שדה אנתרופולוגית (בה נבדק גם המפגש בין סוכני קליטה ונקלטים) וכן סדנאות עם אנשי שירותים חברתיים ועם עולים ביישובים שונים מרמזים על קיומו של בסיס של ממש לרגשותיהם של בני הקהילה⁴.

על חשיבותה של ההכרה בג'והורי, שפת יהודי קווקז.

מאמר זה נכתב במסגרת פרויקט 'מיתר'- משאבי ידע ותרבות לעולי קוקז שפעל במסגרת ג'וינט ישראל.

* תודתנו נתונה לפרופ' מיכאל זנד ולגב' אליאונורה מטייב ועדה ספנוב על עזרתם והערותיהם.

¹ "ג'והורי" הוא השם בו קוראים לעצמם היהודים, וכך גם נקראו בפי בני העמים האחרים בקווקז. "ג'והורי"

(=יהודית) הוא השם העצמי הרווח של השפה. לצדו יש גם המשתמשים ב"פ'ארסי" (פה רפויה) וב "טאטי" או "טאטית" (השווה אלטשולר, עמ' 359).

² מעמדה של צ'צ'ניה (איצ'קריה בפי הצ'צ'נים) מורכב וקרוב יותר לעצמאות חלקית לאור תוצאות הסכם שביתת הנשק צ'צ'ניה-רוסיה מ 1997.

³ ההערכות מדברות על 50,000 עולים, אולם יש בעייתיות בנתונים הסטטיסטיים (ראה ברס, 1997, עמ' 158)

⁴ עבודת השדה והסדנאות בוצעו ע"י חן ברס בשנים 1994-6.

הכוכב הזוהר

НАШИ АВТОРЫ

ЕРУХАМ АБРАМОВ — автор книг «Закон тайга, прокурор медведь» (1988) и «Исповедь вора» (1991), рассказывающих о концлагерях сталинских лет.

ХИЗГИЛ АВШАЛУМОВ — поэт, прозаик, драматург, создавал свои произведения на джури и на русском языках. Широко известны его книги «Встреча у родника», «Как я воскрес», «Толмач имама», «Сказание о любви», «Возмездие», «Фамильная арка», юмористические рассказы о Шими Дербенди.

ГАЛИНА АГАРОНОВА — поэтесса, член Союза писателей-горских евреев в Израиле. Автор поэтического сборника «Ветер перемен». Публиковалась в альманахах «Роза ветров» и «Хронометр».

ЕФРЕМ АМИРАМОВ — певец, композитор, исполнитель собственных песен. Автор двух поэтических сборников. Публиковался в «Комсомольской правде», в «АиФ» и в других периодических изданиях.

ЛАЗАРЬ АМИРОВ — поэт, прозаик, драматург, переводчик, член Союза писателей-горских евреев в Израиле. Автор поэтических сборников «Кизилый костер», «Сердце отдаю тебе», «Есть на свете любовь», один из составителей и переводчиков фольклорного сборника «Ларец мудрости».

ДАНИИЛ АТНИЛОВ — поэт, переводчик. Переведел на джури стихи Пушкина, Лермонтова, Маршака и Барто, рассказы Горького. Первый сборник его стихов и повестей назывался «Волны сердца», затем была издана книга «Образ времени». На русском языке вышли книги для детей «Светлые черты», «Мальчик Нахшун» и сборники стихов для детей «Первый урок», «Вот как бывает».

РОМАН БАДАЛОВ — поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей-горских евреев в Израиле, автор книг «Иду на огонь», «Живу на войне», «Кавказские тосты», «Рамук». Печатался в периодических изданиях.

ХЕН БРАМ — известный израильский антрополог, сотрудник Иерусалимского университета, автор многих работ, посвященных быту и жизни общины горских евреев.

МИХАИЛ ГАВРИЛОВ — поэт, прозаик, член Союза писателей горских евреев в Израиле. Один из авторов сборника «Ригаз чуйшме» («Лучи солнца»). Издал сборник «Г'эрд фэрзенди» («Сыновний долг»).

ВЯЧЕСЛАВ ДАВЫДОВ — музыкант, поэт, член Союза писателей горских евреев в Израиле. Автор поэтических сборников: «Союз двух муз», «Россия издалека», «На своей земле». Публиковался в альманахе «Роза ветров», «Хронометр».

БОРИС ДАДАШЕВ — поэт, публиковался в периодических изданиях.

ВЯЧЕСЛАВ ДАДАШЕВ (литературный псевдоним «Вячеслав Дон») — известный российский бизнесмен, печатался в различных российских изданиях. В Москве вышел первый сборник поэта «Лирика».

МАНУВАХ ДАДАШЕВ — поэт, родился в 1913 году в Дербенте. Учился на рабфаке при Московском государственном университете. Печатался в сборниках и периодических изданиях. Погиб на Великой Отечественной войне в 1943 году.

МИХАИЛ ДАДАШЕВ — прозаик, член Союза писателей России, автор книг «Судьба», «Полонез любви», «Суета сует» и другие.

АШИР ЗАХАРОВ — литературный критик, член Союза писателей-горских евреев в Израиле, один из составителей и переводчиков фольклорного сборника «Ларец мудрости».

СЕРГЕЙ ИЗГИЯЕВ — поэт, автор семи сборников на джуури, среди которых — «Судьба и любовь», «Размышления поэта» и др.

ЯКОВ ИЛЬЯГУЕВ — поэт, переводчик. Автор поэтических сборников на джуури. Вышла книга «Избранное» и другие сборники стихов.

ВАЛЕРИЙ НИСИМОВ — поэт, публиковался в периодических изданиях.

АЛЕКСАНДР СЕМЕНДУЕВ — поэт, издал несколько сборников на джуури. Недавно опубликована книга «Звезда моя» на русском и джуури.

ГЕННАДИЙ СЕМЕНДУЕВ — автор вступительной статьи к книге А.Семендуева «Звезда моя».

ЗОЯ СЕМЕНДУЕВА — поэтесса. Автор сборников на джуури «Войгей дуьл», «Бовор сохденуьм», «Озоллубе духдер догъи» и др. На русский язык переведены ее сборники «У обелиска», «Моя звезда», «Мечта. Любовь», «Околица».

ЮНО СЕМЕНОВ — поэт, драматург, издал «Избранные произведения» («Вихде оmore произведенигъо»).

БОРИС ХАНУКАЕВ — прозаик и поэт, председатель Союза писателей-горских евреев в Израиле. Автор книг «Надежда» («Имид», на джуури), «Сам» и «Предсказание» (на русском).

ЭЛЬДАР Гуршумов — поэт, бард, исполняет свои произведения под аккомпанемент тара. Готовится к изданию поэтический сборник «Слезы матери».

ФРИДА ЮСУФОВА — поэтесса, педагог, журналист. Автор книги «Распахнутое сердце», печаталась в журнале «Российский адвокат».

СИМАХ ЮШВАЕВ (Симах Шейда) — поэт, драматург и переводчик. В Баку выпустил шесть книг на азербайджанском языке. В Израиле вышли книги «МэгГнигъой дуьлме» и «Духдер Ширвони». Готовится к выпуску книга «Пуьрс мере» («Спроси меня»).

АЛЕКСЕЙ ЯКУБОВ — поэт, член Союза писателей-горских евреев в Израиле. Автор поэтических сборников «Отчизны неделимы небеса», «Крик души» и юмористической книги «И смех, и грех».

АЛЬБЕРТ ЯКУБОВ — поэт, автор книги стихов на иврите «Перевернутый стакан».

СОДЕРЖАНИЕ

Свет нашей звезды 6

ТОВУШ ГЪЕМИШЕЛУГЪИ

ШИРОГЪО

Яков Ильягуев 13
Яшар Мошияхов 20
Александр Семендуев 24

ДРАМАТУРГИЯ

Юно Семенов 33

ОВОСУНЕГЪО

ГӀэсил 47
Темэхькоре везир 48
Падшогъ не зен еннунъшию ... 50
Метелегъо ве меселегъой ... 52

ИМБУРУЗИНЕ МИНОРЕГЪО

Антон Агарунов 55
Михаил Гаврилов 58
Зоя Семендуева 64
Борис Ханукаев 69
Симах Шейда 71
Эльдар Гуршумов 77
Алексей Якубов 83

СВЕТ ВЕЧНОСТИ

ПОЭЗИЯ

Манувах Дадашев 89
Даниил Атнилов 90
Сергей Изгияев 91

ПРОЗА

Хизгил Авшалумов 95

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОЭЗИЯ

Галина Агаронова 105
Ефрем Амирамов 107
Лазарь Амиров 110
Роман Бадалов 113
Вячеслав Давыдов 115
Борис Дадашев 118
Вячеслав Дон (Дадашев) . . . 121
Валерий Нисимов 124
Борис Ханукаев 125
Фрида Юсуфова 128
Алексей Якубов 130

ПРОЗА

Михаил Дадашев 135
Борис Ханукаев 141

ФОЛЬКЛОР

Охотник и соловей 153
Соловей и ворона 154
Пословицы и поговорки . . . 155

ВОСПОМИНАНИЯ

Ерухам Абрамов 159
Геннадий Семендуев 164

ПУБЛИЦИСТИКА

Роман Бадалов 169

СИЯЮЩАЯ ЗВЕЗДА

(раздел на иврите)

Альберт Якубов 174-177
Борис Ханукаев 178-179
Хен Брам 180-202
Наши авторы 205

Министерство
науки, культуры
и спорта

Министерство
абсорбции

Союз писателей-
горских евреев

Объединение
кавказских евреев
в Израиле

Центр абсорбции
творческих
работников

Главный редактор Борис Ханукаев

Редакторы:

Михаил Гаврилов (джуури)

Ирина Мататова (русский язык)

Адрес редакции: Нетания, ул. Бренер, 10

Адрес для писем: P.O.B. 359, Netanya, 42441

Телефоны 09-8870811, 052-536763

E-mail: jkia@zahav.net.il

© «Наша звезда» – «Астарайму»

© Художественный редактор, обложка, иллюстрации — Симха Ашуров

© Дизайн и графика, препресс — Саша Свердлов

הכוכב שלנו

№ 1 • 2001